

Институт психологии Российской академии наук

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2023. ТОМ 3. №1(7)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Лебедев Александр Николаевич

Заместители главного редактора:

Гордякова О.В. (Москва), Сварник О.Е. (Москва)

Члены редакционной коллегии:

Акопов Г.В. (Самара), Аксеновская Л.Н. (Саратов), Александров Ю.И. (Москва),
Аллахвердов В.М. (Санкт-Петербург), Богданчиков С.А. (Москва), Волченков Д.
(США, Техас), Демидов А.А. (Москва), Кисельникова Н.В. (Москва), Корнилова
Т.В. (Москва), Мазилев В.А. (Ярославль), Панов В.И. (Москва), Прохоров А.О.
(Казань), Ушаков Д.В. (Москва), Харламенкова Н.Е. (Москва), Хащенко В.А.
(Москва), Юревич А.В. (Москва)

Институт психологии РАН: 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1.

Электронная почта: scientificnotesipras@gmail.com

Полнотекстовая электронная версия журнала публикуется на сайте
<https://scientific-letters.ru>

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН
2023. Том 3. № 1(7)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

От главного редактора2

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Лебедев А.Н.

Аффект неопределенности и ценностно-аффективная поляризация
больших социальных групп 3

Гордякова О.В.

Динамика поляризации мнений в условиях специальной военной операции 18

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Сухарев А.В.

Анализ взаимосвязи социально-психологических и социально-экономических
характеристик стран мира с позиций концепции синтеза хаоса и космоса 33

Неврюев А.Н.

Сохранение мира или миротворчество: два подхода к решению проблемы
межнациональных конфликтов 45

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Ванин А.В.

Воздействие распространяемой в социальных сетях информации о
пандемии Covid-19 на мнения, эмоции и поведение 53

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Новоселов В.М.

К вопросу о геронтоциде: проблема морального выбора
пожилых людей не продлевать свою жизнь в мучениях 66

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Соловова Н.А.

Обзор исследований по проблеме восприятия и понимания речи на слух 75

ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

Аллахвердов В.М.

Психология в контурах процесса познания.

Пролегомены к учебнику для аспирантов (Часть 2) 86

От главного редактора

Дорогие читатели, вашему вниманию представлен первый номер журнала «Ученые записки Института психологии РАН» за 2023 год. В этом номере размещены материалы по таким направлениям психологии, как общая, социальная, кросс-культурная, психология безопасности, медицинская психология. Некоторые статьи выполнены на основе дискуссий, которые проводились в Институте психологии РАН в рамках работы Академического дискуссионного клуба. В статьях А.Н. Лебедева и О.В. Гордяковой рассматриваются проблемы ценностной поляризации населения страны, которая в последние годы стала одним из наиболее сложных явлений, влияющих на психологическое состояние российского общества, и обострилась в условиях проведения специальной военной операции. В статьях представлены результаты конкретных эмпирических социально-психологических исследований и теоретические обобщения, объясняющие природу и механизмы данного феномена.

В статье А.В. Сухарева проводится анализ взаимосвязи социально-психологических и социально-экономических характеристик стран мира на основе теоретической концепции автора, которую он уже представлял ранее в одной из своих статей в нашем журнале.

В работе А.Н. Неврюева, также выполненной в рамках кросс-культурной психологии, говорится о двух подходах к решению проблемы межнациональных конфликтов. Автор доказывает, что на смену концепции сохранения мира неизбежно должна прийти так называемая концепция миротворчества. Он рассматривает психологические проблемы, возникающие на этом пути, и говорит о необходимости изменения сознания людей в отношении мирного сосуществования и взиморазвития культур.

А.В. Ванин представил обширный эмпирический материал, полученный по результатам исследований распространения информации в социальных сетях Интернета, способной негативно повлиять на психологическое состояние и

безопасность населения страны. Исследование проводилось во время наиболее острого периода пандемии, позволило сформулировать вопросы информационной безопасности и определить методы и пути их решения.

В статье главного врача АНО «Научно-медицинского геронтологического центра», председателя секции геронтологии МОИП при Московском государственном университете В.М. Новоселова рассматривается одна из наиболее сложных проблем геронтологии и медицинской психологии – проблема добровольного ухода из жизни старых людей с тяжелыми соматическими и умственными заболеваниями. Автор приводит примеры добровольной эвтаназии знаменитых людей и предупреждает об опасности геронтоцида.

Наш новый автор Соловова Н.А. представила обзор русскоязычных исследований за период с 2002 по 2023 год по проблеме восприятия и понимания речи на слух. Обзор проведен по материалам публикаций, включенных в базы данных ядра РИНЦ, ВАК, Scopus и Web of Science.

Мы также с удовольствием сообщаем о публикации в журнале второй части большой работы В.М. Аллахвердова по вопросам изучения сознания. В этой статье автор рассматривает сложные психологические проблемы, возникшие в науке за последние несколько столетий, но до сих пор не имеющие решения, предлагает новый взгляд на природу сознания и новые подходы к изучению психики.

Уважаемые коллеги, мы с нетерпением ждем ваших материалов и постараемся опубликовать их по возможности быстро и с хорошим качеством!

С уважением,
главный редактор журнала,
д.пс.н. Лебедев Александр Николаевич

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

АФФЕКТ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ЦЕННОСТНО-АФФЕКТИВНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

© Лебедев А.Н.

доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии личности,
Институт психологии РАН, Москва, Россия,
lebedev-lubimov@yandex.ru

Исследование выполнено в рамках госзадания в Институте психологии РАН
(тема № 0138-2023-0005)

Феномен психологической (ценностно-аффективной) поляризации больших социальных групп приобрел особую актуальность в условиях интенсивной глобализации современного мира и проявляется сегодня во многих странах. Это один из наиболее важных показателей стабильности (нестабильности) общества. Ценностно-аффективная поляризация формирует особый тип мировоззрения противостоящих сторон и заставляет смотреть на мир тенденциозно, некритично, иррационально по отношению к любому событию, особенно касающемуся власти и моральных норм. Исследования показывают, что российское общество сегодня является психологически поляризованным. В представленном в статье исследовании приводятся результаты опроса респондентов активного возраста со средним уровнем доходов с учетом ценностно-аффективной поляризации мнений. В частности, показано, что после объявления специальной военной операции и частичной мобилизации возросло количество респондентов, считающих себя патриотами с 49% до 58%, увеличился уровень недоверия российским СМИ, которые освещают события на территории Украины (с 47% до 66%), но понизились оценки субъективного уровня доходов (с 34% до 26%). Данные получили объяснение на основе понятия аффекта неопределенности. Также был сделан вывод о том, что наличие мощной пропаганды российских СМИ является значимым фактором, обеспечивающим российскому обществу защиту от внутривнутриполитической нестабильности во время проведения специальной военной операции и информационно-психологической войны с недружественными современной России странами.

Ключевые слова: информационная неопределенность, аффект неопределенности, групповая поляризация, ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп, пропаганда, информационно-психологическая война, чувство патриотизма

Введение

Информационная неопределенность возникает не только при полном отсутствии данных для принятия решений, но и при наличии в них противоречий. Более того, обилие и многообразие информации без возможности ее эффективно переработать также создает

неопределенность. Интенсивное эмоциональное переживание неопределенности может быть названо аффектом неопределенности, который нередко сопровождается чувством иррационального и часто отрицаемого и вытесняемого человеком страха [4]. Наиболее «острыми» формами проявления такого аффекта являются

ступор и паника, то есть инстинктивное движение индивида зачастую в случайно выбранном направлении с целью избавиться от крайне негативного переживания и избежать неблагоприятных воздействий природной среды или социального окружения. В современном мире при недостатке или противоречивости информации аффект неопределённости у людей обнаруживается очень часто. Особенно ярко это проявляется в условиях так называемой ценностно-аффективной поляризации социальных групп [6; 7; 10].

Теория и психологические механизмы ценностно-аффективной поляризации мнений

Феномен психологической (ценностно-аффективной) поляризации больших социальных групп приобрел особую актуальность в условиях интенсивной глобализации современного мира и обнаруживается в настоящее время во многих странах. Он замечен прежде всего в демократических странах и связан с новыми технологиями получения и обмена информацией, переизбыток, противоречивость и недостоверность которой, а также невозможность ее быстрой и эффективной переработки создают у населения упомянутый выше аффект неопределённости [19].

В наиболее общем виде ценностно-аффективную поляризацию социальной группы или населения страны можно определить, как понятие, обозначающее явление, которое возникает в процессе разделения мировоззрения граждан на два противоположных полюса по наиболее важным для конкретной социальной общности вопросам [27; 34]. Ценностно-аффективная поляризация проявляется в противоположных мнениях, оценках, взглядах на одни и те же явления, события и пр. Зародившись как расхождения в ценностях, поляризация может достичь своей крайней, то есть аффективной стадии, которую политологи и политические психологи США часто характеризуют термином «*partisan animus*» (партизанская враждебность), означающую крайнюю степень агрессивности поляризованных политических объединений [23].

Поляризацию очень большой социальной группы невозможно создать искусственно, как говорится, с нуля или на пустом месте, например, силами нескольких харизматичных личностей (активистов). Она опирается на объективные факторы, разделяющие общество (экономические, религиозные, этнические, социокультурные и пр.), и первоначально всегда складывается в ситуации ценностной неопределенности. Тем не менее, в современных условиях с помощью средств массовой информации и коммуникации, как показывает практика, ее можно поддерживать, развивать так, что со временем она может принимать форму так называемой «аффективной поляризации» [20; 22; 25; 34; 35]. Очевидно, что огромную роль в этом играют современные средства массовой информации и коммуникации. Здесь как никогда актуальна фраза миллиардера Натана Ротшильда: «Кто владеет информацией, тот владеет миром».

При этом, чем больше группа, тем больше времени уходит на её поляризацию, но абсолютная биполяризация группы характерна только для малочисленных общностей или искусственно созданных групп (экспериментальных, спортивных и др.). Причем в экспериментальных условиях людей в относительно небольших по численности группах ценностно разделить можно даже по совсем незначительному поводу. Экспериментальная социальная психология межгрупповых отношений знает немало таких примеров. Люди легко принимают на себя роли и действуют в соответствии с ними [2; 3; 33]. И у тех, кто не знаком с основами социальной психологии, часто возникает удивление по поводу того, как очень близкие по огромному количеству характеристик люди вдруг начинают презирать и ненавидеть друг к друга.

Психологическую поляризацию необходимо изучать и контролировать потому, что это один из наиболее важных показателей стабильности–нестабильности любой социальной группы или общества в целом. Это также предиктор стабильности–нестабильности общества в будущем [9; 11; 12; 17; 18]. Однако здесь определяющую роль играет не столько наличие поляризации, сколько скорость и стадия ее развития.

Например, для стабильности общества ценностная поляризации в целом не опасна, однако крайне опасна поляризации аффективная.

В начале исследований феномена групповой поляризации мнений в малых социальных группах, инициатором которых, как известно, был французский социальный психолог С. Московиси, она рассматривалась как сугубо когнитивное явление в рамках изучения группового принятия решений (*group decision-making*) и (*group problem solving*) и группового решения проблем. В то время приоритетными были две теории (модели) групповой поляризации: информационная и нормативная. Однако позже и сам С. Московиси, и многие его ученики и последователи пришли к выводу о необходимости рассматривать другие модели поляризации, в частности, учитывающие аффективные компоненты данного явления [31; 32].

В условиях поляризации в многочисленной группе всегда можно выделить две ценностно поляризованные подгруппы людей – так называемое «меньшинство» и основную ее часть, по терминологии С. Московиси – «большинство», которое выбирает свою позицию под влиянием более активного и инициативного «меньшинства». В этом случае, чем больше по численности группа, тем многочисленнее так называемое «большинство». Меньшинство борется за приоритеты и власть в группе и одерживает победу, если действует слаженно и учитывает потребности и особенности мышления большинства. Понятия меньшинства и большинства не являются сугубо количественными величинами. Здесь речь идет скорее о том, какое мнение высказывают члены группы или не высказывают никакого, и как легко они меняют свое мнение или не меняют его никогда.

Ценностная поляризация в группе возникает в тех случаях, когда при обсуждении каких-либо проблем, сложных вопросов или событий трудно выработать объективный критерий «правильного» или «неправильного», «истинного» или «ложного», или когда абсолютной истины вообще не существует, как например, в ситуациях морального выбора [8; 13; 16]. В этих условиях методами науки без спекуляций и

подтасовок однозначно невозможно доказать, как именно «должно быть на самом деле».

Механизм поляризации в настоящее время изучен недостаточно, поэтому понимания, почему именно поляризация в конкретной социальной группе становится неизбежной или почему она не происходит, пока не существует. Объяснения на уровне философских концепций (наподобие законов диалектики) или тех, которые предлагались в начале исследований групповой поляризации в середине прошлого века в настоящее время для решения научных и практических задач явно непригодны, так как не объясняют многообразия проявлений данного феномена на практике.

В локальных ценностных поляризациях для стабильности общества чаще всего нет ничего опасного, и некоторые зарубежные исследователи считают их даже полезными. Например, поляризация мнений по поводу пандемии и массовых прививок разделила российское общество, но существенно не повлияла на его стабильность. Однако со временем, когда локальные поляризации выстраиваться в два глобальных чрезмерно эмоционально окрашенных тренда, они могут поделить страну на два непримиримых лагеря и привести к печальным для населения последствиям.

Ценностно-аффективная поляризация формирует особый тип мировоззрения у каждой из противодействующих сторон и заставляет смотреть на мир тенденциозно, некритично и даже иррационально по отношению к любому событию, особенно касающемуся власти и моральных норм. Глобальная поляризация может проявляться, например, между основными партиями (как в США) или между властью и оппозицией (как в Европейских странах). В ряде случаев поляризация между властью и оппозицией может трансформироваться в поляризацию между властью и населением. И это уже представляет серьезную опасность для стабильности любого демократического государства. Единственным решением проблемы стабильности здесь нередко становится переход к частичному или полному авторитаризму.

В кратком изложении психологический механизм групповой поляризации представляется следующим образом. В период «предполяризации» структура ценностей в группе крайне разнообразна, что проявляется в виде множества ценностных суждений и высказываний. На этом этапе появление и даже преобладание в дискурсе несовпадающих ценностей к поляризации не приводит. Затем под влиянием определенных факторов мнения выстраиваются вокруг двух противоположных полюсов и объединяются внутри каждого полюса таким образом, что при анализе, например в анкетном опросе, в идеале обнаруживаются хорошо скоррелированные переменные, которые объединяются в два противоположных по содержанию блока, зачастую статистически значимо различающихся [9; 11]. То есть возникает дифференциация и интеграция ценностных суждений.

По мере роста аффективности отношений в условиях поляризации мнений снижается уровень рациональности мышления членов поляризованных подгрупп (меньшинства), аргументация в защиту собственной позиции становится доминирующей, тенденциозной и иррациональной. В этом случае сознание оппонентов перестраивается: любая информация, любое событие в соответствии с возникшей установкой логически встраивается в цепочку суждений для подтверждения собственной позиции, защищаемого тезиса. Все аргументы оппонентов отвергаются или игнорируются независимо от их содержания. То есть в результате поляризации мнений когнитивные процессы начинают работать неадекватно. Процесс обостряется, когда доказать свою правоту и переубедить противника уже невозможно. Усиливается эффективность и противоречивость взаимодействия, появляются взаимные обвинения, оскорбления и пр.

Переживая чувство ущемленного достоинства, люди игнорируют, а потом и вовсе перестают уделять внимание тому, что противоречит их убеждениям. Они принимают и оперируют лишь теми аргументами, которые подтверждают их позицию. При этом находящиеся по разные стороны от линии противостояния в одинаковой

степени мыслят иррационально – продуктивный диалог становится невозможным. Все это, поскольку отсутствуют логика и рефлексия, создает благоприятные условия для психологически эффективной пропаганды и манипулирования мнениями противодействующих сторон.

Изучая феномен поляризации, С. Московиси пришел к выводу: поскольку в условиях значительной поляризации мнений противники практически никогда не меняют свою точку зрения, на практике наиболее эффективной стратегией борьбы становится борьба за голоса тех, кто относится к группе нейтрального большинства. Такой принцип зачастую оказывается единственно правильным, так как усилия по изменению точки зрения оппонентов – бесперспективны. Разумеется, наилучшим способом добиться компромисса в данной ситуации является признание собственной неправоты и принесение извинений, однако как показывает практика, в большинстве случаев в условиях аффективной поляризации оппоненты с оскорбленным самолюбием на это не способны.

Когда поляризация в группе усиливается, все большее количество граждан вынуждено занимать позицию той или иной подгруппы меньшинства. Очевидно, что выбирается наиболее сильная группа, внушающая чувство защиты, безопасности и надежды на благополучное будущее. При этом большинству часто все равно, насколько справедливо более сильное меньшинство отстаивает свои интересы и соблюдает моральные нормы. Расхожее мнение, что «народ знает истину» – заблуждение. При ухудшении условий жизни и усилении социального страха тенденция еще больше усиливаться. Иррациональность мышления приводит к возникновению многочисленных психологических парадоксов и эффектов, основанных на когнитивных искажениях, которые неизбежны в ситуации информационной неопределенности.

Из теории С. Московиси следует, что «большинство» в значительных по численности группах чаще всего составляют люди, мышление которых опирается на социальные и обыденные представления. При этом, если люди не используют альтернативные источники информации, отражающие противоположную точку зрения,

например, политически лишены такой возможности, то они в значительной степени склонны к «ингрупповому фаворитизму», что может проявиться в усилении патриотических, этнических, националистических и иных чувств [33].

Как показывают исследования: чем более активно поляризованное меньшинство в группе, тем выше неопределённость, в которой большинству приходится делать свой выбор. И чем эмоциональнее, напряженнее и конфликтнее противоречия между представителями «меньшинства», тем выше аффект неопределённости и чувство социального страха большинства членов социальной группы [6; 7; 31; 32].

Пропаганда и трансформация ценностной поляризации в аффективную

В силу того, что на многие вопросы в определенные моменты времени у людей не находится однозначных ответов, они длительное время могут пребывать в состоянии аффекта неопределенности, что всегда происходит, например, в условиях информационно-психологической войны [14; 15].

Любая война на полях сражений, обязательно сопровождается так называемой информационно-психологической войной. Наиболее часто ее определяют, как целенаправленные и спланированные действия для достижения информационного превосходства путём причинения ущерба информации, информационным системам и психологическому состоянию живой силы противника при одновременной защите собственной информации и информационных систем.

Первоначально термин «информационная война» появился в документах Министерства обороны США после окончания «холодной войны». Официально он введен в директиве министра обороны США DODD 3600 от 21 декабря 1992 года. В 1996 году Министерство обороны США приняло «Доктрину борьбы с системами контроля и управления». В ее основу было положено разделение военных действий на две составляющие – традиционное пространство войны и киберпространство.

В 1998 году Министерство обороны США приняло «Объединенную доктрину информационных операций», в которой разъясняется понятие информационной войны. Было заявлено, что в информационной войне могут участвовать как созданные властями структуры, так и отдельные сообщества, группы и лица. Информационная война непрерывна и проводится не только во время вооружённой борьбы, но и в мирное время. Методами информационной войны являются вброс дезинформации или представление информации в выгодном для себя ключе [14]. Следует отметить, что, например, в СССР официально разработка таких документов не проводилась.

Именно в процессе информационно-психологической войны используется ситуация аффекта неопределенности. Она максимально благоприятна для методов пропаганды и манипулирования мнением людей в группе, не имеющих определенной позиции, так как по законам информационной войны методы психологического воздействия (*пропаганды*) должны быть направлены не только на страну противника, но и на население собственной страны.

Методы пропаганды в условиях информационных войн всегда используют обе противодействующие стороны. Односторонней пропаганды не бывает, поскольку тот, кто ее не использует, обязательно проигрывает. В этом случае пропаганда и фейковая информация как инструмент пропаганды (дезинформация) являются нормой для всех участников противостояния [1; 15].

По определению Jowett G.S., O'Donnell V. «пропаганда – это преднамеренная, систематическая попытка сформировать восприятие, манипулировать познанием и направлять поведение для достижения реакции, которая способствует желаемому намерению пропагандиста» [26].

История феномена пропаганды уходит в глубокую древность, однако специально разработанные и научно обоснованные теории получили распространение лишь в первой половине XX века. К ним относят несколько теорий, которые признаются классическими.

Например, это теория Г. Лассуэлла, которая трактует пропаганду как «менеджмент коллективных мнений с помощью манипуляций значимыми символами». Пропаганда, по Г. Лассуэлли, это распространение политических мифов на основе «креденды» (доверия) и «миранды» (символов и ритуалов) [5; 29]. Задача военной пропаганды – «возбуждать ненависть к неприятелю, поддерживать дружественные отношения с нейтральными государствами и с союзниками, восстанавливать против неприятеля нейтральные государства, разлагать противника и ослаблять силу неприятельского сопротивления» [5; 28; 29].

Концепция У. Липпмана является продолжением и воплощением идей Г. Лассуэлла. У. Липпман считал, что все СМИ должны функционировать под контролем государства. Он предложил путем формирования стереотипов внушать общественности требуемую картину действительности, «освобождая обычного человека от необходимости вникать во всё многообразие общественных проблем» [30].

Наиболее часто из современных концепций пропаганды сегодня выделяют теорию Э. Хермана и Н. Хомского [21; 24]. Модель основана на тезисе о том, что «деньги и власть могут фильтровать новости, пригодные для печати, уничижительно характеризовать инакомыслие и позволяют правительству и частным интересам внедрить свои идеи в сознание общественности» [24].

Теория рассматривает СМИ как бизнес, который продает свои продукты (аудиторию, читателей и подписчиков) другим компаниям, которые размещают свою рекламу и идеологию, а не распространяют новости для общественности. Теоретики утверждают, что новость проходит через особые «фильтры», прежде чем она достигает аудитории. Фильтры делают новости отличными от их первоначальной формы, определяя, какие события заслуживают освещения в новостях, как эти события должны освещаться и насколько широко они освещаются.

По мнению Э. Хермана и Н. Хомского, СМИ неизбежно фильтруют новости в пользу своих рекламодателей и владельцев, а не в пользу

зрителей, слушателей или читателей [24]. Поскольку расходы на размещение журналистов повсюду для СМИ чрезмерно высоки, то они часто размещают лишь заранее подготовленные пресс-релизы и другие продукты специалистов по связям с общественностью компаний, с которыми заключают контракты и сотрудничают.

Таким образом, в соответствии с теорией (*propaganda model*) Э. Хермана и Н. Хомского, в современном мире любая информация во многом оказывается недостоверной в том случае, если она бесплатно преподносится СМИ, которые всегда представляют интересы какой-либо заинтересованной государственной или бизнес-структуры, а также правящей или оппозиционной партии, стремящейся к власти.

Таким образом, как это ни странно, но именно пропаганда «помогает» населению избавиться от аффекта неопределённости и понизить чувство социального страха. Тем самым общество сохраняет стабильность в политически не всегда благоприятных для власти условиях.

Эмпирические исследования поляризации мнений в условиях проведения Россией специальной военной операции на территории Украины

Исследования показывают, что российское общество сегодня является ценностно поляризованным. Причем, если два года назад лишь незначительная часть респондентов отвечала на вопрос о наличии поляризации общества утвердительно, то сегодня на такие вопросы отвечает утвердительно более 70% респондентов [6; 7]. Одна из целей нашего эмпирического исследования состояла в том, чтобы проанализировать, как влияют средства массовой информации (СМИ) и коммуникации (СМК) на людей социально активного возраста со средним уровнем доходов. Предполагалось, что в поляризованном российском обществе переживание аффекта неопределенности должно компенсироваться активностью СМИ и СМК.

Метод

Учитывая, что в условиях информационно-психологического противостояния телевидения,

интернета и других источников информации и средств коммуникации, большую роль играют методы пропаганды, был разработан опросник, который предлагался группе близких по социально-демографическим характеристикам респондентов в течение 2022 года.

Полученные данные распределялись по трем этапам с учетом наиболее значимых событий года, имеющих наибольшее значение для психологического состояния российского общества: 1 этап – до 24 февраля (дата объявления специальной военной операции на территории Украины); 2 этап – с 24 февраля до 21 сентября (дата объявления частичной мобилизации в РФ); 3 этап – после объявления частичной мобилизации.

Всего в исследовании на разных этапах приняли участие 277 человек (2/3 – женщины) в возрасте от 20 до 65 лет (средний возраст респондентов 36 лет). Респондентов с высшим образованием – 70%, со средним – 10%, со средним-специальным – 20%. Среди них 15% отнесли себя к атеистам, 37% – к агностикам и 48% – к верующим. Участникам исследования предлагались вопросы анкеты, на которые они отвечали

с помощью онлайн сервиса Google Forms. В первый блок входили вопросы отношения к специальной военной операции (СВО) на территории Украины, предполагаемые последствия для России ввода войск на территорию Украины, вопросы доверия СМИ, переживание патриотических чувств и настроений и другие. Во втором блоке анкеты респондентов просили оценить свое отношение к некоторым возможным событиям и вероятность их наступления в будущем.

Результаты и их анализ

В анкете респондентов просили указать уровень доходов. Было зафиксировано снижение оценок. Так, до начала СВО количество людей, оценивавших свой уровень доходов как «высокий» и «выше среднего», составляло 34%, после начала СВО – 26%. Количество респондентов, оценивавших уровень доходов как «низкий» и «ниже среднего», увеличилось с 13% (до начала СВО) до 21% (после начала СВО).

Таблица 1. Оценка уровня доходов респондентов до и после начала СВО (в %).

	До начала СВО N=166	После начала СВО N=177
высокий	5	3
выше среднего	29	23
средний	53	54
ниже среднего	12	15
низкий	1	6

Респондентов просили также указать, пользователями каких социальных сетей они являются. До объявления СВО большинство респондентов пользовалось такими социальными сетями как Telegram, Instagram и Facebook¹. Было обнаружено, что после описанных событий количество пользователей сети Facebook сократилось почти вдвое (с 73% до 39%), и чуть

меньший отток пользователей произошел в Instagram с 92% до 78% (таблица 2). В свою очередь, выросло количество пользователей сети «ВКонтакте» с 62% до 74% и TikTok с 18% до 23%. Не изменилось количество пользователей таких социальных сетей как «Одноклассники», Telegram и YouTube, что представлено в таблице 2.

¹ В начале марта 2022 года социальные сети Instagram и Facebook были заблокированы на территории России, а 21 марта Тверским судом г. Москвы их

деятельность признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Таблица 2. Распределение пользователей социальных сетей до и после СВО (в %).

	До начала СВО N=102		После начала СВО N=175	
	Пользуюсь	Не пользуюсь	Пользуюсь	Не пользуюсь
Facebook	73	27	39	61
Instagram	92	8	78	22
ВКонтакте	62	38	74	26
Одноклассники	17	83	13	87
TikTok	18	82	23	77
Telegram	99	1	98	2
YouTube	84	16	86	14

Респондентов также просили выбрать из предложенного списка одну или несколько телевизионных передач, которые им нравятся и не нравятся. Результаты показали, что основные политические ток-шоу, формирующие

мнение аудитории, не нравились группе опрошенных респондентов в период и до начала СВО, и вызывают негативную оценку после начала СВО (таблица 3).

Таблица 3. Оценка респондентами популярных политических ток-шоу (в %).

	До начала СВО N=102		После начала СВО N=175	
	Нравится	Не нравится	Нравится	Не нравится
«60 минут» (ведущие О. Скабеева и Е. Попов)	5	75	5	81
«Вести в субботу» (ведущий С. Брилёв)	8	71	11	75
«Вечер с Владимиром Соловьёвым» (ведущий В. Соловьёв)	11	74	10	79
«Место встречи» (ведущий А. Норкин)	5	72	4	79
«Время покажет» (ведущий А. Шейнин)	8	71	7	78

Динамика патриотических настроений и уровня доходов населения

После объявления СВО и частичной мобилизации возросло количество респондентов, считающих себя патриотами с 49% до 58%. За счет уменьшения ранее неопределившихся немного

подросло и количество людей, не считающих себя патриотами с 12% до 14%.

В целом, можно говорить о том, что за исследуемый период субъективная оценка уровня доходов снизилась, а чувство патриотизма усилилось (рис. 1). Разумеется, это верно, если ответы респондентов откровенны.

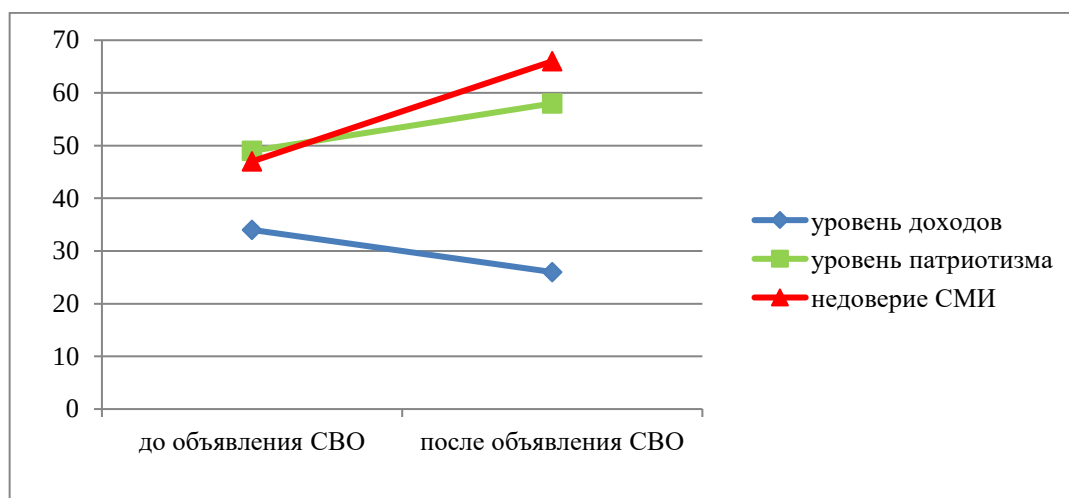

Рис. 1. График динамики ответов респондентов о патриотических чувствах, субъективном уровне доходов и недоверии СМИ

В результате исследования также было установлено, что увеличилось количество ответов на вопросы о недоверии российским СМИ, которые освещают события на территории Украины (Рис. 1). После объявления частичной военной мобилизации оно увеличилось с 47% до 66% (У-критерий Манна-Уитни = 5975,5; $p < 0,007$). Возможно, это связано с тем, что многими ведущими СМИ (политологами и журналистами), а также представителями власти, публично отрицалась возможность военных действий на территории Украины и частичная военная мобилизация.²

Поскольку недоверие к СМИ в целом и к ведущим политических ток-шоу в нашей выборке увеличилось, как и количество ответов о наличии патриотических чувств, то это может парадоксально свидетельствовать именно об эффективности СМИ, так как нельзя отрицать их возможное неосознаваемое (имплицитное) влияние. Однако такой парадоксальный результат может свидетельствовать и об усилении социального страха.

Оценить количественно уровень социального страха напрямую методами анкетирования не представляется возможным в принципе, поскольку практически невозможно преодолеть психологическую защиту респондентов при заполнении анкет. На практике это возможно лишь с применением проективных методик и методик оценки имплицитных установок, которые в данном исследовании не использовались.

Тем не менее, по косвенным признакам (количество воздержавшихся от ответа, интеркорреляционный анализ ответов на вопросы, метод наблюдения, беседы и пр.) можно констатировать наличие такого страха. В этом случае речь может идти о двух типах страха: (1) страх внешнего врагов, с которыми страна находится в политически сложных отношениях, и (2) страх силовых структур внутри страны, которые ведут борьбу с внутренними врагами, что вполне объяснимо в условиях информационно-психологического противостояния с недружественными странами.

Об этом, в частности, свидетельствует динамика ответов на вопросы о возможном принятии

² Так, например, 17 февраля 2022 года пресс-секретарь президента РФ Д. Песков назвал очередным фейком данные о якобы возможном нападении РФ на Украину после 20 февраля (<https://tass.ru/politika/13740685>). Также 13 сентября РИА Новости со ссылкой на Д.

Пескова сообщили, что российские власти не планируют объявлять мобилизацию из-за специальной военной операции (<https://ria.ru/20220913/mobilizatsiya-1816440462.html>).

закона о введении смертной казни за особо тяжкие преступления: увеличение с 43% до СВО до 57% после СВО (U-критерий Манна-Уитни = 11849; $p < 0,001$); о запрете оборота иностранной валюты на территории РФ: увеличение с 76% до начала СВО и 84% после начала СВО (U-критерий Манна-Уитни = 12636; $p < 0,009$) и о нежелательной возможности оранжевой революции в РФ.

Анализ взаимосвязи оценок респондентами актуальных событий и их отношения к будущему страны

Понятие образа будущего является одним из наиболее важных для оценки и изучения аффекта неопределенности и феномена ценностно-аффективной поляризации общества [6; 7; 12]. В результате статистического анализа результатов исследования были получены значимые связи между вопросами анкеты об актуальных событиях и отношением к возможным событиям в будущем.

Так, например, респонденты, которые считают себя патриотами и высказали уверенность в том, что после завершения спецоперации российские войска вернуться на территорию РФ, негативно оценивают возможность оранжевой революции в России ($r = -0,222$; $p < 0,01$) и передачу Россией Крыма Украине ($r = -0,247$; $p < 0,01$). Они также позитивно относятся к идее принятия закона о возможности любого президента РФ переизбираться на любой срок, включая его пожизненное правление ($r = 0,161$; $p < 0,05$), введения в школьную программу «Закона Божьего» ($r = 0,154$; $p < 0,05$) и уроков военно-патриотического воспитания ($r = 0,337$; $p < 0,05$), принятия закона, в соответствии с которым правоохранительные органы имеют право фиксировать любую информацию о любом человеке и использовать ее в суде ($r = 0,151$; $p < 0,05$).

Напротив, респонденты, которые считают, что (1) последствия ввода российских войск на территорию Украины в будущем будут иметь крайне негативные последствия для России; (2) не доверяют российским средствам массовой информации, освещающим события,

происходящие в Украине, а также (3) уверены, что Украина никогда не присоединится к России, более позитивно относятся к таким возможным событиям, как оранжевая революция в России ($r = -0,420$) и передача Россией Крыма Украине ($r = -0,425$). Они негативно относятся к идее повышения пенсионного возраста граждан РФ ($r = 0,314$), к принятию закона о возможности любого президента РФ переизбираться на любой срок, включая его пожизненное правление ($r = 0,431$), введению в школьную программу «Закона Божьего» ($r = 0,232$) и уроков военно-патриотического воспитания ($r = 0,532$), принятию закона о введении смертной казни за особо тяжкие преступления ($r = 0,284$), принятию закона, в соответствии с которым правоохранительные органы имеют право фиксировать любую информацию о любом человеке и использовать ее в суде ($r = 0,395$), запрету на бесплатное обучения иностранным языкам в средней школе ($r = 0,299$), принятию закона о запрете оборота иностранной валюты на территории РФ ($r = 0,273$). Указанные коэффициенты значимы на уровне $p < 0,01$ и подсчитаны методом ранговой корреляции Спирмена.

Заключение

Особенность ценностно-аффективной поляризации современной России состоит в том, что преобладающее большинство населения по оценкам ВЦИОМ поддерживает политику Правительства РФ.

Вторая особенность – в том, что эта поддержка обеспечивается во многом средствами массовой информации, что обусловлено ситуацией информационно-психологической войны с недружественными современной России странами. То есть без активной поддержки СМИ, которая однозначно снижает уровень аффекта неопределенности, существует потенциальная опасность дестабилизации российского общества.

Третья особенность состоит в том, что аффект неопределенности, который переживает часть населения страны в настоящее время, отражается в усилении негативного отношения респондентов к официальным российским СМИ и

в одновременном усилении уровня патриотических настроений. Ситуация оказывается парадоксальной, поскольку основная информация к респондентам, участвовавшим в нашем исследовании, поступает именно через официальные СМИ и разрешенные законом социальные сети. Объяснить данное противоречие, по нашему мнению, можно лишь наличием социального страха (первого и второго типа) и эффективностью методов пропаганды, которые применяются в условиях информационно-психологической войны.

Выводы

1. Исследование на примере интеркорреляционного анализа ответов на вопросы анкет показывает, что феномен ценностно-аффективной поляризации в России имеет место, а психологические механизмы, объясняющие данное явление в рамках теоретической модели ценностно-аффективной поляризации, получают подтверждение по результатам проведенного исследования по отношению к изучаемой выборке.
2. Наличие мощной пропаганды со стороны российских СМИ следует признать значимым фактором, обеспечивающим российскому обществу защиту от внутривнутриполитической нестабильности во время проведения специальной военной операции и информационно-психологической войны с недружественными современной России странами.
3. Поскольку выборка респондентов, принимавших участие в наших исследованиях, обладает определенной спецификой (большинство – женщины среднего возраста с высшим образованием), мы не можем утверждать, что полученные результаты репрезентативны и могут рассматриваться как полностью соответствующие мировоззрению всех или подавляющей части населения страны. Они должны рассматриваться как некая теоретическая (гипотетическая) модель.

Литература

1. Абдуллаева Р.А. Информационная война: прошлое и настоящее // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 12 (часть 3). С. 544-548.
2. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. М.: Изд-во МГУ, 1983.
3. Зимбардо Ф. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2011.
4. Ильин Е.П. Психология страха. СПб.: Питер, 2017.
5. Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне. М.-Л.: Государственное издательство; отдел военной литературы, 1929.
6. Лебедев А.Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т.2. № 1. С. 2-19.
7. Лебедев А.Н. Феномен ценностно-аффективной поляризации российского общества // Ученые записки Института психологии РАН. 2021. Т.1. № 2. С. 3-17.
8. Лебедев А.Н. Групповая поляризация мнений в условиях неопределенности морального выбора // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. №2. С.159-171. doi:10.17759/exprpsy.2022150212
9. Лебедев А.Н. Индикаторы и предикторы психологического состояния российского общества // Человеческий капитал. №6, 2018. С. 58-68.
10. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Феномен групповой поляризации в политологии и политической психологии США и Европы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Том 6. № 4(24). С. 123-150.
11. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Психологическое состояние общества и феномен психологической поляризации / Социальная и экономическая психология. №3. 2019. С. 22-45.
12. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
13. Поддьяков А.Н. Допустимо ли солгать злоумышленнику, чтобы помешать преступлению: анализ исторической полемики //

- Культурно-историческая психология. 2011. Т. 7. № 1. С. 28-41.
14. Силков С.В. Информационная война // Социология: энциклопедия. Мн.: Интерпрес-сервис, Книжный дом, 2003.
 15. Сулейманова Ш.С., Назарова Е.А. Информационные войны: история и современность: Учебное пособие. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017.
 16. Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке. Что такое хорошо и что такое плохо? М.: Издательство Института Гайдара. 2020.
 17. Юревич А.В. Психология социальных явлений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
 18. Юревич А.В., Юревич М.А. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. С.21-42.
 19. Abramowitz A.I., Saunders K.L. Is polarization a myth? // Journal of Politics. 2008. V.70(2). P. 542-555. DOI:10.1017/S0022381608080493
 20. Boxell L., Gentzkow M., Shapiro J.M. Cross-Country Trends in Affective Polarization. // NBER Working Paper. 2020. № w26669. URL: <https://ssrn.com/abstract=3522318>.
 21. Chomsky N., Herman E.S. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. NY.: Knopf Publishing Group, 2003.
 22. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. Affective polarization, local contexts and public opinion in America. // Nature Human Behaviour. 2021. V.5. P.28-38.
 23. Druckman J.N., Peterson E., Slothuus R. How Elite Partisan Polarization Affects Public Opinion Formation // American Political Science Review. 2013. V.107. №1. P.57-79.
 24. Herman E.S. The Propaganda Model: A Retrospective // Journalism Studies. 2000. V.1. P.101-112.
 25. Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S. The Origins and Consequences of Affective Polarization in the United States // Annual Review of Political Science. 2019. V.22. №1. P.129-146.
 26. Jowett G.S., O'Donnell V. Propaganda and Persuasion. Washington D.C.: SAGE Publications Inc., 2006.
 27. Jungkunz S. Political Polarization During the COVID-19 Pandemic / Frontiers in Political Science. 2021. URL: <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.622512>
 28. Lasswell H.D. The Structure and Function of Communication in Society // Mass Communications: A Book of Readings. Urbana: University of Illinois Press, 1960. P. 117-130.
 29. Lasswell H.D. The Theory of Political Propaganda // The American Political Science Review. 1927. V.21. №3. P. 627-631.
 30. Lippmann W. Public Opinion. New York: Harcourt, Brace and Company, 1922.
 31. Moscovici S., Lage E., Naffrechoux M. Influence of a consistent minority on the responses of a majority in a color perception task // Sociometry. 1969. V. 32. № 4. P. 365-380.
 32. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. V.12. №2. P.125-135.
 33. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior. Psychology of Intergroup Relations. 2nd edn. Eds. S. Worchel, W. Austin. Chi.: Nelson-Hall, 1986.
 34. Wagner M., Russo L. Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. 2021. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463> (дата обращения 09.09.2021)
 35. Wagner M. Affective Polarization in Multiparty Systems // Electoral Studies. 2021. V.69. P.102-199.

Статья поступила в редакцию 26.02.2023

PHENOMENON OF AFFECT OF UNCERTAINTY AND VALUE-AFFECTIVE POLARIZATION OF LARGE SOCIAL GROUPS

© Aleksandr N. Lebedev

Sc.D. (psychology), leading research officer, laboratory of psychology of personality,
Institute of psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
lebedev-lubimov@yandex.ru

The work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (topic No. 0138-2023-0005)

Studies of the phenomenon of psychological (value-affective) polarization of large social groups have become particularly relevant in the context of globalization of the modern world. Today this phenomenon manifests itself in many countries and is one of the most important indicators of the stability (instability) of society. Value-affective polarization creates a special type of worldview of opposing parties and often makes people look at the world tendentiously, uncritically, irrationally in relation to any event, especially concerning power and moral norms. The article presents the results of a survey (monitoring) of respondents of active age with an average income level, taking into account the phenomenon of value-affective polarization of opinions. It was found that after the announcement of a special military operation and partial mobilization, the number of respondents of this social group who consider themselves patriots increased from 49% to 58%, the level of distrust of Russian media that cover events on the territory of Ukraine increased (from 47% to 66%), but estimates of the subjective income level decreased (from 34% to 26%). The data were explained using the concepts “affect of uncertainty” and value-affective polarization one. It was also concluded that the presence of powerful propaganda by the Russian media is a significant factor that provides Russian society with protection from internal political instability during a special military operation and information and psychological warfare with countries unfriendly to modern Russia.

Keywords: information uncertainty, affect of uncertainty, group polarization, value-affective polarization of large social groups, propaganda, information-psychological warfare, sense of patriotism.

REFERENCES

1. Abdullaeva, R.A. (2016). Informacionnaya vojna: proshloe i nastoyashchee [*Information war: past and present*] // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovaniy [*International Journal of Applied and Fundamental Research*]. № 12 (chast' 3). P. 544-548.
2. Ageev, V.S. (1983). Psihologiya mezhhruppovyh otnoshenij [*Psychology of intergroup relations*]. Moscow.: Izd-vo MGU [Publishing House of Moscow State University].
3. Zimbardo, F. (2011). Social'noe vliyanie [*Social influence*]. SPb.: Piter.
4. Il'in, E.P. (2017). Psihologiya straha [*Psychology of fear*]. SPb.: Piter.
5. Lassuell, G.D. (1929). Tekhnika propagandy v mirovoj vojne [*Propaganda technique in the World War*]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo; otdel voennoj literatury [*State Publishing House; Department of Military Literature*].
6. Lebedev, A.N. (2022). K teorii cennostno-afektivnoj polyarizacii social'nyh grupp [*On the theory of value-affective polarization of social groups.*] // Uchenye zapiski Instituta psihologii

- RAN [Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. V.2. № 1. P. 2-19.
7. Lebedev, A.N. (2021). Fenomen cennostno-afektivnoj polyarizacii rossijskogo obshchestva [The phenomenon of value-affective polarization of Russian society] // Uchenye zapiski Instituta psihologii RAN [Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. V.1. № 2. P. 3-17.
 8. Lebedev, A.N. (2022). Gruppovaya polyarizaciya mnenij v usloviyah neopredelennosti moral'nogo vybora [Group polarization of ideas in conditions of uncertainty of moral choice] // Eksperimental'naya psihologiya [Experimental psychology]. V. 15. № 2. P. 159–171. doi:10.17759/exppsy.2022150212
 9. Lebedev, A.N. (2018). Indikatory i prediktory psihologicheskogo sostoyaniya rossijskogo obshchestva [Indicators and predictors of the psychological state of Russian society] // Chelovecheskij kapital [Human capital]. № 6. P. 58-68.
 10. Lebedev, A.N., Gordyakova, O.V. (2021). Fenomen gruppovoj polyarizacii v politologii i politicheskoy psihologii SSHA i Evropy [The phenomenon of group polarization in political science and political psychology of the USA and Europe] // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology]. V. 6. № 4(24). P. 123-150.
 11. Lebedev, A.N., Gordyakova, O.V. (2019). Psihologicheskoe sostoyanie obshchestva i fenomen psihologicheskoy polyarizacii [The psychological state of society and the phenomenon of psychological polarization] // Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya [Social and economic psychology]. №3. P. 22-45.
 12. Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (2018). Psihologiya global'nyh riskov [Psychology of global risks]. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"].
 13. Podd'yakov, A.N. (2011). Dopustimo li solgat' zloumyshlenniku, chtoby pomeshat' prestupleniyu: analiz istoricheskoy polemiki [Is it permissible to lie to an attacker to prevent crime: analysis of historical field] // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya [Cultural and historical psychology]. V. 7. № 1. P. 28-41.
 14. Silkov, S.V. (2003). Informacionnaya vojna [Information warfare] // Sociologiya: enciklopediya [Sociology: encyclopedia]. Mn.: Interpresservis, Knizhnyj dom [Mn.: Interpresservice, Book House].
 15. Sulejmanova, SH.S., Nazarova, E.A. (2017). Informacionnye vojny: istoriya i sovremennost': Uchebnoe posobie [Information wars: history and modernity: Textbook]. Moscow: Mezhdunarodnyj izdatel'skij centr «Etnosocium» [International Publishing Center "Ethnosocium"].
 16. Edmonds, D. (2020). Ubili by vy tolstyaka? Zadacha o vagonetke. CHto takoe horosho i chto takoe ploho? [Would you kill a fat man? The task of the trolley. What is good and what is bad?]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara [Publishing House of the Gaidar Institute].
 17. YUrevich, A.V. (2014). Psihologiya social'nyh yavlenij [Psychology of social phenomena]. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"].
 18. YUrevich, A.V., YUrevich, M.A. (2012). Dinamika psihologicheskogo sostoyaniya rossijskogo obshchestva: ekspertnaya ocenka [Dynamics of the psychological state of Russian society: expert assessment] // Nравstvennost' sovremennogo rossijskogo obshchestva: psihologicheskij analiz / Otv. red. A.L. Zhuravlev, A.V. YUrevich [Morality of modern Russian society: psychological analysis / Ed. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich]. Moscow: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN» [Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"]. P.21-42.
 19. Abramowitz, A.I., Saunders, K.L. (2008). Is polarization a myth? // Journal of Politics.

- V.70(2). P. 542-555. DOI:10.1017/S0022381608080493
20. Boxell, L., Gentzkow, M., Shapiro, J.M. (2020). Cross-Country Trends in Affective Polarization. // NBER Working Paper. №26669. URL: <https://ssrn.com/abstract=3522318>.
21. Chomsky, N., Herman, E.S. (2003). Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. NY.: Knopf Publishing Group.
22. Druckman, J.N., Klar, S., Krupnikov, Y., Levendusky, M., Ryan, J.B. (2021). Affective polarization, local contexts and public opinion in America // Nature Human Behaviour. V.5. P.28-38.
23. Druckman, J.N., Peterson, E., Slothuus, R. (2013). How Elite Partisan Polarization Affects Public Opinion Formation // American Political Science Review. V.107. №1. P.57-79.
24. Herman, E.S. (2000). The Propaganda Model: A Retrospective // Journalism Studies. V.1. P.101-112.
25. Iyengar, S., Lelkes, Y., Levendusky, M., Malhotra, N., Westwood, S. (2019). The Origins and Consequences of Affective Polarization in the United States // Annual Review of Political Science. V.22. №1. P.129-146.
26. Jowett, G.S., O'Donnell, V. (2006). Propaganda and Persuasion. Washington D.C.: SAGE Publications Inc.
27. Jungkunz, S. (2021). Political Polarization During the COVID-19 Pandemic / Frontiers in Political Science. URL: <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.622512>
28. Lasswell, H.D. (1960). The Structure and Function of Communication in Society // Mass Communications: A Book of Readings. Urbana: University of Illinois Press. P. 117-130.
29. Lasswell, H.D. (1927). The Theory of Political Propaganda // The American Political Science Review. V.21. №3. P. 627-631.
30. Lippmann, W. (1922). Public Opinion. New York: Harcourt, Brace and Company.
31. Moscovici, S., Lage, E., Naffrechoux, M. (1969). Influence of a consistent minority on the responses of a majority in a color perception task // Sociometry. V. 32. № 4. P. 365-380.
32. Moscovici, S., Zavalloni, M. (1969). The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. V.12. №2. P.125-135.
33. Tajfel, H., Turner, J. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. Psychology of Intergroup Relations. 2nd edn. Eds. S. Worchel, W. Austin. Chi.: Nelson-Hall.
34. Wagner, M., Russo, L. (2021). Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463> (дата обращения 09.09.2021)
35. Wagner, M. (2021). Affective Polarization in Multiparty Systems // Electoral Studies. V.69. P.102-199.

The article was received 26.02.2023

ДИНАМИКА ПОЛЯРИЗАЦИИ МНЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

© Гордякова О.В.

Кандидат психологических наук, профессор кафедры социальной психологии,
НОЧУ ВО Московский институт психоанализа, Москва, Россия
o_gordyakova@mail.ru

Изучение феномена поляризации мнений в больших социальных группах в настоящее время чрезвычайно актуально в связи с необходимостью сохранения стабильности и благоприятного психологического состояния российского общества. Особую актуальность приобретает для социальной и политической психологии изучение динамики мнений поляризованных групп населения. Анализ литературы по данному направлению показывает, что в целом характер поляризации и ее динамика в разных странах оказываются различными. Так, например, в США поляризация складывается по принципу противоречий между двумя основными политическими партиями: республиканской и демократической, в Европейских странах – между властью и оппозицией. В статье представлены результаты исследования динамики поляризации мнений респондентов профессионально активного возраста со средним уровнем доходов. Как показало исследование, динамику поляризации мнений невозможно объяснить лишь на уровне когнитивных факторов (когнитивных искажений и др.). Значительную роль здесь играет аффективная составляющая, которая во многом связана с высшими социальными эмоциями, в частности, с чувством социального страха, вызывающим у респондентов неуверенность в будущем. Отмечается, что понятие аффективной составляющей поляризации может трактоваться не только как конфликтное противостояние поляризованного «меньшинства» группы, но и как эмоциональные переживания ее «большинства» в условиях аффекта неопределенности, который вынуждает людей, зачастую далеких от политики, в силу индивидуальных особенностей примыкать либо к одной, либо к другой группе «меньшинства».

Ключевые слова: поляризация мнений, аффективно-ценностная поляризация, высшие социальные эмоции, аффект неопределенности, меньшинство и большинство в социальной группе

Введение

Исследования феномена поляризации мнений в больших социальных группах в настоящее время чрезвычайно актуальны как для фундаментальной науки, так и для практики [13; 15; 19; 20; 22; 25; 26; 28; 34; 37; 38]. Одна из основных причин повышенного интереса к данной теме – это вопросы природы данного феномена и сохранения стабильности и благоприятного психологического состояния общества [3; 5; 7; 12].

В настоящее время становится актуальной для социальной и политической психологии

проблема изучения динамики мнений поляризованных групп населения. Она проявляется прежде всего в изменении количества людей, которые могут быть отнесены к группам активного поляризованного «меньшинства» и к «большинству» населения страны в соответствии с теорией групповой поляризации С. Московиси [30]. Особенно актуальными подобные исследования становятся в условиях наиболее важных общественных событий, таких, как например, пандемии, санкционная политика недружественных государств, специальные военные операции и др.

Теоретические основы изучения динамики ценностно-аффективной поляризации больших социальных групп

Теоретические основы феномена ценностно-аффективной поляризации больших социальных групп к настоящему времени уже представлены в значительном количестве научных публикаций [4; 6; 15; 19; 25; 38]. Первоначально основателем концепции групповой поляризации С. Московиси и его сотрудниками данный феномен изучался в лабораторных условиях на малых социальных группах [31]. Поляризация больших социальных групп до определённого момента значительного внимания социальных психологов не привлекала. Этой проблемой интересовались в основном социологи и политологи. Как отмечал Г.В. Осипов, одна из задач социальной политики государства – предотвращение перерастания социальной поляризации в открытые социальные конфликты [10]. В настоящее время изучение данного феномена становится крайне актуальными для социальной психологии [4; 6; 9; 12].

Исследования феномена поляризации малых групп позволили установить ряд важных закономерностей. Например, экспериментаторы сразу обратили внимание на то, что людям, у которых в процессе обсуждения складывалось устойчивое мнение, с ростом эмоционального напряжения чаще всего не удавалось убедить оппонентов изменить их точку зрения. Более того, они и свою точку зрения чаще всего не меняли. То есть человек, примкнувший к одной из поляризованных групп и публично заявивший об этом, от своей позиции отказывался крайне редко, независимо от аргументов оппонентов. Он лишь «убеждался в собственной правоте».

Многие социальные психологи, пытаясь понять причину нежелания членов поляризованных подгрупп изменить собственную точку зрения на противоположную, выдвигали ряд гипотез. Одна из них объясняла данный феномен эффектом предвзятости подтверждения (*confirmation bias*), то есть тенденцией человека отдавать предпочтение такой информации, которая согласуется с его собственными взглядами [33]. Эта тенденция обычно относилась к когнитив-

ным искажениям и чаще всего объяснялась «систематической ошибкой индуктивного мышления». Однако во время исследований неоднократно отмечалось, что склонность к подтверждению усиливается при наличии критики со стороны оппонентов. То есть критикане только не способствовала изменению собственной позиции участника противостояния, но наоборот усиливала ее [29; 36; 32]. При этом важную роль играло мнение, высказанное публично и получившее одобрение единомышленников. Также было установлено, что люди, у которых первоначально не имелось собственной позиции по обсуждаемому вопросу, чаще всего занимали позицию той стороны, которая высказывалась наиболее эмоционально и поэтому выглядела наиболее убедительно. При этом аргументы и логика не играли существенной роли [17; 18].

Исследования феномена групповой поляризации С. Московиси и его коллегами проводились одновременно с изучением понятий «большинство» и «меньшинство» и опиралось на концепцию социальных и обыденных представлений, которую С. Московиси разрабатывал в течение нескольких последних десятилетий своей активной научной деятельности [30; 31]. Он подчеркивал, что меньшинство в группах всегда оказывает более сильное влияние на большинство, чем наоборот, но только в том случае, если оно действует слаженно и организованно. Вследствие этого, считал автор, именно «меньшинство» на практике способствует любым социальным инновациям и переменам и является причиной многих конфликтов и изменений в социальных группах. Большинство, наоборот, более консервативно, так как оно движимо многочисленными социальными стереотипами, социальными установками и предрассудками.

Психологические механизмы поляризации мнений

Современные исследования феномена поляризации мнений в социальных группах проводятся в нескольких направлениях. В частности, в исследованиях динамики поляризации было показано, что трансформация ценностной поляризации в аффективную неизбежно связана с

ростом иррациональности суждений, которые предъявляются обеими противодействующими сторонами в условиях внутригруппового противостояния. Именно иррациональность суждений является одним из факторов, препятствующих снижению уровня аффективности поляризации [4]. Второй не менее важный фактор – это высшие социальные эмоции и прежде всего – оскорбленное чувство достоинства участников противостояния, что нередко возникает в процессе выяснения отношений, то есть того, кто же прав «на самом деле» [7; 8].

В модели, предложенной А.Н. Лебедевым, рассматриваются теоретические основы поляризации социальных групп. Показано, как на этапе ценностной поляризации происходит объединение разнообразных ценностных суждений вокруг двух противоположных по значению полюсов. По мнению автора, поляризация развивается не сразу, а имеет некие стадии развития. На определенном этапе в группе большинства может проявляться так называемый на «аффект неопределенности», который вызывает социальный страх.

Стремление избавиться от страха приводит к тому, что представители «большинства» выбирают поляризованную подгруппу, позиция которой представляется им не только наиболее логичной, но и наиболее безопасной. Однако этот выбор для индивидов не проходит бесследно. Он накладывает значительные ограничения на процесс их умственной деятельности, так как многие аргументы и темы становятся «запретными» не только для их вынесения на публичное обсуждение, но и для индивидуального осмысления. Почему одни представители «большинства» примыкают к разным подгруппам «меньшинства» не всегда понятно. Отмечаются интеллектуальные, личностные и даже нейропсихологические факторы [1].

Социальные установки, предписывающие, что следует обсуждать в группе, о чем можно говорить и о чем нельзя, устанавливающие барьеры на пути к рациональному анализу, определяют диапазон возможных аргументов, то есть возникает своеобразное «окно Овертона», которое блокирует процесс осмысления происходя-

щего с человеком из группы «большинства». В модели также экспериментально показано, что принятие некоей полярной позиции и необходимость ее обнародования в условиях внутригруппового противодействия способны на неосознаваемом уровне влиять на мышление человека и за короткое время перестраивать его мировоззрение в целом [2].

Если многие психологи при изучении феномена групповой поляризации мнений традиционно ограничивались когнитивными характеристиками, то в рамках данной модели крайне важную роль играют именно высшие социальные эмоции, представленные в этом случае чувствами стыда, гордости, ответственности, социального страха, вины и др., что особенно важно для понимания процесса трансформации ценностной поляризации в поляризацию аффективную.

Проведенные в рамках данной модели эмпирические исследования показали, что в результате аффективной поляризации мнений когнитивные процессы начинают работать неадекватно. Испытывая чувство ущемленного достоинства, респонденты игнорируют, а потом и вовсе перестают уделять внимание тому, что противоречит их убеждениям. Они принимают лишь те аргументы, которые подтверждают их позицию. При этом люди, находящиеся по разные стороны линии противодействия, нередко в одинаковой степени мыслят иррационально. Таким образом, иррациональность суждений обеих поляризованных групп «меньшинства» и вовлекаемого в процесс противостояния «большинства» является тем основным фактором, который на практике сопутствует переходу ценностной поляризации в поляризацию аффективную.

Феномен групповой поляризация в зарубежных странах и России

При изучении обсуждаемого феномена на этапе ценностной поляризации многие авторы отмечают наличие некоей национальной и даже региональной специфики. В нашей стране неустойчивое ценностное разнообразие в силу сложившихся культурных традиций часто

воспринимается большинством населения негативно и создает необходимость в приведении ценностей к «единому знаменателю», что заставляет общественность обращать на ситуацию особое внимание и формировать соответствующий дискурс [11]. В западной традиции, например, в США и странах Европы, рьяно отстаивающих «демократические принципы», мультикультурность и толерантность, внимание ценностному разнообразию и связанными с ним противоречиям уделяется мало внимания, и оно концентрируется лишь на ее аффективной стадии. Этап ценностной поляризации в этих странах часто происходит незаметно для ученых, политиков или СМИ. Здесь наиболее широко обсуждается лишь «аффективная поляризация» и мало говорится о поляризации ценностей, возможно, потому, что их разнообразие и поляризация считаются некоей социальной нормой.

Тем не менее, например, политолог и политический психолог Е. Harteveld предлагает различать два типа поляризации: «идеологическую» и «аффективную». По его мнению, идеологическая поляризация – это фактические разногласия между людьми (полярные взгляды), а аффективная поляризация – враждебность между людьми, принадлежащими идеологически противоположным политическим группам. По данным исследователя эти два феномена не имеют значительной корреляции [23].

Анализ литературы и результатов исследований по данному направлению показывает, что в целом характер поляризации и ее динамика в разных странах оказываются различными. Так, например, в США поляризация складывается по принципу противоречий между двумя основными политическими партиями: республиканской и демократической, в Европейских странах – между властью и оппозицией.

Как отмечают некоторые американские исследователи, если несколько десятилетий назад большинство граждан США придерживались демократических взглядов, то сегодня демократические ценности оказываются под вопросом. Все более резкой становится критика демократической партии в связи с тем, что она

«слишком увлеклась толерантностью», с одной стороны, и заняла агрессивную политику по отношению ко многим странам, с другой [16; 21; 39]. Исследователи J.N. Druckman, S. Klar, Y. Krupnikov, M. Levendusky и J.B. Ryan утверждают, что аффективная поляризация является одним из наиболее заметных негативных изменений в политической жизни граждан США [19].

За последние годы заметно выросло число публикаций с обширными эмпирическими данными, в которых обнаруживается поляризации взглядов людей и в Европейских странах [1]. Так отмечается, что в Европе растет аффективная поляризация взглядов в отношении жителей городов и деревень [14; 27], в отношении миграционной политики правительств [24; 35], между сторонников новых технологий и традиционного образа жизни [24; 35] и др.

На факт поляризации мировоззрений указывал также Президент РФ В.В. Путин в ходе выступления на заседании Восточного экономического форума в 2022 году: «Происходит определенная поляризация и в мире, и внутри страны. Я считаю, что это пойдет только на пользу, потому что все ненужное, вредное и все, что нам мешает идти вперед, будет отторгнуто, мы будем набирать обороты, темпы развития», подчеркнул Президент РФ ¹.

Эмпирические исследования динамики поляризации мнений граждан в условиях специальной военной операции (СВО)

Исследования социально-психологического феномена ценностно-аффективной поляризации проводятся нами приблизительно с 2015 года, в частности, при поддержке РФФИ в рамках проектов «Индикаторы и предикторы психологического состояния российского общества» в 2017-2019 гг. и «Феномен ценностно-психологической поляризации населения и проблема стабильности-нестабильности российского общества» в 2021 году [3 – 8] др.

Первоначально данный феномен изучался на примере различных типов патриотического поведения граждан России [5; 8] и в контексте

¹<https://tass.ru/politika/15677039>

оценки психологического состояния общества [3; 7] и др. Таким образом, цель нашего исследования в 2022-2023 гг. состояла в том, чтобы продолжить цикл предыдущих исследований и изучить динамику мнений групп респондентов с определенными отличиями в политических установках на протяжении специальной военной операции.

Метод

Исследование проводилось в период 2022 года в три этапа: 1 этап – до 24 февраля (дата объявления специальной военной операции на территории Украины); 2 этап – с 24 февраля до 21 сентября (дата объявления частичной мобилизации в РФ); 3 этап – после объявления частичной мобилизации. Всего в исследовании на разных этапах приняли участие 508 человек (2/3 женщины) в возрасте от 20 до 65 лет (средний возраст - 36 лет). Респондентов с высшим образованием – 70%, со средним – 10%, со средним-специальным – 20%. Среди них 15% отнесли себя к атеистам, 37% – к агностикам и 48% – к верующим.

Участникам исследования предлагались вопросы анкеты, на которые они отвечали с

помощью онлайн сервиса Google Forms. В первом блоке анкеты были вопросы, связанные с субъективными оценками респондентов актуальных событий в стране, а именно: об отношении к событиям, происходящим на территории Украины, о последствиях для России ввода войск на территорию Украины, о переживаемых патриотических чувствах и другие. Второй блок состоял из вопросов о возможных событиях в будущем и вероятности их наступления.

Анализ результатов

Отношение респондентов к актуальным событиям в стране

События, происходящие на территории Украины, являлись наиболее важными на протяжении всего 2022 года для всех участников исследования. После объявления частичной мобилизации среди опрошенных не осталось тех, кто не смог бы оценить свое отношение к происходящему. А количество тех, кому «не все равно, что происходит сегодня на территории Украины», увеличилось до 94%.

Таблица 1. Отношение респондентов к актуальным событиям в стране в 2022 году

	Между началом СВО и частичной мобилизацией N=111	После частичной мобилизации N=131
Мне все равно, что происходит сегодня на территории Украины	2	6
Мне не все равно, что происходит сегодня в Украине	89	94
Затрудняюсь ответить	9	0
Я считаю себя патриотом России	49	58
Я не считаю себя патриотом России	12	14
Затрудняюсь ответить	39	28
Я думаю, что последствия ввода российских войск на территорию Украины в будущем будут крайне негативными для России	51	57
Я думаю, что последствия ввода российских войск на территорию Украины в будущем не будут крайне негативными для России	13	18
Затрудняюсь ответить	36	25

Уверен, что после завершения спецоперации российские войска вернуться на территорию РФ	29	26
Не уверен, что после завершения спецоперации российские войска вернуться на территорию РФ	31	45
Затрудняюсь ответить	40	29
Я думаю, что рано или поздно Украина присоединится к России	17	15
Не думаю, что рано или поздно Украина присоединится к России	47	60
Затрудняюсь ответить	36	25

Анализ динамики представлений респондентов о будущем

Анализ представлений граждан о будущем является одной из наиболее актуальных задач современной социальной и политической психологии [9]. В исследовании мы просили респондентов оценить свое отношение к возможным событиям и вероятность их наступления в будущем.

После объявления СВО и частичной мобилизации возросло количество респондентов, считающих себя патриотами с 49% до 58%, однако увеличилось количество респондентов (с 51% до 58%), считающих, что последствия ввода российских войск на территорию Украины в будущем могут быть крайне негативными для России. Также (прежде всего за счет ранее не имевших мнения) повысился процент тех, кто считает, что последствия ввода российских войск на территорию Украины в будущем не будут негативными для России (с 13% до 18%).

После объявления частичной мобилизации количество тех, кто был уверен, что после завершения спецоперации российские войска вернуться на территорию РФ, снизилось с 29% до 26%, а количество тех, кто не уверен, что после завершения спецоперации российские войска вернуться на территорию РФ увеличилось с 31% до 45%.

Также после частичной мобилизации значительно возросло количество респондентов, которые высказали сомнения в том, что рано или поздно Украина присоединится к России с 47%

до 60% (U-критерий Манна-Уитни =6388; $p<0,06$).

Результаты, представленные в таблице 2, показывают, что в целом до СВО, и после респонденты выражают негативное отношение к повышению пенсионного возраста и позитивное к его снижению. При этом 56% респондентов высказали предположение о том, что повышение пенсионного возраста вполне вероятное событие и 66% высказали мнение о том, что снижение пенсионного возраста маловероятное событие в будущем.

Большинство опрошенных высказывает негативное отношение к возможной оранжевой революции в России и к низко оценивают вероятность ее наступления. Однако обнаруживается некоторая тенденция к росту позитивных оценок по отношению к этому событию (от 8% до СВО до 19% после начала СВО).

Не изменилась общая оценка возможности введения в школьную программу уроков военно-патриотического воспитания. В целом половина респондентов оценивают эту идею негативно, чуть больше 30% – позитивно. Однако процент тех, кто считает наступление этого события вполне вероятным, увеличилось с 60% до СВО до 78% после СВО (U-критерий Манна-Уитни =11715; $p<0,001$). Скорее всего, это связано с тем, что такие мероприятия уже достаточно давно реализуются во многих школьных программах.

Таблица 2. Отношение респондентов к возможному наступлению тех или иных событий в ближайшие 5-7 лет (в %)

	До начала СВО N=166			После начала СВО N=177		
	позитивно	негативно	затрудняюсь	позитивно	негативно	затрудняюсь
Повышение пенсионного возраста граждан РФ (мужчины 67, женщины 65)	14	77	9	8	77	15
Снижение пенсионного возраста граждан РФ (мужчины 60, женщины 55)	73	14	13	71	11	18
Принятие закона о возможности любого президента РФ переизбираться на любой срок, включая его пожизненное правление	10	78	12	12	75	13
Введение в школьную программу «Закона Божьего»	20	61	18	17	72	11
Принятие закона об уголовной ответственности за нетрадиционные сексуальные отношения	10	69	20	12	79	9
Передача Россией Крыма Украине	13	51	37	20	53	27
Принятие закона, в соответствии с которым правоохранительные органы имеют право фиксировать любую информацию о любом человеке и использовать ее в суде	5	80	14	7	77	16
Запрет на бесплатное обучения иностранным языкам в средней школе	3	93	4	1	97	2
Принятие закона о недопустимости владения депутатами Государственной Думы РФ собственностью за пределами РФ	72	8	20	70	10	20
Принятие закона о введение смертной казни за особо тяжкие преступления	30	43	28	22	57	21
Принятие закона о запрете оборота иностранной валюты на территории РФ	4	76	20	3	84	12
Введение в школьную программу уроков военно-патриотического воспитания	34	52	14	31	53	17
Оранжевая революция в России	8	49	43	19	48	33

После объявления СВО существенно увеличилось количество людей, негативно оценивающих идею принятия закона о введение смертной

казни за особо тяжкие преступления с 43% до СВО до 57% после СВО (U-критерий Манна-Уитни =11849; $p<0,001$). Можно предположить,

что это связано с усилением чувства страха и соответственно с изменением некоторых социальных и моральных норм в сознании людей.

Так же негативно респонденты высказываются по отношению к идее принятия закона о запрете оборота иностранной валюты на территории РФ (76% до СВО и 84% после СВО) (U-критерий Манна-Уитни =12636; $p<0,009$). При этом растет оценка вероятности наступления этого события с 22% до начала СВО до 38% после начала СВО (U-критерий Манна-Уитни =12781; $p<0,027$). Как и в некоторых других вопросах, данное увеличение происходит за счет тех, кто ранее не мог определиться в своем отношении к событию и затруднялся с ответом.

К идее принятия закона, согласно которому любой президент РФ может переизбираться на любой срок, включая его пожизненное правление, респонденты относятся негативно (78% до СВО, и 75% после СВО), но половина из них высоко оценивает вероятность наступления этого события.

После объявления СВО вырос процент негативных оценок по отношению к введению в школьную программу «Закона Божьего» (с 61% до СВО до 72% после начала СВО). Однако также выросло количество людей, считающих наступление этого события вполне возможным (с 36% до начала СВО до 42% после начала СВО).

Поскольку тема нетрадиционных сексуальных отношений широко обсуждается в российских СМИ, респондентов просили сообщить свое мнение о возможном принятии закона об уголовной ответственности за нетрадиционные сексуальные отношения. В период до СВО данную идею оценивали негативно 69% граждан, 10% – позитивно и 20% – затруднились ответить. После объявления СВО процент, негативно оценивающих данный возможный закон выросло до 79% за счет тех, кто был в группе не имевших мнения. Несмотря на то, что 5 декабря 2022 года в России был принят закон «о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений или предпочтений, педофилии и смены пола» на оценку самого явления это никак не повлияло. То есть многие респонденты не

выступают против самих отношений, но они категорически против их публичной демонстрации (митинги, парады и пр.) и пропаганды (кинопроизводство, музыкальные видеоролики и пр.). Прогнозируемая среди респондентов вероятность принятия закона об уголовном наказании именно за отношения существенно выросла с 23% перед началом СВО до 38% после начала СВО (U-критерий Манна-Уитни =12509; $p<0,011$). Практически столько же считает маловероятным принятие такого закона в реальности (39%).

Количество респондентов, положительно относящихся к идее передачи Крыма Украине, выросло с 13% перед началом СВО до 20% после начала СВО. Этот показатель увеличился за счет тех, кто не сразу определился с мнением по данному вопросу. Результаты показывают, что до объявления СВО затруднялись ответить на это вопрос 37% респондентов, а после объявления СВО только 27%. Возможно, некоторые респонденты полагают, что если передать Крым Украине, то военный конфликт закончится. Однако в целом идею передачи Крыма Украине оценивает негативно половина респондентов и как маловероятное событие 68% (до начала СВО таких ответов 61%).

Принятие закона, в соответствии с которым правоохранительные органы имеют право фиксировать любую информацию о любом человеке и использовать ее в суде большинством респондентов оценивается негативно (80% до начала СВО и 77% после начала СВО). Результаты также показывают, что половина респондентов считает возможность принятия такого закона вполне вероятной.

Еще более негативно оценивается идея запрета на бесплатное обучение иностранным языкам в средней школе (93% до начала СВО и 97% после начала СВО) (U-критерий Манна-Уитни =13313; $p<0,019$). Чуть больше половины респондентов считают это событие маловероятным, при этом 32% затруднились с оценкой вероятности принятия такого закона, а значит, у них нет уверенности, что этого не может произойти.

Идею принятия закона о недопустимости владения депутатами Государственной Думы РФ собственностью за пределами РФ оценивают позитивно около 70% респондентов (72% до начала СВО и 70% после начала СВО). Реальное принятие такого закона оценивается как маловероятное событие 48% респондентами до начала СВО и 56% после начала СВО.

Результаты интеркорреляции ответов на вопросы о возможных событиях в будущем представлены в таблице 4. Вопросы анкеты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Вопросы для оценки вероятности возможных событий в жизни граждан РФ в будущем и отношения к ним респондентов

Код вопроса	Вопросы анкеты
C1	Повышение пенсионного возраста граждан РФ (мужчины 67, женщины 65)
C2	Снижение пенсионного возраста граждан РФ (мужчины 60, женщины 55)
C3	Принятие закона о возможности любого президента РФ переизбираться на любой срок, включая его пожизненное правление
C5	Вероятность оранжевой революции в России
C6	Введение в школьную программу «Закона Божьего»
C7	Введение в школьную программу уроков военно-патриотического воспитания
C8	Принятие закона о введение смертной казни за особо тяжкие преступления
C9	Принятие закона об уголовной ответственности за нетрадиционные сексуальные отношения
C10	Передача Россией Крыма Украине
C11	Принятие закона, в соответствии с которым правоохранительные органы имеют право фиксировать любую информацию о любом человеке и использовать ее в суде
C12	Запрет на бесплатное обучение иностранным языкам в средней школе
C13	Принятие закона о запрете оборота иностранной валюты на территории РФ
C14	Принятие закона о недопустимости владения депутатами Государственной Думы РФ собственностью за пределами РФ

Примечание: Вопрос с кодом C4 о возможном присоединении ДНР и ЛНР к РФ был удален из анкеты в связи с тем, что на момент проведения исследования данное событие уже произошло.

Таблица 4. Результаты интеркорреляций ответов на вопросы о возможных событиях в будущем

	C2	C3	C5	C6	C7	C8	C9	C10	C11	C12	C13	C14
C1	-,586**	,348**		,221**	,260**	,339**	,330**	-,263**	,217**	,231**	,382**	-,184*
C2											-,198**	,200**
C3			-,345**	,305**	,548**	,396**	,540**	-,387**	,480**	,255**	,415**	
C5				-,196**	-,497**	-,251**	-,273**	,582**	-,228**			
C6					,497**		,433**	-,149*	,206**		,203**	
C7						,341**	,545**	-,494**	,474**	,234**	,315**	
C8							,291**	-,342**	,255**	,201**	,353**	
C9								-,315**	,347**	,365**	,369**	
C10									-,282**			
C11										,224**	,274**	
C12											,348**	

*p<0,05; **p<0,01

Было показано, что те респонденты, которые поддерживают принятие закона о возможности любого президента РФ переизбираться на любой срок, включая его пожизненное правление, негативно относятся к возможности оранжевой революции в России (-0,345), передаче Россией Крыма Украине (-0,387), а также позитивно оценивают идею введения в школьную программу «Закона Божьего» (0,305) и уроков военно-патриотического воспитания (0,548), принятие закона о введении смертной казни за особо тяжкие преступления (0,396), закона об уголовной ответственности за нетрадиционные сексуальные отношения (0,540), закона, в соответствии с которым правоохранительные органы имеют право фиксировать любую информацию о любом человеке и использовать ее в суде (0,480), идею запрета на бесплатное обучения иностранным языкам в средней школе (0,255), закона о запрете оборота иностранной валюты на территории РФ (0,415).

Респонденты, которые считают, что вероятность оранжевой революции в России существует, негативно оценивают идею введения в школьную программу «Закона Божьего» (-0,196) и уроков военно-патриотического воспитания (-0,497), закона о введении смертной казни за особо тяжкие преступления (-0,251), закона об уголовной ответственности за нетрадиционные сексуальные отношения (-0,273), закона, в соответствии с которым правоохранительные органы имеют право фиксировать любую информацию о любом человеке и использовать ее в суде (-0,228), а также позитивно относятся к передаче Россией Крыма Украине (0,582). Результаты получены с помощью критерия Спирмена и значимы на уровне $p < 0,01$.

Заключение

Очевидно, что динамику поляризации мнений невозможно объяснить лишь на уровне когнитивных факторов (когнитивных искажений и др.). Значительную роль здесь играет аффективная составляющая, которая во многом связана с высшими социальными эмоциями, в частности, с чувством социального страха, вызывающим у респондентов неуверенность в будущем. В

данном исследовании нам удалось получить достаточно откровенные ответы на вопросы респондентов, которые были анонимными, но добровольными. При этом количество неопределённых ответов и отказов отвечать было незначительным. Следует отметить, что понятие аффективной составляющей поляризации мнений может трактоваться не только как конфликтное противостояние поляризованного «меньшинства» группы, но и как эмоциональные переживания «большинства» в условиях аффекта неопределённости, который вынуждает людей, зачастую далеких от политики, в силу индивидуальных особенностей примыкать либо к одной, либо к другой подгруппе «меньшинства». Необходимо также подчеркнуть, что данный феномен до настоящего времени изучен недостаточно и требует детального анализа с учетом психологической специфики изучаемых социальных групп.

Литература

1. Лебедев А.Н. Гордякова О.В. Феномен групповой поляризации в политологии и политической психологии США и Европы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Том 6. № 4(24). С. 123-150.
2. Лебедев А.Н. Групповая поляризация мнений в условиях неопределённости морального выбора // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. № 2. С. 159-171. doi:10.17759/exppsy.2022150212
3. Лебедев А.Н. Индикаторы и предикторы психологического состояния российского общества // Человеческий капитал. №6, 2018. С.58-68. <http://humancapital.msk.ru/arhiv-2/2018-2/>
4. Лебедев А.Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т.2. № 1. С. 2-19.
5. Лебедев А.Н. Психологическое состояние общества с позиции макропсихологического подхода. М.: Вестник РФФИ. Тематический блок: Фундаментальные проблемы в

- исследованиях психического здоровья человека и общества. № 4 (104), 2019. С. 41-48.
6. Лебедев А.Н. Феномен ценностно-аффективной поляризации российского общества // Ученые записки Института психологии РАН. 2021. Т.1. № 2. С. 3-17.
7. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Психологическое состояние общества и феномен психологической поляризации / Социальная и экономическая психология. №3, 2019. С. 22-45. <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2019/t4-2/n19-02-02.html>
8. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Чувство патриотизма и типы патриотического поведения в поляризованном обществе // Новое в психолого-педагогических исследованиях. №1(45), 2017. С. 92-97.
9. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
10. Осипов Г.В. Социология и государственность: Достижения, проблемы, решения. М.: Вече, 2005.
11. Семенов В.Е. Ценностно-ментальная поляризация и общественное согласие в контексте концепции российской полиментальности // Психологическая газета. 2015. <https://psy.su/feed/4737/>
12. Юревич А.В., Юревич М.А. Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка // Нравственность современного российского общества: психологический анализ / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. С.21-42.
13. Abramowitz A.I., Saunders K.L. Is polarization a myth? // Journal of Politics. V.70. Issue 2. Pp. 542-555. 2008. DOI:10.1017/S0022381608080493
14. Bishop B., Cushing R. The big sort: Migration, community, and politics in the United States of 'those people' / R.A. Teixeira (Ed.) Red, blue and purple America: The future of election demographics. Washington. Brookings Institution, 2008. pp. 50-75.
15. Boxell L., Gentzkow M., Shapiro J.M. Cross-Country Trends in Affective Polarization. // NBER Working Paper. 2020. № w26669. URL: <https://ssrn.com/abstract=3522318>
16. Child T., Massoud N., Schabus M., Zhou Y. Surprise Election for Trump Connections // Journal of Financial Economics. V. 140. Issue 2, May 2021, P. 676-697. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2020.12.004>
17. Doise W. Individual and social identities in intergroup relations // Europ. J. of Soc. Psych. 1988. V.18. P.99-111.
18. Doise W. Social representations in personal identity // Social identity: international perspectives / Ed. by S. Worchel, J.F. Morales, D. Paez, J. Deschamps. N.Y., 1998. P. 13-25.
19. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. Affective polarization, local contexts and public opinion in America. // Nature Human Behaviour. 2021. V.5. P.28-38.
20. Druckman J.N., Peterson E., Slothuus R. How Elite Partisan Polarization Affects Public Opinion Formation // American Political Science Review. 2013. V.107. № 1. P.57-79.
21. Gerber A., Green D. Misperceptions about Perceptual Bias // Annual Review of Political Science. 1999. V.2(1). P. 189-210.
22. Graham M.H., Svolik M.W. Democracy in America? Partisanship, Polarization, and the Robustness of Support for Democracy in the United States // American Political Science Review. 2020. V.114. № 2. P. 392-409.
23. Harteveld E., Kokkonen A., Linde J., Dahlberg S. A tough trade-off? The asymmetrical impact of populist radical right inclusion on satisfaction with democracy and government // European Political Science Review. 2021. V.13. № 1. P. 113-133.
24. Helbling M., Teney C. The cosmopolitan elite in Germany: transnationalism and postmaterialism / Global Networks. V.15, Issue4. 2015. P. 446-468. <https://doi.org/10.1111/glob.12073>
25. Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S. The Origins and Consequences of Affective Polarization in the United States // Annual Review of Political Science. 2019. V.22. №1. P.129-146.

26. Jennings W., Stoker G. The Bifurcation of Politics: Two Englands / *The Political Quarterly*. 2016. V.87. №3. P. 372-382.
27. Johnston R., Manley D., Jones K. Spatial Polarization of Presidential Voting in the United States, 1992-2012: The "Big Sort" Revisited. / *Annals of the American Association of Geographers*. V. 106, 2016. Issue 5. P.1047-1062. DOI:10.1080/24694452.2016.1191991
28. Jungkunz S. Political Polarization During the COVID-19 Pandemic / *Frontiers in Political Science*. 2021. URL: <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.622512>
29. Kuhn D., Lao J. Effects of Evidence on Attitudes: Is Polarization the Norm? *Psychological Science* (American Psychological Society). 1996. V. 7. № 2. P. 115-120.
30. Moscovici S., Lage E., Naffrechoux M. Influence of a consistent minority on the responses of a majority in a color perception task // *Sociometry*. 1969. V. 32. № 4. P. 365-380.
31. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1969. V.12. №2. P.125-135.
32. Nickerson R.S. Confirmation bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises // *Review of General Psychology*. 1998. V.2. №2. P.175-220.
33. Plous S. *The psychology of judgment and decision making*. New York: McGraw-Hill, 1993.
34. Rogowski J.C. Voter Decision-Making with Polarized Choices // *British Journal of Political Science*, V.48, Issue 1, January 2018, P. 1-22. DOI:doi.org/10.1017/S0007123415000630
35. Roudometof V., Haller W. Social indicators of cosmopolitanism and localism in eastern and western Europe: an exploratory analysis / *Cosmopolitanism and Europe*. Liverpool University Press. 2007. P. 181-201.
36. Sternberg R.J., Halpern D.F. *Critical Thinking in Psychology*. Cambridge University Press. 2019.
37. Wagner M. Affective Polarization in Multiparty Systems // *Electoral Studies*. 2021. V.69. P.102-199.
38. Wagner M., Russo L. Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. 2021. <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463>
39. Zingher J., Flynn M.E. The Effect of Elite Polarization on Mass Attitudes and Behaviors: 1972–2012 // *British Journal of Political Science*. July 6, 2014. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2462876>

Статья поступила в редакцию 20.03.2023

DYNAMICS OF THE POLARIZATION OF OPINIONS IN THE CONDITIONS OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

© Olga V. Gordyakova

Ph.D. (psychology), professor, department of social psychology,
«Moscow Institute of Psychoanalysis», Moscow, Russia
o_gordyakova@mail.ru

The study of the opinions polarization in large social groups is currently extremely relevant due to the need to maintain stability and a favorable psychological condition of Russian society. The particular relevance for social and political psychology is the study of the dynamics of opinions of polarized groups. An analysis of the literature in this area shows that, in general, the nature of polarization and its dynamics in various countries are different. For example, in the United States, polarization develops as a contradiction between two main political parties: republican and democratic, in European countries – between the government and the opposition. The article presents the results of a study of the dynamics of polarization. The study showed, the dynamics of opinion polarization cannot be explained only on

the base of cognitive factors (cognitive distortions, etc.). An affective component plays a significant role here, which is largely associated with social emotions, in particular, with a sense of social fear that causes respondents to be uncertain about the future. It is noted that the concept of the affective component of polarization can be interpreted not only as a conflict confrontation of a polarized "minority" groups, but also as the emotional experiences of "majority" in the conditions of the affect of uncertainty, which forces people, often far from politics to join either or another group of "minorities".

Keywords: polarization of opinions, affective-value polarization, social emotions, affect of uncertainty, minority and majority in a social group

REFERENCES

1. Lebedev, A.N. Gordyakova, O.V. (2021). Fenomen gruppovoj polarizacii v politologii politicheskoy psihologii SSHA i Evropy [*The phenomenon of group polarization in political science and political psychology of the USA and Europe*] // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya [*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*]. V. 6. № 4(24). P. 123-150.
2. Lebedev, A.N. (2022). Gruppovaya polarizaciya mnenij v usloviyah neopredelennosti moral'nogo vybora [*Group polarization of ideas in the conditions of uncertainty of moral choice*] // Eksperimental'naya psihologiya [*Experimental psychology*]. V.15. № 2. P. 159-171. doi:10.17759/exppsy.2022150212
3. Lebedev, A.N. (2018). Indikatory i prediktory psihologicheskogo sostoyaniya rossijskogo obshchestva [*Indicators and predictors of the psychological state of Russian society*] // Chelovecheskij kapital [*Human capital*]. №6. P.58-68. <http://humancapital.msk.ru/arhiv-2/2018-2/>
4. Lebedev, A.N. (2022). K teorii cennostno-affektivnoj polarizacii social'nyh grupp [*On the theory of value-affective polarization of social groups*] // Uchenye zapiski Instituta psihologii RAN [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V.2. № 1. P. 2-19.
5. Lebedev, A.N. (2019). Psihologicheskoe sostoyanie obshchestva s pozicii makropsihologicheskogo podhoda [*The psychological state of society from the position of the macropsychological approach*]. M.: Vestnik RFFI. Tematicheskij blok: Fundamental'nye problemy v issledovaniyah psihicheskogo zdorov'ya cheloveka i obshchestva [*Bulletin of the RFFI. Thematic block: Fundamental problems in the research of mental health of a person and society*]. № 4 (104). P. 41-48.
6. Lebedev, A.N. (2021). Fenomen cennostno-affektivnoj polarizacii rossijskogo obshchestva [*The phenomenon of value-affective polarization of Russian society*] // Uchenye zapiski Instituta psihologii RAN [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V.1. № 2. P. 3-17.
7. Lebedev, A.N., Gordyakova, O.V. (2019). Psihologicheskoe sostoyanie obshchestva i fenomen psihologicheskoy polarizacii [*Psychological state of society and the phenomenon of psychological polarization*] // Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya [*Social and Economic Psychology*]. №3. P. 22-45. <http://socioeconom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2019/t4-2/n19-02-02.html>
8. Lebedev, A.N., Gordyakova, O.V. (2017). CHuvstvo patriotizma i tipy patrioticheskogo povedeniya v polarizovannom obshchestve [*A sense of patriotism and types of patriotic behavior in a polarized society*] // Novoe v psihologopedagogicheskikh issledovaniyah [*New in psychological and pedagogical research*]. №1(45). P. 92-97.
9. Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (2018). Psihologiya global'nyh riskov [*Psychology of global risks*]. Moscow: Izd-vo «Institut psihologii RAN» [*Publishing house "Institute of*

- Psychology of the Russian Academy of Sciences*"].
10. Osipov, G.V. (2005). *Sociologiya i gosudarstvennost': Dostizheniya, problemy, resheniya* [Sociology and Statehood: Achievements, problems, solutions]. Moscow: Veche.
 11. Semenov, V.E. (2015). *Cennostno-mental'naya polarizaciya i obshchestvennoe soglasie v kontekste koncepcii rossijskoj polimental'no-sti* [Value-mental fields-risization and public consent in the context of the concept of Russian polymentality] // *Psihologicheskaya gazeta* [Psychological Newspaper]. <https://psy.su/feed/4737/>
 12. YUrevich, A.V., YUrevich, M.A. (2012). *Dinamika psihologicheskogo sostoyaniya rossijskogo obshchestva: ekspertnaya ocenka* [Dynamics of the psychological state of Russian society: expert assessment] // *Nravstvennost' sovremennogo rossijskogo obshchestva: psihologicheskij analiz* / Otv. red. A.L. ZHuravlev, A.V. YUrevich [in *Morality of modern Russian society: psychological analysis* / Ed. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich]. Moscow: Izdatel'stvo «Institut psihologii RAN» [Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences"]. P.21-42.
 13. Abramowitz, A.I., Saunders, K.L. (2008). Is polarization a myth? // *Journal of Politics*. V.70. Issue 2. P. 542-555. DOI:10.1017/S0022381608080493
 14. Bishop, B., Cushing, R. (2008). The big sort: Migration, community, and politics in the United States of 'those people' / R.A. Teixeira (Ed.) *Red, blue and purple America: The future of election demographics*. Washington. Brookings Institution. P. 50-75.
 15. Boxell, L., Gentzkow, M., Shapiro, J.M. (2020). *Cross-Country Trends in Affective Polarization*. // NBER Working Paper. № w26669. URL: <https://ssrn.com/abstract=3522318>
 16. Child, T., Massoud, N., Schabus, M., Zhou, Y. (2021). Surprise Election for Trump Connections // *Journal of Financial Economics*. V. 140. Issue 2. P. 676-697. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfineco.2020.12.004>
 17. Doise, W. (1988). Individual and social identities in intergroup relations // *Europ. J. of Soc. Psych.* V.18. P.99-111.
 18. Doise, W. (1998). Social representations in personal identity // *Social identity: international perspectives* / Ed. by S. Worchel, J.F. Morales, D. Paez, J.Deschamps. N.Y.. P. 13-25.
 19. Druckman, J.N., Klar, S., Krupnikov, Y., Levendusky, M., Ryan, J.B. (2021). Affective polarization, local contexts and public opinion in America. // *Nature Human Behaviour*. V.5. P.28-38.
 20. Druckman, J.N., Peterson, E., Slothuus, R. (2013). How Elite Partisan Polarization Affects Public Opinion Formation // *American Political Science Review*. V.107. № 1. P.57-79.
 21. Gerber, A., Green, D. (1999). Misperceptions about Perceptual Bias // *Annual Review of Political Science*. V.2(1). P. 189-210.
 22. Graham, M.H., Svoboda, M.W. (2020). Democracy in America? Partisanship, Polarization, and the Robustness of Support for Democracy in the United States // *American Political Science Review*. V.114. № 2. P. 392-409.
 23. Hartevelde, E., Kokkonen, A., Linde, J., Dahlberg, S. (2021). A tough trade-off? The asymmetrical impact of populist radical right inclusion on satisfaction with democracy and government // *European Political Science Review*. V.13. № 1. P. 113-133.
 24. Helbling, M., Teney, C. (2019). The cosmopolitan elite in Germany: transnationalism and post-materialism / *Global Networks*. V.15, Issue 4. P. 446-468. <https://doi.org/10.1111/glob.12073>
 25. Iyengar, S., Lelkes, Y., Levendusky, M., Malhotra, N., Westwood, S. (2019). The Origins and Consequences of Affective Polarization in the United States // *Annual Review of Political Science*. V.22. №1. P.129-146.
 26. Jennings, W., Stoker, G. (2016). The Bifurcation of Politics: Two Englands / *The Political Quarterly*. V.87. №3. P. 372-382.
 27. Johnston, R., Manley, D., Jones, K. (2016). Spatial Polarization of Presidential Voting in the United States, 1992-2012: The "Big Sort" Revisited. / *Annals of the American Association of*

- Geographers. V. 106. Issue 5. P.1047-1062. DOI:10.1080/24694452.2016.1191991
28. Jungkunz, S. (2021). Political Polarization During the COVID-19 Pandemic / *Frontiers in Political Science*. URL: <https://doi.org/10.3389/fpos.2021.622512>
29. Kuhn, D., Lao, J. (1996). Effects of Evidence on Attitudes: Is Polarization the Norm? *Psychological Science* (American Psychological Society). V. 7. № 2. P. 115-120.
30. Moscovici, S., Lage, E., Naffrechoux, M. (1969). Influence of a consistent minority on the responses of a majority in a color perception task // *Sociometry*. V. 32. № 4. P. 365-380.
31. Moscovici, S., Zavalloni, M. (1969). The group as a polarizer of attitudes // *Journal of Personality and Social Psychology*. V.12. №2. P.125-135.
32. Nickerson, R.S. (1998). Confirmation bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises // *Review of General Psychology*. V.2. №2. P.175-220.
33. Plous, S. (1993). *The psychology of judgment and decision making*. New York: McGraw-Hill.
34. Rogowski, J.C. (2018). Voter Decision-Making with Polarized Choices // *British Journal of Political Science*. V.48, Issue 1. P.1-22. DOI:doi.org/10.1017/S0007123415000630
35. Roudometof, V., Haller, W. (2007). Social indicators of cosmopolitanism and localism in eastern and western Europe: an exploratory analysis / *Cosmopolitanism and Europe*. Liverpool University Press. P. 181-201.
36. Sternberg, R.J., Halpern, D.F. (2019). *Critical Thinking in Psychology*. Cambridge University Press.
37. Wagner, M. (2021). Affective Polarization in Multiparty Systems // *Electoral Studies*. V.69. P.102-199.
38. Wagner, M., Russo, L. (2021). Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463>
39. Zingher, J., Flynn, M.E. (2014). The Effect of Elite Polarization on Mass Attitudes and Behaviors: 1972–2012 // *British Journal of Political Science*. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2462876>

The article was received 20.03.2023

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СТРАН МИРА С ПОЗИЦИЙ КОНЦЕПЦИИ СИНТЕЗА ХАОСА И КОСМОСА

© Сухарев А.В.

доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
лаборатории социально-экономической психологии,
Институт психологии РАН, г. Москва, Россия
zavor753@mail.ru

Исследование выполнено по госзаданию в Институте психологии РАН
(лаборатория социально-экономической психологии, № 0138-2023-0010).

Целью работы было применение операционализированной трансдисциплинарной концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса для сравнительного эмпирического исследования взаимосвязи содержания и структуры ментальности стран мира с непсихологическими (социально-экономическими) показателями развития общества. Структура ментальности субъекта рассматривалась как итог развития и степени выраженности хаотизирующих представлений архаики, а также космизирующих представлений премодерна (надэтнически-религиозных) и модерна (естественно-научных представлений и об общем благе). В исследовании использовался метод анализа интернет-запросов по приоритетным темам «Природа» (компонент архаики), «Бог» (надэтнически-религиозный компонент) и «Знание» (компонент модерна) с помощью интернет приложения Google Trends, а также анализ взаимоотношения структуры ментальности стран с различными показателями объективных темпов экономического развития ВВП по ППС (показатель покупательной способности) и показателем МИС («международный индекс счастья»). Было показано, что соотношение количества интернет-запросов по темам «Природа», «Бог» «Знание» образует достаточно устойчивую структуру, достоверно отделяющую страны с высоким показателем объективных темпов экономического развития. Можно выделить оптимальное соотношение количества запросов: «Бог» < «Природа» < «Знание», связанное с высокими показателями темпов экономического развития.

Ключевые слова: ментальность, архаика, премодерн, модерн, коллективный субъект, качество жизни.

Введение

Целью настоящей работы было показать возможность эмпирической верификации трансдисциплинарной философско-антропологической концепции этнофункционального синтеза

хаоса и космоса [16] в исследовании ментальности коллективного субъекта [6]. Проблема исследования заключалась в необходимости верификации достаточно обобщенного авторского теоретико-методологического подхода к

анализу ментальности коллективного субъекта на основе теоретической операционализации базовых положений подхода. Такого рода операционализация выступает как концепт среднего уровня по Р. Мертону [19], позволяющий осуществить эмпирическую верификацию подхода на различных социальных объектах. Ввиду обобщенности трансдисциплинарного подхода, используемого в исследовании, осуществлялся сравнительный анализ как психологических, так и непсихологических (социально-экономических) характеристик развития общества. В качестве объекта исследования рассматривались коллективные субъекты стран мира, представленных в различных рейтингах психологических и непсихологических показателей их развития [3; 8; 12; 18]. Предметом исследования была взаимосвязь выраженности и структуры характеристик ментальности коллективных субъектов стран мира с некоторыми психологическими и непсихологическими показателями их развития.

Теоретическая основа исследования

Концепция этнофункционального синтеза хаоса и космоса базируется, во-первых, на философско-антропологической концепции синтеза хаоса и космоса, являющейся развитием теории синтеза хаоса и порядка В.П. Бранского [2], исходно построенной на базе синергетических представлений, используемых для изучения природных систем. В.П. Бранский понимал синтез *хаоса и порядка* как идеальную цель и в то же время источник развития систем, в том числе и гуманитарных. Понятийный аппарат концепции исходно оставался формализованным и естественно-научным, что не мешало попыткам использовать его для анализа гуманитарных систем, несмотря на качественное различие природных и гуманитарных субстратных элементов в их структуре. Например, в структуре общества рассматривались элементы хаоса (рынок, развлечения) и порядка (система образования, законодательство) [2; 9]. Понятие хаоса в естественно-научных исследованиях, в отличие от его гуманитарного понимания, рассматривалось лишь как отсутствие

упорядоченности, а в качестве атрибута космоса учитывалось только наличие порядка. Для гуманитарных систем нами было предложено описание ментальности индивидуального и коллективного субъекта с помощью хаотизирующих и космизирующих представлений как элементов его образной сферы [4]. Таким образом, концепция синтеза хаоса и порядка для гуманитарных систем может быть представлена как синтез хаоса и космоса или синтез хаотизирующих и космизирующих представлений, имеющих регулятивную функцию в поведении субъекта [16].

Для учета природной и культурной специфики ментальности с позиций этнофункционального подхода представлениям субъекта присваивалась этническая функция, которая принимала этноинтегрирующее значение, т.е. объединяющее субъекта с той или иной этнической системой, этнодифференцирующее – разъединяющее, а также нейтральное значение, которым наделяются общефилософские и естественно-научные представления. Таким образом, в окончательном виде предлагаемую методологию можно сформулировать как концепцию этнофункционального синтеза хаоса и космоса [16].

Для целей верификации указанных выше положений была осуществлена их операционализация в концепте среднего уровня [19], допускающего применение в эмпирическом исследовании. Для этого в описании ментальности субъекта был использован культурологический подход к ее развитию как последовательной трансформации представлений архаики, премодекна и модерна. В гуманитарных культурологических исследованиях «архаика» в пределах рассматривается как «первичный хаос» [1, с. 14], а на практике характеризуется приоритетом мировоззренческого синкретизма, сакрального отношения к природе, магического мышления, родовых связей и географической локальностью [7]. В понятие «премодерн» мы вкладываем, прежде всего приоритет надэтнически-религиозных представлений мировых религий, а представления модерна характеризуются приоритетом этнически нейтральных

естественно-научных представлений и об общем благе. Наиболее выраженной этнической функцией наделяются геолокальные представления архаики, менее выраженной – премодерна, нейтральной – модерна [16].

В свою очередь, представления архаики наделяются наиболее выраженной хаотизирующей функцией, относительно космизирующей функцией – представления премодерна и абсолютно космизирующей функцией – представления модерна. Таким образом, в качестве необходимого условия этнофункционального синтеза хаоса и космоса в ментальности индивидуального и коллективного субъекта может рассматриваться наличие в ней этноинтегрирующих компонентов архаики, а также премодерна.

Ментальность субъекта мы рассматриваем как его образную сферу, обеспечивающую регулятивную функцию в его поведении и имеющую слоистую структуру. В развитии ментальности в идеале рассматривается последовательная смена содержания ступеней (слоев) архаики, премодерна и модерна, образное содержание которых закрепляются в ней и при ретроспективном анализе понимаются как ее необходимые компоненты [16].

На основании принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма для интерпретации результатов эмпирического исследования ментальности коллективного субъекта использовались результаты экспериментально-психологических исследований на индивидуальном уровне [16].

Методика исследования

Для операционализации представлений архаики, премодерна и модерна в процессе эмпирического исследования мы опирались на тот результат, что наиболее значимой для адаптивности и развития субъекта является этническая функция его природных представлений [16; 17]. В связи с этим роль компонента архаики мы редуцировали к роли темы «Природа». Аналогично, наиболее значимой темой для надэтнически-религиозного компонента была выделена тема «Бог», а для компонента модерна, связанного с эпохой Просвещения и

представлением о ведущей роли научного познания и знания в целом, была выделена тема «Знание».

Соотношение выраженности интересов к темам «Природа», «Бог» и «Знание» оценивались по количеству интернет-запросов пользователей в различных странах мира за определенный период и рассматривалось как психологический показатель выраженности данных неосознанных мотивов в оценке структуры ментальности соответствующих коллективных субъектов.

В качестве объективного непсихологического показателя развития общества (объективного показателя качества жизни) в различных странах мира использовался показатель величины темпов роста валового внутреннего продукта (ВВП), рассчитанный в международных долларах с учетом показателей паритета покупательной способности (ППС), т.е. «реальный» ВВП с учетом ППС. Иначе, это показатель темпов роста стоимости всех конечных товаров и услуг, произведенных в государстве за определенный период времени. «ВВП по ППС» отражает объем товаров и услуг, а также уровень дохода и цен в стране, и считается относительно более подходящей, чем только ВВП мерой для оценки уровня жизни [3].

Также в качестве смешанного психологического/непсихологического (субъективно / объективного) показателя качества жизни использовался «международный индекс счастья» (МИС), предложенный «Фондом новой экономики» (*New Economics Foundation*) в 2006 г. Данный индекс исходит из общего положения о том, что большинство людей хочет прожить долгую и «полноценную жизнь, а страны стремятся сделать всё возможное для достижения максимального благополучия своих граждан, разумно используя имеющиеся ресурсы и не нанося ущерба окружающей среде». Для расчета индекса используются три показателя: 1) субъективная удовлетворенность человека собственной жизнью; 2) высокая ожидаемая

продолжительность жизни; 3) экологический след¹ [8]. Здесь в качестве психологических показателей рассматриваются удовлетворенность жизнью и высокая ожидаемая продолжительность жизни, а в качестве непсихологического – экологический след. Отметим, что показатель «экологический след», в отличие, например, от показателя «ВВП по ППС» объективно отражает качество взаимодействия человека и природы.

Для сравнительного анализа непсихологических показателей использовался рейтинг 156 стран мира по темпам роста «ВВП по ППС» за период с 1990 до 2020 год по данным Всемирного банка [12]. Сравнение количества интернет-запросов по темам «Природа», «Бог» и «Знание» было осуществлено для 10 стран с наиболее высокими темпами роста, а также 10 стран с самыми низкими темпами роста экономик. Анализ интернет-запросов по указанным темам для данных стран осуществлялся по техническим причинам с 2006 по 2022 гг.²

Для сравнительного анализа стран по смешанным психологическим/непсихологическим показателям использовался рейтинг стран мира по международному индексу счастья за 2009 г. [8]. Сравнение количества интернет-запросов по темам «Природа», «Бог» и «Знание» было осуществлено для 10 стран с самым высоким МИС, а также 10 стран с самым низким индексом МИС. Анализ интернет-запросов по темам «Природа», «Бог» и «Знание» для данных стран по показателю МИС в 2009 г. осуществлялся за весь 2009 г.³

Для анализа эмпирического соотношения выраженности интереса к указанным темам у коллективных субъектов в разных странах использовалась статистика интернет-запросов с помощью приложения Google Trends, впервые

появившегося в 2006 г., а с 2021 г., поддерживающего анализ запросов уже на десятках языков, в том числе на кириллице. Это веб-сайт, автоматически фиксирующий частоту поисковых запросов в режиме онлайн по всему миру с учётом времени и места их отправки. Информация о запросах, в отличие от стандартного социально-психологического анкетирования, учитывается по их общему количеству, как от одного, так и от нескольких пользователей. В отличие от единичного запроса, количество запросов по теме отражает все относящиеся к ней запросы. Темы в данном приложении представляют собой профессиональный перевод на любой язык выражений или понятий, за которыми стоит один и тот же смысл. Существенно, что веб-сайт отражает относительную частоту запроса в конкретном регионе за определенный (настраиваемый) период времени. Максимальная частота запроса фиксируется как 100 баллов, а недостаточное их количество как 0 баллов. Данный веб-сайт, изначально созданный для целей маркетинга, в настоящее время все шире используется в исследованиях в области социологии, информационных технологий, медицины, биологии, экономики и пр. [11].

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием U-критерия Манна-Уитни.

Результаты исследования

Были исследованы 10 стран с самыми высокими и 10 стран с самыми низкими показателями темпов развития ВВП по ППС с 1990-2020 гг. Самые высокие показатели были представлены странами: Китай, Мьянма (Бирма), Эфиопия, Лаос, Вьетнам, Мозамбик, Бутан, Ирландия, Гана, Бангладеш. Самые низкие показатели характеризовали страны: Ямайка, Италия,

¹ «Экологический след» рассчитывает Глобальная сеть экологического следа (Global Footprint Network, GFN) – международный научно-исследовательский институт. Комплекс методов, разработанных GFN, позволяет странам (а также регионам, городам и даже отдельным домохозяйствам) измерить уровень потребления ими природного капитала и сопоставить его с объемом имеющихся запасов возобновляемых ресурсов [18].

² Соотношение количества запросов «Природа», «Бог», «Знание» в % по нашим данным для каждой из стран с 2006 по 2022 гг. в статистике Google Trends достоверно сохраняется неизменным ($p < 0,01$).

³ Впервые МИС для стран мира был рассчитан в 2006 г., затем в 2009 в 2012 и последующих годах.

Гаити, Багамы, Греция, Япония, Грузия, Бруней, Барбадос, Украина [12]. Полученные

результаты представлены в таблицах 1 и 1а.

Таблица 1. Сравнение соотношения количества интернет-запросов по темам «Природа», «Бог» и «Знание» в % для стран с высокими и низкими темпами развития экономик в 1990-2020 гг. по показателю ВВП по ППС

Соотношение количества запросов	Высокие темпы развития	U	Вероятность ошибки	Низкие темпы развития
«Знание» / «Бог»	112%	$U_{\text{эсп}}=9,5$ $U_{0,01}=19$ $U_{0,05}=27$	$p<0,01$	11%
«Знание» / «Природа»	84%	$U_{\text{эсп}}=22$ $U_{0,01}=19$ $U_{0,05}=27$	$p<0,05$	58%
«Бог» / «Природа»	130%	$U_{\text{эсп}}=19$ $U_{0,01}=19$ $U_{0,05}=27$	$p<0,01$	253%
Оптimum соотношения количества запросов для высокого ВВП по ППС	«Бог» < «Природа» < «Знание»			

Таблица 1а. Сравнение количества интернет-запросов по темам «Природа», «Бог» и «Знание» в баллах для стран с высокими и низкими темпами развития экономик в 1990-2020 гг. по показателю темпов развития ВВП по ППС

Количество запросов	Высокие темпы развития	U	Вероятность ошибки	Низкие темпы развития
«Природа»	219	$U_{\text{эсп}}=48$ $U_{0,01}=19$ $U_{0,05}=27$	Нет различий	202
«Бог»	370	$U_{\text{эсп}}=27,5$ $U_{0,01}=19$ $U_{0,05}=27$	$p\leq 0,05$	229
«Знание»	167	$U_{\text{эсп}}=36,5$ $U_{0,01}=19$ $U_{0,05}=27$	Нет различий	111

В качестве иллюстрации на Рис. 1 представлены гистограммы качественного сравнения соотношения интернет-запросов по указанным

темам для стран с высокими и низкими значениями исследуемых показателей.

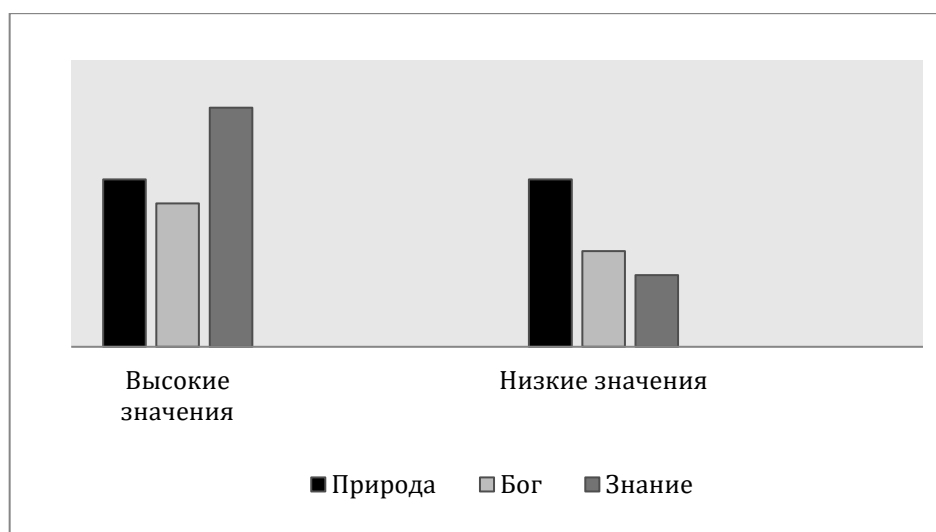

Рис. 1. Качественное сравнение соотношения количества интернет запросов по темам «Природа», «Бог» и «Знание» для стран с высокими и низкими значениями показателя темпов роста «ВВП по ППС»

Для 10 стран с самыми высокими и 10 стран с самыми низкими показателями индекса счастья (МИС) на 2009 г. результаты представлены в Таблицах 2 и 2а. Наивысшие показатели были представлены странами: Коста-Рика, Доминиканская Республика, Ямайка, Гватемала, Вьетнам, Колумбия, Куба, Сальвадор, Бразилия,

Гондурас. Самые низкие показатели характеризовали страны: Бенин, Того, Сьерра-Леоне, Центральноафриканская Республика, Буркина-Фасо, Бурунди, Намибия, Ботсвана, Танзания, Зимбабве [8].

Таблица 2. Сравнение соотношения количества интернет-запросов по темам «Природа», «Бог» и «Знание» для стран с высоким и низким показателем МИС в %

Соотношение количества запросов (в%)	Высокий индекс счастья	U	Вероятность ошибки	Низкий индекс счастья
«Знание» / «Бог»	126%	$U_{\text{эсп}}=32,5$ $U_{0.01}=19$ $U_{0.05}=27$	Нет различий	66%
«Знание» / «Природа»	136%	$U_{\text{эсп}}=37$ $U_{0.01}=19$ $U_{0.05}=27$	Нет различий	107%
«Бог» / «Природа»	163%	$U_{\text{эсп}}=50$ $U_{0.01}=19$ $U_{0.05}=27$	Нет различий	169%

Таблица 2а. Сравнение количества интернет-запросов в баллах по темам «Природа», «Бог» и «Знание» для стран с высоким и низким показателем МИС

Количество запросов	Высокий индекс МИС	U	Вероятность ошибки	Низкий индекс МИС
«Природа»	340	$U_{\text{эсп}}=2,5$ $U_{0,01}=19$ $U_{0,05}=27$	$p < 0,01$	73
«Бог»	482	$U_{\text{эсп}}=19$ $U_{0,01}=19$ $U_{0,05}=27$	$p \leq 0,01$	119
«Знание»	401	$U_{\text{эсп}}=0,5$ $U_{0,01}=19$ $U_{0,05}=27$	$p < 0,01$	78

Примечание. Показатели «Природа», «Бог», «Знание», «Природа» означают соответствующие запросы к указанным темам в % или в баллах в Таблицах 1 и 1а за период с 2006 по 2022 гг. и в Таблице 2 и 2а за весь 2009 г.

Обсуждение результатов

Количество интернет-запросов по темам мы интерпретируем как степень выраженности *проективного* интереса респондентов к данным темам, по сравнению, например, с представленными в социально-психологических опросниках «прямыми» опросами. Количество интернет-запросов свидетельствует о проявлении относительно неосознанного, скрытого интереса респондентов к предложенным темам, потребности в информации и внутреннем стремлении к саморефлексии содержания тем.

Из рассмотренных стран эмпирически установленному оптимальному соотношению количества интернет запросов (Таблица 1) для стран с высокими показателями темпов роста ВВП по ППС, согласно нашим ранее проведенным исследованиям [14], отвечают такие быстро развивающиеся страны, как Испания, Турция («Бог» < «Природа» < «Знание»), Куба и др. Близка к данным странам Литва: по показателю высокого темпа роста ВВП по ППС у нее имеет место соотношение «Бог» = «Природа» < «Знание».

Развивающиеся страны с высокими показателями темпов роста ВВП по ППС: Аргентина, Боливия, Испания, Колумбия, Перу и Чили отвечают соотношению: «Природа» < «Бог» < «Знание». Среди стран с высокими показателями темпов роста исключение представляет

Китай, где по высоким показателям темпов роста ВВП по ППС с 2006 по 2022 гг. имело место соотношение: «Бог» < «Природа» < «Знание».

В таких странах с высокими показателями темпов роста, как Андорра, Лаос, Мексика, Республика Корея, Уругвай, Эквадор имеет место выраженное преобладание количества запросов по теме «Знание» при незначительных вариациях соотношения количества запросов по темам «Природа» и «Бог».

Для экономически высокоразвитых стран – Австралии, Великобритании, Германии, США, Нидерландов, Норвегии, Румынии, Финляндии, Швеции, Швейцарии, Японии соотношение таково: «Знание» < «Природа» < «Бог», при том, что значения их показателей темпов роста «ВВП по ППС» далеко не входят в топ 10.

Для Бельгии, Болгарии, России, Украины, Франции, также далеко не входящими в топ 10 по темпам роста «ВВП по ППС», получено следующее соотношение различия запросов по исследуемым темам: «Знание» < «Бог» < «Природа». Для России, по сравнению с другими странами, это соотношение наиболее выражено в пользу запросов «Природа» [14].

В целом наиболее высокие темпы экономического роста зафиксированы в странах, где количество запросов по теме «Знание» преобладает над количеством запросов по темам «Бог» и «Природа».

Для стран с самыми низкими значениями показателя темпов роста ВВП по ППС, по сравнению со странами с высокими значениями, характерно «инвертированное» от оптимального соотношение количества интернет-запросов по исследуемым темам, а именно: «Знание» < «Природа» < «Бог» [14].

Интересно, что для стран с высокими показателями темпов роста ВВП по ППС, по сравнению со странами с низкими показателями, преобладает количество интернет-запросов только по теме «Бог», а для стран с высокими показателями МИС, по сравнению с низкими, преобладает количество интернет-запросов (выраженности интереса) ко всем исследуемым темам (Таблица 2а). Данный результат, на первый взгляд, представляется парадоксальным, т.к. показатель «индекса счастья», казалось бы, в большей мере отражает психологическое состояние респондентов, чем объективные экономические показатели. На наш взгляд, именно различия соотношений количества интернет-запросов к исследуемым темам (Таблица 1) указывает на взаимосвязь и возможную обусловленность экономических показателей развития коллективного субъекта к структуре его отношений (интересов) к темам «Природа», «Бог» и «Знание», а также повышением активности⁴ субъекта в отношении темы «Бог» (Таблица 1а). Для высокого индекса МИС, по сравнению с низким, таких различий в соотношениях интернет-запросов к различным темам не фиксируется (Таблица 2). При этом высокий индекс МИС связан с общим повышением интереса ко всем исследуемым темам (Таблица 2а).

На основании обобщенной трансдисциплинарной концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса мы можем интерпретировать не только характеристики развития ментальности коллективного субъекта, но и

непсихологические показатели развития соответствующих стран. При этом мы делаем допущение, что интерес к теме «Природа» и представления о природе характеризуются в исследуемых странах, преимущественно, этноинтегрирующей функцией⁵. Тема «Бог» в переводе и статистике в программе Google Trends отражает относительно инвариантный для различных стран смысл, а тема «Знание» отражает абсолютно инвариантный смысл научного представления о мире.

Для интерпретации полученных результатов, в соответствии с уже упомянутым принципом единства микро- и макрокосма, такие показатели, как качество госуправления и др. для коллективных субъектов исследуемых стран рассматривается по аналогии с результатами, полученными в ранее проведенных экспериментально-психологических исследованиях на индивидуальном уровне. Результаты теоретических и эмпирических исследований на индивидуальном уровне показывают, что качество мышления индивида обусловлено высокой степенью синтеза архаики и надэтнически-религиозных представлений [17 и др.]⁶. Аналогично в нашем исследовании предполагается, что относительно низкий проективный интерес к темам «Природа» и «Бог», по сравнению с темой «Знание», свидетельствует об относительной удовлетворенности мотивации коллективного субъекта к темам «Природа» и «Бог» в соответствии с принципом развития [16]. Преобладание интернет-запросов по теме «Знание», интерес к знаниям может быть в значительной степени связан высоким качеством мышления [16, 17]. И напротив, преобладание интернет-запросов «Природа» и «Бог», по сравнению с темой «Знание» мы интерпретируем как следствие относительно недостаточной степени синтеза компонентов архаики и премодерна [16, с. 167-

⁴ Показателем повышения активности мы полагаем увеличение количества интернет-запросов.

⁵ Роль этнической функции содержания интернет-запросов исследовалась отдельно.

⁶ Попытки «мобилизационного» усвоения субъектом знаний, навыков мышления, не обеспеченные предварительным усвоением в онтогенезе представ-

лений архаики и премодерна, могут обуславливать неорганичное усвоение ментальности «модерна» [11], психологически незрелое отношение к содержанию усвоенного, ценности продуктов познания [16, с. 157-161]. Метафорически описать это состояние коллективного субъекта можно как «ребенок со спичками».

172].

Высокие темпы экономического развития конкретной страны кроме прочего в значительной мере обусловлены высоким качеством госуправления (или «качеством элит»), связанным с высоким качеством мышления политического руководства, характеризуемого, например, *условным коэффициентом интеллектуальности* [10]. Для коллективного субъекта данное предположение подтверждается результатами сравнительных гуманитарных и эмпирических исследований ментальности Великобритании, Германии, Китая, некоторых стран Латинской Америки, России и Франции [13, 14, 15, 16]. Выше уже отмечалось, что преобладание интереса к теме «Знание», по сравнению с интересом к темам «Бог» и «Природа», справедливо для стран с высокими темпами социально-экономического развития [14]. Новым является полученный в настоящем исследовании результат о связи выделенного оптимального соотношения количества тематических интернет-запросов «Бог» < «Природа» < «Знание» для стран с высокими темпами экономического развития. Данный результат позволяет сделать предположение, что указанное соотношение может являться системным критерием развития ментальности коллективного субъекта и общества по психологическим и непсихологическим показателям. На индивидуальном уровне целостный смысл повышения степени этнофункционального синтеза хаоса и космоса подтверждается соответствующим ростом показателей психического и физического здоровья индивида, показателей уровня интеллекта, нравственности, усвоения социальных норм, биологического воспроизводства и др. [16, с. 167-182].

Выводы и заключение

Проведенное эмпирическое исследование выявило оптимальное соотношение количества интернет-запросов по исследуемым темам: «Бог» < «Природа» < «Знание», которое является достоверно дискриминантным для отделения стран с высокими значениями показателей ВВП по ППС от стран с низкими значениями

таковых. В целом данные показатели характеризуют непсихологические (социально-экономические) параметры развития общества, а с позиций нашей концепции описывается, в данном случае, психологическая модель этого развития.

Выявленному оптимальному соотношению в полной мере соответствуют страны: Куба, Таиланд, Турция и некоторые другие. При этом для всех исследованных стран с высокими показателями ВВП по ППС выявлено преобладание количества интернет-запросов по теме «Знание», по сравнению с количеством запросов по темам «Природа» и «Бог». К таким странам относятся: Андорра, Китай, Куба, Лаос, Литва, Мексика, Республика Корея, Таиланд, Турция, Уругвай, Эквадор и др.

Установлено, что международный индекс счастья (МИС) существенно в меньшей степени связан с развитием коллективного субъекта по специфическим показателям концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса, чем с социально-экономическими показателями его развития (темпы роста ВВП по ППС).

Результаты исследования позволяют предположить, что соотношение количества интернет-запросов по указанным темам, отражающее ведущее содержание компонентов (ступеней развития) архаики, премодерна (надэтнически-религиозных) и модерна в структуре ментальности субъекта, может являться системообразующим для развития и функционирования не только ментальности субъекта, но человека и общества в целом.

Исследование показало, что операционализация концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса может использоваться как для целей социально-психологических исследований, так и в трансдисциплинарных системных исследованиях развития общества по психологическим и непсихологическим показателям. Новизна полученных результатов позволяет предположить, что научное направление трансдисциплинарных исследований с позиций философско-антропологической концепции этнофункционального синтеза хаоса и космоса в перспективе может быть плодотворным для

решения как теоретических, так и научно-практических задач общественного развития и государственного управления.

Литература

1. Арсеньев В.Р. Архаика как дефиниция и реальность // Актуальные проблемы изучения архаики: материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996-2012 гг. / Сост. и отв. ред. М.Ф. Альбедиль, Д.Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 13-18.
2. Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 117-127.
3. ВВП: как определить и на что влияет. [Электронный ресурс]. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/6273353d9a7947534ca8d991> (дата обращения 09.02.2022 г.).
4. Гостев А.А. Психология вторичного образа. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2007.
5. Дугин А.Г. Археомодерн. М.: Арктогея, 2011.
6. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72-80.
7. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994.
8. Международный индекс счастья [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Международный_индекс_счастья (дата обращения 05.03.2022 г.).
9. Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Обществ. науки и современность. 1997. № 2. С. 91-98.
10. Национальная идея России / Под ред. С.С. Сулакшина. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2012.
11. Соколов С.В. Применение веб-аналитического инструментария Google Trends в социогуманитарных и библиотековедческих исследованиях // БИБЛИОСФЕРА. 2018. № 4. С. 3-9.
12. Список стран мира по росту их экономик за период с 1990 до 2020 год по данным Всемирного банка [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_темпам_роста_ВВП_\(дата_обращения_10.03.2022_г.\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_темпам_роста_ВВП_(дата_обращения_10.03.2022_г.)).
13. Сухарев А.В. Сравнительный анализ развития естественно-научного компонента немецкой ментальности в конце XIX – начале XX вв. в контексте ведущих западно-европейских стран. Часть I, II // Электронный научный журнал «ГосРег». 2020. № 3. URL: <http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/33number/article/Suharev%2033%20часть%201.pdf> (дата обращения 01.06.2022 г.).
14. Сухарев А.В. Эмпирическое компаративное исследование ментальности России и стран с различными показателями уровня и темпов социально-экономического развития // Вестник славянских культур. Декабрь 2021. Т. 62. С. 120-128.
15. Сухарев А.В. Анализ ментальности стран латиноамериканского региона в связи с социально-экономическими показателями их развития в XXI веке // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Том XVIII. Выпуск 4. С. 13-22.
16. Сухарев А.В. Развитие субъекта: Логос, космос и хаос. М.: Когито-Центр, 2022.
17. Сухарев А.В., Тимохин В.В., Выдрина Е.А., Шапорева А.А. Роль значений этнической функции представлений личности в изменении показателей уровня интеллекта // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 2. С. 47-60.
18. Экологический след. URL: <https://wwf.ru/what-we-do/green-economy/ecological-footprint/> (дата обращения 01.06.2022 г.).
19. Merton R.K. On Sociological Theories of the middle range // Merton R.K. On Theoretical Sociology. Five Essays. Old and New. N.-I: Free Press, L.: Macmillan, 1967.

Статья поступила в редакцию 04.11.2022

ANALYSIS OF THE INTERRELATION OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL AND SOCIO-ECONOMIC CHARACTERISTICS OF THE COUNTRIES OF THE WORLD FROM THE STANDPOINT OF THE CONCEPT OF THE SYNTHESIS OF CHAOS AND COSMOS

© Akexandr V. Sukharev

Sc.D. (psychology), professor, leading researcher,
laboratory of the social-economic psychology,
Institute of psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
zavor753@mail.ru

The study was carried out according to the state task at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences (Laboratory of Socio-Economic Psychology, № 0138-2023-0010).

The purpose of the work was to use the operationalization of the trans-disciplinary concept of the ethno-functional synthesis of chaos and cosmos for a comparative empirical study of the relationship of the countries mentality structure with psychological and non-psychological (socio-economic) indicators of the society development. The structure of the subject's mentality was considered as a result of the development and consolidation of chaotic ideas of archaic, as well as cosmic ideas of premodern (supra-ethnic-religious) and modern (natural-scientific ideas and about the common good). The study used the method of analyzing Internet queries on the topics "Nature" (archaic component), "God" (supra-ethnic-religious component) and "Knowledge" (modern component) by means of Google Trends Internet application, as well as analyzing the relationship of the countries mentality structure with various indicators of objective rates of economic development of GDP by PPP and indicators IHA ("International Happiness Index"). It was shown that the ratio of the number of Internet requests on the topics "Nature", "God" and "Knowledge" forms a reliably stable structure that reliably separates countries with the high indicators of objective economic development rates from countries with low indicators. It is possible to distinguish the optimal ratio of the number of requests: "God" < "Nature" < "Knowledge", associated with high indicators of objective (economics) development.

Keywords: mentality, archaic, premodern, modern, collective subject, quality of life

REFERENCES

1. Arsenev, V.R. (2014). Arkhaika kak definiciya i realnost [*Archaic as definition and reality*] // Aktualnye problem izucheniya arkhaiki: mater. teor. seminarov «teoriya i metodologiya arkhaiki 1996-2012 gg. / sost. iotv. red. M. F. Albedil, D.G. Savinov. SPb.: MAEH RAN. P. 13-18.
2. Branskij, V.P. (1999). Socialnaya sinergetika kak postmodernistskaya filosofiya istorii [*Social Synergetics as a Postmodern Philosophy of History*] // Obshchestvennye nauki i sovremennost [Social sciences and modernity]. № 6. P. 117-127.
3. VVP: kak opredelit i na chto vliyaet [GDP: how to determine and what it affects]. Available at: <https://quote.rbc.ru/news/article/6273353d9a7947534ca8d991> (Accessed 10.03.2022). (In Russ.).
4. Gostev, A.A. (2007). Psikhologiya vtorichnogo obraza [*Psychology of the secondary image*]. M.: Izd-vo «In-t psikhologii RAN».
5. Dugin, A.G. (2011). Arkheomodern [*Archeomodern*]. M.: Arktogetya.
6. Zhuravlev, A.L. (2009). Kollektivniy subyekt: osnovnye priznaki, urovni i psikhologicheskie tipy [*Collective subject: main features, levels and psychological types*]. Psikholog. Zhurnal [Psychol. Journal]. V. 30. № 5. P. 72-80.
7. Lévy-Bruhl, L. (1994). Sverkhlyestvennoe v

- pervobytnom myshlenii [*Le surnaturelet la nature dans la mentalité primitive*]. M.: Pedagogika-press.
8. Mezhdunarodniy indeks schastya [*Happy Planet Index*]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/mezhdunarodnyj_indeks_schastya (Accessed 10.03.2022). (In Russ.).
 9. Nazaretyan, A.P. (1997). Sinergetika v gumanitarnom znanii: predvaritelnye itogi [*Synergetics in the humanities: preliminary results*]. Obshchestv. Nauki i sovremennost [*Social sciences and modernity*]. № 2. P. 91-98.
 10. Nacionalnaya ideya Rossii / pod red. S.S. Sulakhina: V.1. [*The national idea of Russia*]. M.: Nauchniy ehkspert, 2012.
 11. Sokolov, S.V. (2018). Primenenie veb-analiticheskogo instrumentariya Google Trends v sociogumanitarnykh i bibliotekovedcheskikh issledovaniyakh [*Application of Google Trends web analytical tools in socio-humanitarian and library studies*]. Bibliosfera [*Bibliosphere*]. № 4. P. 3-9.
 12. Spisok stran mira po rostu ikh ehkonomik za period s 1990 do 2020 goda po dannym Vsemirnogo banka [*List of countries in the world by their economic growth for the period from 1990 to 2020 according to the World Bank*]. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/spisok_stran_po_tempam_rosta_vvp (Accessed 10.03.2022). (In Russ.).
 13. Sukharev, A.V. (2020). Sravnitelniy analiz razvitiya estestvennonauchnogo komponenta nemeckoj mentalnosti v konce XIX – nachale XX vv. v kontekste vedushchikh zapadnoevropejskikh stran. chast I, II. [*Comparative analysis of the development of the natural science component of the German mentality in the late XIX – early XX centuries. in the context of the leading Western European countries. Part I, II*]. Ehlektronniy nauchniy zhurnal «Gosreg» [*Electronic scientific journal "Gosreg"*]. № 3. Available at: <http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/33number/articl/Suharev%2033%20chast%201.pdf> (Accessed 01.06.2022). (In Russ.).
 14. Sukharev, A.V. (2021). Ehmpiricheskoe komparativnoe issledovanie mentalnosti rossii i stran s razlichnymi pokazatelyami urovnya i tempov socialno-ehkonomicheskogo razvitiya [*Empirical comparative study of the mentality of Russia and countries with different indicators of the level and pace of socio-economic development*]. Vestnik slavyanskikh kultur [*Bulletin of Slavic Cultures*]. V. 62. P. 120-128.
 15. Sukharev, A.V. (2021). Analiz mentalnosti stran latinoamerikanskogo regiona v svyazi s socialno-ehkonomicheskimi pokazatelyami ikh razvitiya v XXI veke [*Analysis of the mentality of Latin American countries in connection with socio-economic indicators of their development in the XXI century*] // Socialnye i gumanitarnye nauki na dalnem vostokeye [*Social and humanitarian sciences in the Far East*]. V. XVIII. I.4. P. 13-22.
 16. Sukharev, A.V. (2022). Razvitie subyekta: Logos, kosmos i khaos [*The development of the subject: Logos, cosmos and chaos*]. M.: Kogito-Centr.
 17. Sukharev, A.V., Timokhin, V.V., Vydrina, E.A., Shaporeva, A.A. (2019). Rol znachenij ehnicheskoy funktsii predstavlenij lichnosti v izmenenii pokazateley urovnya intellekta [*The role of the ethnic function values of personality representations in changing the indicators of the level of intelligence*]. Ehksperimentalnaya psikhologiya [*Experimental psychology*]. V. 12. № 2. P. 47-60.
 18. Ehkologicheskij sled [*Ecological footprint*]. Available at: <https://wwf.ru/what-we-do/green-economy/ecological-footprint/>. (Accessed 01.06.2022). (In Russ.).
 19. Merton, R.K. (1967). On Sociological Theories of the middle range // Merton R.K. On Theoretical Sociology. Five Essays. Old and New. N.-I: Free Press, L.: Macmillan.

The article was received 04.11.2022

СОХРАНЕНИЕ МИРА ИЛИ МИРОТВОРЧЕСТВО: ДВА ПОДХОДА К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

© Неврюев А.Н.

магистр психологии, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва, Россия,
аспирант, РАНХиГС, Москва, Россия
ANNevryuev@fa.ru

В статье анализируется миротворчество как направление исследований в относительно новой отрасли психологии – психологии мира. Описаны отличия миротворчества от сохранения мира. Выделены особенности изучения процесса миротворчества в современных исследованиях. Даны описания результатов психологических исследований, где изучались различные характеристики миротворчества. В конце приводятся основные выводы и перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: миротворчество, сохранение мира, политическое лидерство, большая пятерка, теории заговора, образовательные программы

Введение

Вопросы, которые изучаются в психологии межгрупповых отношений, касаются как «негативных» аспектов взаимоотношений, так и тех механизмов, с помощью которых можно улучшить такие отношения, то есть трансформировать их из негативных в позитивные. В марте 2023 года министр обороны С. Шойгу сказал, что любая война «заканчивается миром»¹. Изучение процесса наступления мира является одной из важных задач психологической науки.

В ответ на угрозы, которые возникли в течение XX-го века (мировые войны, гонка вооружений, угроза ядерной войны), ученые начали проводить исследования, целью которых стало преодоление конфликтов мирным путем. Для этого было введено два основных понятия – *миротворчество* (peacemaking) и *сохранение мира* (peacebuilding). Различие между этими понятиями заключается в том, что миротворчество – это процесс, направленный на разрешение прямого и эпизодического насилия (то есть такого,

которое не требует каких-то оснований в социальной структуре общества). В то время как сохранение мира – это процесс, который направлен на разрешение структурного насилия (то есть такого, который по своей природе имеет основание в правовых, экономических и культурных традициях [6]. Специалисты в разных областях науки также отмечают, что именно миротворчество является более позитивным подходом, поэтому в данном обзоре будут приведены данные исследований, которые касаются именно процесса миротворчества.

Особенности изучения процесса миротворчества в современных исследованиях

Вероятно, в связи с высокой перспективностью данного направления, на современном этапе развития науки некоторые исследователи рассматривают процесс миротворчества с помощью использования современных когнитивных технологий. Например, в одном из исследо-

¹ <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6419e2489a7947a4864fce31>

ваний [17] применялся метод магнитной энцефалографии для изучения уровня предубеждений подростков (16-18 лет) Израиля и Палестины. В результате было установлено, что те, кто на протяжении 8-ми недель участвовал в различных обсуждениях, направленных на снятие предубеждений и расширение способов разрешения конфликтов в дальнейшем демонстрировали меньшую активность мозговых волн затылочного альфа-диапазона, чем в начале исследования. Активность этих волн была связана с негативным отношением к другой стороне конфликта. Данный результат сохранялся и спустя 7 лет после участия в исследовании, молодые люди, которые к тому времени уже занимали активную гражданскую позицию и несли ответственность за свои действия, чаще использовали компромисс и поддержку как способ разрешения конфликтных ситуации в целях миротворчества.

В других исследованиях описываются процессы, связанные как с миротворчеством и сохранением мира, так и различными видами насилия. Например, в одном из исследований [2] описывались характеристики прямого насилия (терроризм, преступность, межгрупповые конфликты, преступления), которые были совершены полицией и т.д. Кроме того, исследователи описывали характеристики структурного насилия (нарушение прав человека, бедность, плохой уровень оказания социальных услуг). На примере исследований в отдельных районах Филиппин было установлено, что там присутствуют элементы как прямого, так и структурного насилия. Усилия, которые прикладывает Совет Мира и Порядка (*Peace and Order Councils*), направлены на уменьшение этого насилия [2].

Для изучения методов, которые помогают определить вектор развития мирного взаимодействия, исследователи также прибегают к анализу социальных и культурных особенностей групп, которые связаны с возможностью разрешения конфликтов мирным путем. Кроме того, исследователи обращают внимание, что между мирными и насильственными способами разрешения конфликтов существует достаточно

значимая связь. Например, особую роль в обозначенных процессах играют тип и структура власти. Так, было установлено, что школьные советы, у которых есть власть решать конфликты между участниками образовательного процесса, достаточно неохотно ею пользуются, тем самым они способствуют (пусть и не специально) развитию насильственных способов разрешения конфликта и уменьшают вероятность применения миротворческих методов. Кроме того, например, люди, которые не подвергаются издевательствам, но наблюдают за теми, кто подвергается им, имеют власть остановить это издевательство (если их статус соотносится со статусом того, кто издевается). Но, как правило, они также не пользуются этой властью. Таким образом они также не способствуют применению возможностей мирных способов разрешения конфликта [13].

Как правило, исследователи рассматривают миротворчество относительно определенного конфликта. Например, в исследовании [21] описывались основные психологические характеристики, которые способствовали установлению мира после периода смуты в Северной Ирландии. К таким механизмам, в частности, были отнесены: эмпатическое слушание, лидерство, обсуждение фреймов и другие.

Влияние лидера на мирное урегулирование конфликтов

Кроме исследований, которые описывают особенности миротворчества в Европе, существуют и такие, которые направлены на изучение способов установления мира в Африке, где эта проблема стоит достаточно остро. Основной задачей, которую видят перед собой исследователи, заключается в том, чтобы добиться позитивного мира (то есть отсутствие войны и насилия). В связи с этим они предлагают обратиться к миротворческим подходам коренных народов Африки, в качестве жизнеспособной альтернативной стратегии. Особую роль в данном случае, как считают исследователи, будут играть и политики (то есть лидеры), которые заинтересованы в поддержке данного проекта [12].

В других исследованиях психологи также уделяют особое внимание лидеру, который играет важную роль в процессе установления мира. В частности, в одном из исследований утверждалось, что задача лидера заключается в том, чтобы убедить окружающих, что они могут удовлетворить свою потребность в безопасности. Не менее важной функцией лидера является также изменение коллективных эмоций и влияние на убеждения людей. В процессе обсуждения возможных мирных соглашений также часто возникает поляризация. Лидерство в данном случае подразумевает необходимость не усиливать ее, а, напротив, стремиться к ее уменьшению [1; 18].

Достаточно часто психологи исследуют и роль отдельных политических лидеров в процессе миротворчества или, напротив, препятствования ему. В частности, в исследовании [19] сравнивались высказывания двух политиков – Эхуд Ольмерта и Биньямин Нетаньяху (премьер-министры Израиля) – за последние 30 лет, которые были посвящены израильско-палестинскому конфликту. Было установлено, что высказывания Б. Нетаньяху в большей степени были направлены против миротворчества, в отличие от высказываний Э. Ольмерта.

Особенности культуры и религии в процессе миротворчества

Также изучались кросс-культурные различия, которые возникают из-за особенностей, характерных для жителей различных стран. Несмотря на то, что некоторые исследователи считают, что процесс, связанный с «конструированием мира» во многом связан с моделями, которые описывают различия между культурами, другая часть исследователей указывает на то, что к таким подходам надо обращаться с большой осторожностью. Исследователи, которые описывают различия между культурами, изучают различные характеристики, например, к числу наиболее известных относят «индивидуализм – коллективизм» [22]. LeFebvre R. и Franke V. показали, что люди с высоким уровнем коллективизма в большей степени ориентированы на защиту интересов своей группы [16]. В тоже

время, в другом исследовании Davidheiser M. было описано, что жители Гамбии, которые были схожи между собой по ряду характеристик, обладали различными точками зрения относительно способов разрешения конфликтов и конструирования мира [9]. Как делают вывод исследователи, характеристики, которые получили большое распространение для изучения в кросс-культурной психологии (например, индивидуализм – коллективизм) требуют дополнительного изучения в контексте процесса миротворчества.

Отдельным направлением исследований являются описания определенных ритуалов, связанных с миротворчеством в определенной культуре. Например, у курдских племен в Турции в качестве ритуала миротворчества распространён «ужин мира». На нем присутствуют стороны, которые заключили перемирие. Люди сидят за одним столом едят из общего блюда, чтобы не было подозрений в том, что одна сторона хочет отравить другую. Участники готовят вкусную еду и подают ее гостям. Считается, у кого больше еды и у кого она вкуснее – тот и демонстрирует большую силу [5].

Не менее важным фактором, который определяет различия между культурами, является религия. В некоторых исследованиях было показано: если обращать внимание людей, которые принадлежат к различным религиозным группам, на то, что существуют общие для всех ценности и способы разрешения конфликтов, которые носят нормативный характер, то это способствует в большей степени достижению цели миротворчества – установлению мирных отношений между группами [11].

Идея о том, что религиозность и связанные с ней социальные институты (например, церковь) играет значительную роль в процессах миротворчества, также получила свое распространение в дальнейших исследованиях. Например, в исследовании [4] было установлено, что на основании взаимодействия между церковью, гражданским обществом и государством миротворчество можно описать как позитивное/негативное, а процессы, которые с ним связаны, как социальные и политические. На пересечении

этих характеристик возникают различные варианты осуществления миротворческой деятельности. Например, позитивное и социальное миротворчество описывается как совокупная активность групп гражданского общества, задача которых заключается в том, чтобы способствовать социальным изменениям и помощи обществу. Позитивное политическое миротворчество – это вовлечение политических партий и лидеров в процесс социальной трансформации для помощи обществу. К негативному социальному миротворчеству относится привлечение общества и социальных институтов в качестве посредников для решения конкретных конфликтов. Наконец, негативное политическое миротворчество – это вовлечение партий и политиков в переговоры о прекращении огня и призывы к тому, чтобы перестать убивать.

Несмотря на то, что некоторые государства прочно ассоциируются с державами, которые выступают «за мир», не все исследователи считают, что такая точка зрения является единственно верной. Например, в исследовании [20] было отмечено, что Норвегия в период событий в Мьянме с 2011 по 2019 год использовала миротворческий потенциал, в том числе, и для удовлетворения материальных потребностей. Так, Норвегия в процессе своего миротворчества надеялась получить доступ к рынкам, которые находятся в странах Латинской Америки, Африки, Азии и Океании.

Еще одним фактором, который влияет на процесс «миротворчества» является принадлежность человека к определенной группе. Например, несмотря на то, что в обществе по-прежнему достаточно распространён взгляд на женщин как на тех, кто больше заинтересован в установлении мира, на самом деле это может быть вовсе не так. Например, в исследовании [10] было отмечено, что на 25 марта 2005 года 350 000 женщин служат в вооруженных силах США, в Ираке погибло 35, и было ранено 261 женщина-солдат.

Психологические характеристики и теории, связанные с миротворчеством

В исследованиях процесса миротворчества активно изучаются и личностные особенности, которые связаны с тем, что человек отдает предпочтение мирным способам решения конфликтов. Недавние исследования показали, что миротворчество, которое человек демонстрирует на работе связано с тенденцией сохранять мир и у себя дома [24].

Также к числу исследуемых особенностей относят характеристики теста «Большой пятерки». В одной из работ, в частности, было установлено, что такие особенности как «открытость новому опыту», а также «экстраверсия» и «добросовестность» позитивно связаны с компонентами миротворчества. В то же время, «добротность» и «нейротизм», напротив, негативно были с ним связаны. Анализ особенностей выборки также показал, что женщины чаще подвержены процессу конструирования мира, чем мужчины. Авторы исследования объясняют полученные результаты тем, что в целом женщины больше склонны приходить к согласию, чем мужчины [25].

От личностных особенностей исследователи переходят к объяснению процесса миротворчества с помощью психологических теорий. В частности, они объясняют, почему человек предпочитает мирные способы разрешения конфликта. Одной из такой теории является теория заговора.

Результаты исследований позволили установить, что, в целом, люди, которые верят в теории заговора, живут в тех странах, где интенсивность конфликтов выше, чем в других. Hebel-Sela S., Stefaniak A. и др. разрабатывают теоретическую основу для объяснения происхождения подобного явления. В частности, согласно опубликованным данным, можно констатировать, что люди, которые участвуют в межгрупповых конфликтах, чаще верят в теории заговора. В свою очередь это еще больше приводит к усилению их взглядов на природу таких конфликтов. Вместе эти факторы в дальнейшем препятствуют мирному разрешению конфликтов [14].

Относительно недавно начали отдельно описывать те образовательные программы, которые помогают улучшить процесс миротворчества. В частности, к наиболее известным теориям, на основании которых строятся данные программы, относят следующие [8].

Теория «наведения мостов». Данный подход основывается на психологической теории межгрупповых контактов, согласно которой люди, принадлежащие к разным (враждующим) группам, взаимодействуя между собой, приходят к тому, что их вражда со временем может уменьшаться [7].

Теория мира как культуры. Согласно этой теории для того, чтобы уменьшить число конфликтов и перейти к мирным способам их разрешения необходимо обучать людей ненасильственным способам выхода из конфликтных ситуаций. То есть люди, которые обучают других людей мирным способам решения конфликтов, должны доносить в своих образовательных программах идею о том, что отношения должны строиться на принципах справедливости и отсутствия насилия [23].

Теория сдвига в сознании. Данная теория утверждает, что люди, которые испытывают диссонанс, а также переживают, оценивают и размышляют о том, что происходит вокруг них, чаще подвержены «сдвигу» в собственном сознании к тому, чтобы быть готовыми к построению мира. Следовательно, чем больше таких людей, тем больше вероятность, что общество в целом будет готово к тому, чтобы сделать сдвиг от насильственных способов решения конфликтов к построению мира [7].

Выводы и перспективы для дальнейших исследований

Несмотря на усилия, которые исследователи прикладывают к тому, чтобы достигать мирных способов разрешения конфликта, некоторые из них продолжают и после того, как был проведен процесс миротворчества [3]. В дальнейших исследованиях также необходимо обратить внимание на те факторы, которые могут запустить процессы возвращения к насильственным способам разрешения конфликта.

Другим интересным направлением может быть изучение тех групп и культур, которые, по мнению некоторых исследователей, смогли построить общества, в которых нет необходимости использовать насильственные действия для решения конфликтов [15].

Литература

1. Лебедев А.Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т. 2. №1. С. 2-19.
2. Baquiano, M.J. (2022). Unpacking peace and order in Mindanao, Philippines using a peace psychology framework. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. V. 28(4). P. 539-549. <https://doi.org/10.1037/pac0000607>
3. Brett, R., Malagón, L. (2022). Transitional Justice and Peacemaking. *Peace building. Contemporary Peacemaking*. P. 475-505. https://doi.org/10.1007/978-3-030-82962-9_23
4. Brewer, J.D. (2022). Sociological Conceptualizations of Religion and Peacemaking. *The Wiley Blackwell Companion to Religion and Peace*. P. 497-508. <https://doi.org/10.1002/9781119424420.ch42>
5. Burç, S.A. (2021). Traditional Conflict and Peacemaking Processes: The Case of Kurdish Tribes in Mardin, Turkey. *Decolonising Conflicts, Security, Peace, Gender, Environment and Development in the Anthropocene*. P. 433-455. https://doi.org/10.1007/978-3-030-62316-6_13
6. Christie, D., Wagner, R., Winter, D. (2000). *Peace, Conflict, and Violence: Peace Psychology for the 21st Century*. Prentice Hall.
7. Cromwell, A. (2019). How peace education motivates youth peacebuilding: Examples from Pakistan. *International Journal of Educational Development*. V. 66. P. 62-69.
8. Cromwell, A. (2022). Peace Education as a Peacemaking Tool in Conflict Zones. *Contemporary Peacemaking*. P. 507-532. https://doi.org/10.1007/978-3-030-82962-9_24

9. Davidheiser, M. (2005). Culture and mediation: A contemporary processual analysis from south-western Gambia. *International Journal of Intercultural Relations*. V. 29(6). P. 713-738. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.010>
10. Forcey, L.R. (2008). Feminist and Peace Perspectives on Women. *Encyclopedia of Violence, Peace and Conflict*. P. 820-827. <https://doi.org/10.1016/b978-012373985-8.00068-4>
11. Funk, N.C. (2019). Just Peacemaking as a Bridge to Ecumenical and Interfaith Solidarity for Peace. *Pacifism's Appeal*. P. 199-227. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13427-3_10
12. Genger, P. (2020). Re-empowering African Indigenous Peacemaking Approaches: Identifying the Enabling Possibilities from Decolonization and Indigenization Discourses. *Indigenous Knowledge Systems and Development in Africa*. P. 131-157. https://doi.org/10.1007/978-3-030-34304-0_8
13. Gleason, K., Corlew, L.K. (2019). Using Qualitative Research Methods for Advancement of Peace. *The Psychology of Peace Promotion*. P. 357-372. https://doi.org/10.1007/978-3-030-14943-7_22
14. Hebel-Sela, S., Stefaniak, A., Vandermeulen, D., Adler, E., Hameiri, B., Halperin, E. (2022). Are societies in conflict more susceptible to believe in COVID-19 conspiracy theories? A 66 nation study. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. <https://doi.org/10.1037/pac0000645>
15. Heffernan, E., Murphy, F., Skinner, J. (Eds.). (2020). *Collaborations: Anthropology in a Neoliberal Age* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003084945>
16. LeFebvre, R., Franke, V. (2013) Culture Matters: Individualism vs. Collectivism in Conflict Decision-Making. *Societies*. V. 3. P. 128-146. doi:10.3390/soc3010128
17. Levy, J., Inlus, M., Masalha, S., Goldstein, A., Feldman, R. (2022). Dialogue intervention for youth amidst intractable conflict attenuates neural prejudice response and promotes adults' peacemaking. *PNAS Nexus*. V. 1(5). P. 1-10. <https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgac236>
18. Rosler, N. (2016). Leadership and peacemaking: Yitzhak Rabin and the Oslo Accords. *International Journal of Intercultural Relations*. V. 54. P. 55-67. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2016.07.003>
19. Rosler, N., Hagage Baikovich, H., Bar-Tal, D. (2021). Rhetorical expressions of ethos of conflict and policymaking in intractable conflict by leaders: A comparative study of two Israeli prime ministers. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. V. 27(3). P. 381-392. <https://doi.org/10.1037/pac0000491>
20. Roy, C., Ware, A., Laoutides, C. (2021). The political economy of Norwegian peacemaking in Myanmar's peace process. *Third World Quarterly*. V. 42(9). P. 2172-2188. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.1909467>
21. Strozier, C.B. (2019). The psychology of peacemaking: Northern Ireland, John, Lord Alderdice, and the end of the Troubles. *International Journal of Applied Psychoanalytic Studies*. V. 16(4). P. 274-284. <https://doi.org/10.1002/aps.1636>
22. Triandis, H.C. (2018). *Individualism And Collectivism*. Routledge. Taylor & Francis Group. New York, London.
23. Turay, T.M., English, L.M. (2008). Toward a Global Culture of Peace: A Transformative Model of Peace Education. *Journal of Transformative Education*. V. 6 (4). P. 286-301.
24. Zhang, X., Bollen, K., Euwema, M. (2020). Peacemaking at work and at home. *International Journal of Conflict Management*. V. 31(5). P. 801-820. <https://doi.org/10.1108/ijcma-10-2019-0186>
25. Zhang, X., Bollen, K., Peng, K., Euwema, M.C. (2022). Natural-born peacemakers? Big five personality traits, gender, and interpersonal peacemaking. *International Journal of Conflict Management*. V. 33(5). P. 933-955. <https://doi.org/10.1108/ijcma-07-2021-0119>

Статья поступила в редакцию 02.03.2023

PRESERVATION OF PEACE OR PEACEMAKING: TWO APPROACHES TO SOLVING THE PROBLEM OF INTERETHNIC CONFLICTS

© **Andrey N. Nevryuev**

M. Sc. (Psychology), Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, PhD-student, RANEPa, Moscow, Russia
ANNevryuev@fa.ru

The article describes peacekeeping as a direction of research in a relatively new branch of psychology - the psychology of peace. The differences between peacemaking and peacekeeping are described. The features of the study of the process of peacemaking in modern research are highlighted. Descriptions of the results of psychological research are given, where various characteristics of peacemaking were studied. At the end, the main conclusions and prospects for further research are presented.

Keywords: peacekeeping, peacekeeping, political leadership, big five, conspiracy theories, educational programs

REFERENCES

1. Lebedev, A.N. (2022). K teorii cennostno-afektivnoj polyarizacii social'nyh grupp [*On the theory of value-affective polarization of social groups*]. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 2. № 1. P. 2-19.
2. Baquiano, M.J. (2022). Unpacking peace and order in Mindanao, Philippines using a peace psychology framework. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. V. 28(4). P. 539-549. <https://doi.org/10.1037/pac0000607>
3. Brett, R., Malagón, L. (2022). Transitional Justice and Peacemaking. *Peace building. Contemporary Peacemaking*. P. 475-505. https://doi.org/10.1007/978-3-030-82962-9_23
4. Brewer, J.D. (2022). Sociological Conceptualizations of Religion and Peacemaking. *The Wiley Blackwell Companion to Religion and Peace*. P. 497-508. <https://doi.org/10.1002/9781119424420.ch42>
5. Burç, S.A. (2021). Traditional Conflict and Peacemaking Processes: The Case of Kurdish Tribes in Mardin, Turkey. *Decolonising Conflicts, Security, Peace, Gender, Environment and Development in the Anthropocene*. P. 433-455. https://doi.org/10.1007/978-3-030-62316-6_13
6. Christie, D., Wagner, R., Winter, D. (2000). *Peace, Conflict, and Violence: Peace Psychology for the 21st Century*. Prentice Hall.
7. Cromwell, A. (2019). How peace education motivates youth peacebuilding: Examples from Pakistan. *International Journal of Educational Development*. V. 66. P. 62-69.
8. Cromwell, A. (2022). Peace Education as a Peacemaking Tool in Conflict Zones. *Contemporary Peacemaking*. P. 507-532. https://doi.org/10.1007/978-3-030-82962-9_24
9. Davidheiser, M. (2005). Culture and mediation: A contemporary processual analysis from southwestern Gambia. *International Journal of Intercultural Relations*. V. 29(6). P. 713-738. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2005.07.010>
10. Forcey, L.R. (2008). Feminist and Peace Perspectives on Women. *Encyclopedia of Violence, Peace and Conflict*. P. 820-827. <https://doi.org/10.1016/b978-012373985-8.00068-4>

11. Funk, N.C. (2019). Just Peacemaking as a Bridge to Ecumenical and Interfaith Solidarity for Peace. *Pacifism's Appeal*. P. 199-227. https://doi.org/10.1007/978-3-030-13427-3_10
12. Genger, P. (2020). Re-empowering African Indigenous Peacemaking Approaches: Identifying the Enabling Possibilities from Decolonization and Indigenization Discourses. *Indigenous Knowledge Systems and Development in Africa*. P. 131-157. https://doi.org/10.1007/978-3-030-34304-0_8
13. Gleason, K., Corlew, L.K. (2019). Using Qualitative Research Methods for Advancement of Peace. *The Psychology of Peace Promotion*. P. 357-372. https://doi.org/10.1007/978-3-030-14943-7_22
14. Hebel-Sela, S., Stefaniak, A., Vandermeulen, D., Adler, E., Hameiri, B., Halperin, E. (2022). Are societies in conflict more susceptible to believe in COVID-19 conspiracy theories? A 66 nation study. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. <https://doi.org/10.1037/pac0000645>
15. Heffernan, E., Murphy, F., Skinner, J. (Eds.). (2020). *Collaborations: Anthropology in a Neoliberal Age* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003084945>
16. LeFebvre, R., Franke, V. (2013) Culture Matters: Individualism vs. Collectivism in Conflict Decision-Making. *Societies*. V. 3. P. 128–146. doi:10.3390/soc3010128
17. Levy, J., Inlus, M., Masalha, S., Goldstein, A., Feldman, R. (2022). Dialogue intervention for youth amidst intractable conflict attenuates neural prejudice response and promotes adults' peacemaking. *PNAS Nexus*. V. 1(5). P. 1-10. <https://doi.org/10.1093/pnasnexus/pgac236>
18. Rosler, N. (2016). Leadership and peacemaking: Yitzhak Rabin and the Oslo Accords. *International Journal of Intercultural Relations*. V. 54. P. 55–67. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2016.07.003>
19. Rosler, N., Hagage Baikovich, H., Bar-Tal, D. (2021). Rhetorical expressions of ethos of conflict and policymaking in intractable conflict by leaders: A comparative study of two Israeli prime ministers. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. V. 27(3). P. 381-392. <https://doi.org/10.1037/pac0000491>
20. Roy, C., Ware, A., Laoutides, C. (2021). The political economy of Norwegian peacemaking in Myanmar's peace process. *Third World Quarterly*. V. 42(9). P. 2172-2188. <https://doi.org/10.1080/01436597.2021.1909467>
21. Strozier, C.B. (2019). The psychology of peacemaking: Northern Ireland, John, Lord Alderdice, and the end of the Troubles. *International Journal of Applied Psychoanalytic Studies*. V. 16(4). P. 274-284. <https://doi.org/10.1002/aps.1636>
22. Triandis, H.C. (2018). *Individualism And Collectivism*. Routledge. Taylor & Francis Group. New York, London.
23. Turay, T.M., English, L.M. (2008). Toward a Global Culture of Peace: A Transformative Model of Peace Education. *Journal of Transformative Education*. V. 6 (4). P. 286–301.
24. Zhang, X., Bollen, K., Euwema, M. (2020). Peacemaking at work and at home. *International Journal of Conflict Management*. V. 31(5). P. 801-820. <https://doi.org/10.1108/ijcma-10-2019-0186>
25. Zhang, X., Bollen, K., Peng, K., Euwema, M.C. (2022). Natural-born peacemakers? Big five personality traits, gender, and interpersonal peacemaking. *International Journal of Conflict Management*. V. 33(5). P. 933-955. <https://doi.org/10.1108/ijcma-07-2021-0119>

The article was received 02.03.2023

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

ВОЗДЕЙСТВИЕ РАСПРОСТРАНЯЕМОЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНФОРМАЦИИ О ПАНДЕМИИ COVID-19 НА МНЕНИЯ, ЭМОЦИИ И ПОВЕДЕНИЕ

© Ванин А.В.

кандидат психологических наук, научный сотрудник,
Институт психологии РАН, Москва, Россия
vaninav@ipran.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-04-60296
«Анализ структуры и динамики взглядов и убеждений населения России о проблеме пандемии
коронавируса, проводимый с использованием цифровых методов»

Представлен аналитический обзор литературы, посвященный рассмотрению разнообразных эффектов и опосредующих переменных, связанных с воздействием информации в социальных сетях на мнения, эмоции и поведение людей в условиях пандемии COVID-19. В ходе выполнения работы: (1) показана роль анализа данных социальных сетей для измерения общественного мнения в отношении пандемии; (2) установлены эффекты воздействия социальных сетей на мнения, эмоции и поведение людей; (3) перечислены факторы, влияющие на распространение информации о COVID-19 в социальных сетях и эффективность ее воздействия; (4) обсуждены особенности борьбы с воздействием недостоверной информации о пандемии в социальных сетях. Помимо прочего, показано, что механизмы, лежащие в основе влияния социальных сетей на изменения в поведении людей по отношению к здоровью, заключаются в том, что освещение пандемии в социальных сетях может усиливать опасения общественности и побудить ее принять превентивные меры. Полученные результаты свидетельствуют о важности мониторинга актуальной ситуации и своевременного предоставления населению через СМИ (в том числе и социальные сети) точной и достоверной информации для повышения эмоционального благополучия и соблюдения профилактического поведения.

Ключевые слова: COVID-19, коронавирус, пандемия, социальные сети, инфодемия, дезинформация, стигматизация, мнения, эмоции, поведение, анализ данных

Введение

COVID-19 – не первая эпидемия, встретившая эпоху социальных сетей. За последние десятилетия произошли по меньшей мере три другие: вирус H1N1 («свиной грипп») в 2009 году, вирус Эбола в 2014 году и вирус Зика в 2015 году. Каждая из этих вспышек имела широкую известность, была хорошо задокументирована и находила значительное отражение в онлайн-

вых социальных сетях. Во всех этих случаях последние выступали важным средством распространения информации, играющем уникальную роль в обсуждении людьми связанных со здоровьем и здравоохранением проблем, поиске стратегий совладания с ними.

Вспышка вируса SARS-CoV-2 была определена Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) как серьезная глобальная угроза.

Дезинформация в области здравоохранения получила быстрое распространение вместе с глобальной пандемией COVID-19, в результате чего ВОЗ объявила ее «инфодемической», обозначающей переизбыток точной и неточной информации, затрудняющей идентификацию людьми надежных информационных источников. Распространение дезинформации было связано с увеличением смертности, потраченными впустую ресурсами, несвоевременным лечением и возросшей обеспокоенностью, связанной с, и без того хаотичным, информационным ландшафтом. Последствием инфодемии явилась путаница и рискованное поведение человека, способные, в конечном итоге, нанести вред его здоровью. Она также привела к недоверию людей к органам общественного здравоохранения и подорвала эффективность контрмер, предпринимаемых правительствами стран.

Известно, что инфодемия может усиливать и/или удлинять вспышки эпидемий, когда люди не уверены в том, что им нужно делать для защиты своего здоровья и здоровья окружающих. В этой связи современные модели прогнозирования распространения вирусных инфекций (см. напр. [1]) справедливо учитывают поведенческую реакцию населения в отношении мероприятий в области общественного здравоохранения и динамику коммуникации, лежащую в основе потребления информационного контента.

Хотя термин «инфодемия» был впервые предложен Гюнтером Айзенбахом уже в 2002 году, последствия от инфодемии в текущую пандемию стали еще более драматичными из-за усиления эффекта от ускоренного распространения информации в онлайн-социальных сетях. Facebook, Twitter, YouTube и Instagram неизменно определяются множеством исследователей в качестве ключевых векторов распространения дезинформации, стигматизации и конспирологических убеждений на медицинские и другие темы.

Проблемы, связанные с инфодемией в социальных сетях, рассматриваются исследователями с разных точек зрения, включая: (1) динамику «языка вражды» и «теорий заговора» [2]; (2) влияние «ботов», автономно действующих

учетных записей и «троллей» [3]; (3) воздействие угрозы дезинформации с точки зрения распространения и формирования мнений, поляризации общества [4].

Данные социальных сетей, связанные с пандемией COVID-19 широко используются в настоящее время для изучения: (1) влияния социальных сетей на распространение информации о здоровье; (2) того, как распространение дезинформации может влиять на убеждения и поведение людей; (3) оценки эффективности связанных с COVID-19 действий и кампаний, развернутых учреждениями здравоохранения и правительствами стран в локальном и глобальном масштабах.

Цель представленного аналитического обзора литературы состояла в рассмотрении разнообразных эффектов и опосредующих переменных, связанных с воздействием информации в социальных сетях на мнения, эмоции и поведение людей в условиях пандемии COVID-19.

Роль анализа данных социальных сетей для измерения общественного мнения в отношении пандемии COVID-19

Анализ онлайн-коммуникаций и общественных настроений в области здравоохранения имеет важное значение для выработки эффективной и действенной политики борьбы с болезнями. Использование социальных сетей для измерения общественного мнения применялось в прошлом к исследованиям таких инфекционных заболеваний как вирус H7N9 («птичий грипп»), вирус Эбола, вирус Зика, коронавирус, связанный с ближневосточным респираторным синдромом, и лихорадка Денге. По результатам этих исследований было показано, что своевременное понимание общественных потребностей и настроений играет одну из ключевых ролей в реагировании на подобные общественные кризисы. Так, граждане могут оперативно получать последнюю проверенную информацию, предоставляемую правительствами стран, в то время как правительства могут использовать общедоступную информацию, предоставляемую гражданами в социальных сетях, для лучшего понимания общественных настроений, проблем и

потребностей [5]. В целом, такие данные могут помочь директивным органам и специалистам от здравоохранения определять основные проблемы, вызывающие озабоченность, и решать их более надлежащим образом; они также могут быть использованы для прогнозирования медицинских состояний и отслеживания вспышек заболеваний.

Данные онлайн-социальных сетей в значительной степени не структурированы, но с применением методов обработки естественного языка (таких как анализ тональности текста и тематическое моделирование) в сочетании с машинным обучением открывается возможность анализа их в больших масштабах для выявления основных тенденций в общественном мнении. Например, в австралийском исследовании [6] с использованием данных социальной сети Twitter и средствами sentiment-анализа изучались установки общественности по принятию мер социального дистанцирования. Результаты свидетельствовали о широком признании этой превентивной меры в обществе, на что указывали 82,5% релевантных сообщений пользователей. Схожие результаты были получены и в американском исследовании [7]. Так, на базе в 574903 сообщений пользователей авторами было продемонстрировано преобладание в целом позитивного сентимента в обсуждениях по отношению к социальному дистанцированию на ранних этапах имплементации этой превентивной меры в марте и апреле 2020 года, что в свою очередь, соответствовало также и результатам проведенных в то время опросов общественного мнения.

Одним из важных вкладов работ этого направления становится также создание свободно распространяемых, доступных другим исследователям больших баз данных. Так, в публикации [8] представлен набор данных Twitter, состоящий из 19298967 сообщений от 5977653 уникальных пользователей. Авторы используют тематическое моделирование, sentiment-анализ и описательную статистику для анализа собранных ими сообщений, в том числе с использованием геолокации.

Существуют и другие исследования в этом направлении, имеющие своей целью идентифи-

кацию тем дискуссий, проблем и споров, связанных с COVID-19 в социальных сетях, и их темпоральные изменения в связи с событиями, произошедшими во время пандемии (см. напр. [9, 10]). Важным выводом из этих исследований выступает то, что обсуждаемые в социальных сетях темы действительно отражают темпоральную тенденцию, при которой доминирующие темы меняются с течением времени и согласуются с событиями, связанными с пандемией COVID-19 [9]. Наиболее обсуждаемыми при этом являются экономические и политические последствия пандемии, в то время как риск для общественного здоровья и профилактические меры предстают наименее обсуждаемыми [10].

Эффекты воздействия социальных сетей на мнения, эмоции и поведение людей в отношении пандемии COVID-19

При анализе общественного мнения жителей Европейского Союза относительно реакции и восприятия пандемии COVID-19 польские исследователи [11] предположили, что во время первой ее волны отсутствие чувства безопасности (медицинской, экономической и социальной) было результатом не личного опыта (реальной угрозы), а культивировалось и передавалось СМИ, создавая культуру страха. Авторами было показано, что опасения перед пандемией COVID-19 являлись более распространенной проблемой, чем сама пандемия. Уровень страха в отношении последствий пандемии в действительности превышал уровень негативного личного опыта встречи с ней.

В исследовании [12] было показано, что использование социальных сетей положительно связано с эмоциями страха и гнева, которые в свою очередь положительно связаны с восприятием риска общественностью. Полученные авторами результаты указывают на то, что использование онлайн-социальных сетей может значительно усилить профилактическое поведение с помощью двух саморелевантных эмоций и восприятия риска общественностью.

В исследовании китайских коллег [13] изучалось влияние эпидемической информации и распространяемых слухов на беспокойство

общественности и отношение ее к профилактическим мерам. Модель авторов позволила показать, что объем эпидемической информации положительно предсказывал беспокойство общественности, которое, в свою очередь, предсказывало благоприятное отношение к профилактическим мерам. Беспокойство частично опосредовало также связь между объемом эпидемической информации и поддерживающим отношением. Количество слухов негативно предсказывало благоприятное отношение к мерам профилактики. Результаты этого исследования подразумевают важность своевременного и достоверного предоставления информации, позволяющей вызвать определенный уровень беспокойства и способствовать сотрудничеству с общественностью, а также необходимое внимание для опровержения и противодействия слухам для эффективного информирования о рисках в условиях пандемии.

В исследовании [14], посвященном оценке реагирования на вспышку COVID-19 и изучению его связи с воздействием традиционных СМИ и онлайн-социальных сетей с использованием многомерного анализа было продемонстрировано, что четыре конструкта «Модели убеждений в отношении здоровья» («Health Belief Model») – более высокое восприятие подверженности заболеванию, его серьезности, самоэффективность и воспринимаемый контроль (намерение осуществлять профилактические меры) достоверно связаны с более высоким показателем воздействия СМИ; тогда как только три конструкта модели – более высокое восприятие степени серьезности, самоэффективность, а также воспринимаемый контроль были значимо связаны с более высоким показателем воздействия в социальных сетях. Более низкие эмоциональные последствия и барьеры для проведения профилактических мер были также в значительной степени связаны с большей экспозицией в СМИ и социальных сетях.

В еще одном исследовании [15], посвященном изучению связанных со здоровьем убеждений на базе 92687660 сообщений, релевантных 8967986 уникальным пользователям Twitter, было установлено, что как научные события

(такие как научные публикации), так и ненаучные события (например, выступления политических деятелей) были сопоставимы по своей способности влиять в социальных сетях на убеждения в отношении здоровья. В целом, авторы продемонстрировали, что динамика пандемии, новости, научные и ненаучные события и даже связанные с ними сообщения, уже опубликованные на платформах социальных сетей, могут в некоторой степени влиять на убеждения широкой общественности.

На представления людей о COVID-19 может влиять как общий тон обсуждений в социальных сетях, так и высказывания отдельных политических деятелей. Так, в исследовании [16] предпринималась попытка оценить влияние на общественное мнение о пандемии комментариев в социальной сети Twitter со стороны действующего на тот момент президента США Дональда Трампа. Было показано, что ряд представителей общественности адаптировали убеждения относительно COVID-19, содержащиеся в сообщениях Трампа и что онлайн-социальные сети могут использоваться в качестве источника данных для фиксации почти в реальном времени изменяющихся представлений общественности, включая дезинформацию, связанную с пандемией. Аналогично, в исследовании [17] оценивалось потенциальное увеличение распространенности и частоты использования словосочетания «китайский вирус» в социальной сети Twitter вслед за его упоминанием Трампом 16 марта 2020 года. Авторы установили, что в общей сложности за предпериод (до выступления Трампа) было 16535 твитов со словосочетанием «китайский вирус», а за постпериод уже 177327 твитов, что свидетельствует о почти десятикратном увеличении. При этом во всех 50 штатах США увеличилось количество сообщений, в которых упоминался исключительно «китайский вирус» вместо «коронавирусной болезни» или «коронавируса».

Повышенный страх и тревога по поводу пандемии, склонность ассоциировать отрицательные эмоции с представителями чужой группы могут приводить к стигматизации в связи с COVID-19, которая включает в себя негативное

отношение и дискриминацию людей с характеристиками, которые, как считается, делают их более склонными к заражению и/или распространению вирусной инфекции (наличие гриппоподобных симптомов, ношение маски для лица, принадлежность к азиатскому этносу). Например, руководствуясь моделью коммуникации стигмы, авторы [18] изучали, как пользователи Twitter преднамеренно и непреднамеренно способствовали созданию и распространению стигмы в связи с COVID-19. Результаты показали, что сообщения с дезинформацией и/или теориями заговора с меньшей вероятностью содержали информацию об опасности заболевания, чем сообщения без дезинформации и/или теорий заговора. Сообщения, релевантные теории заговора, с большей вероятностью называли коронавирус «уханьским / китайским вирусом» и обвиняли других во вспышке эпидемии. В целом, по мнению авторов исследования, стигматизация в связи с COVID-19 может мешать людям пройти тестирование на наличие этого заболевания, а в случае положительного результата – раскрыть свои контакты. Стигматизация также может удерживать людей от принятия определенных мер предосторожности, таких как ношение масок для лица и обращение за надлежащей и своевременной медицинской помощью. В этом смысле снижение стигмы в отношении COVID-19 имеет важное значение для контроля за распространением этого инфекционного заболевания.

Сильные эмоциональные проявления, такие как тревога, страх и стресс по поводу болезни, могут быть вызваны новостями об инфекции и смертности и распространяться в социальных сетях. В том числе по этой причине во время вспышек эпидемий настроения и эмоции людей, полученные из их сообщений в онлайн-социальных сетях, рассматриваются исследователями в качестве потенциальных индикаторов состояния психологического здоровья. Например, в исследовании [19] было показано, что преобладание проблем с ментальным здоровьем в пандемию COVID-19 было положительно связано с частотой представленности человека онлайн-социальным сетям. При этом более

широкое воздействие социальных сетей может приводить к более высокой вероятности проявления тревожности и депрессивных состояний [20]. Аналогично, в исследовании [21] была получена значительная корреляция ($r=0,87$) между отмечаемыми респондентами частотой использования социальных сетей и распространением паники о COVID-19. При этом характер воздействия последней в социальных сетях варьировался в зависимости от пола, возраста и уровня образования.

В исследовании [22] анализировалась связь между использованием социальных сетей и состоянием психологического здоровья на национальной выборке КНР во время пика заболеваемости COVID-19. Было показано, что использование онлайн-социальных сетей непосредственно не вызывало проблем с психологическим здоровьем, однако оно опосредовало уровни травмирующих эмоций среди не пациентов. Участники исследования получали информационную поддержку в области здравоохранения через социальные сети, но чрезмерное использование ими последних приводило к повышенному уровню стресса, тревоги, депрессии, вторичному травматическому стрессу и заместительной травме. При этом географическое положение и условия изоляции также способствовали увеличению числа случаев травматических расстройств. Так, участники, проживавшие в больших городах, испытывали больший стресс, чем те, кто жил в сельской местности. Аналогично, участники из небольших городов или поселков были более обеспокоены, чаще испытывали стресс и депрессивные состояния, чем жители сельских районов. При этом получение большей информационной и эмоциональной поддержки через социальные сети повышало уровень их заместительной травмы. В целом, было установлено, что COVID-19 серьезно повлиял на ментальное здоровье населения Поднебесной, включая лиц, у которых в анамнезе не было психических расстройств или перенесенного коронавирусного заболевания, при этом особенности использования социальных сетей выступили потенциальным фактором появления расстройств настроения и поведения.

Аналогично, в исследовании оценки причинно-следственного влияния пандемии на изменения в психологическом здоровье [23] был создан набор данных на уровне города на основе выраженных сентиментов в содержании 13 миллионов сообщений с геотегами на крупнейшей китайской платформе микроблогов Sina Weibo. Было установлено значительное ухудшение состояния ментального здоровья после возникновения COVID-19. При этом данный психологический эффект в течение периода исследования со временем исчезал и был более выражен у женщин, подростков и пожилых людей. Эффект воздействия на психологическое здоровье с большей вероятностью наблюдался в городах с низкими исходными уровнями ментального здоровья, экономического развития, медицинских ресурсов и социального обеспечения.

Наконец, в качестве одного из последствий пандемии COVID-19 может выступать формирование технологической зависимости. Так, исследователями [24] было установлено, что чрезмерное использование технологических инструментов во время пандемии COVID-19 увеличивало в два или более раз вероятность возникновения у человека соответствующей аддикции, особенно по мере увеличения им продолжительности использования.

В целом, исследования эмоций, выраженных в онлайн-социальных сетях в эпоху пандемии COVID-19 в разных странах, свидетельствуют о том, что такие негативные эмоциональные проявления как угнетенность, тревожность, страх и гнев стали более распространенными среди популяции. Важно решать проблемы психологического здоровья во время эпидемиологических вспышек, поскольку они могут ослабить социальные и другие сферы функционирования общества, включая нарушение населением необходимых профилактических мер. При этом достоверная медицинская информация, телемедицина и онлайн-психологические консультации в социальных сетях, как видится, могут помочь снизить психологическое давление общества.

Факторы влияния на распространение и эффективность воздействия информации о COVID-19 в социальных сетях

Эффекты воздействия информации в социальных сетях зависят как от особенностей самих сообщений (содержат они, например, достоверную или недостоверную информацию), так и, как было неоднократно показано выше, от характеристик пользователей – ее «потребителей» (пол, возраст, образование, место проживания). Также, результаты исследования [25] убедительно демонстрируют, что модели взаимодействия в каждой отдельно взятой онлайн-социальной сети в сочетании с особенностями ее аудитории играют одну из ключевых ролей в распространении как информации, так и дезинформации, степени их последующего воздействия на население.

В последнем озвученном направлении исследований в работе [26] изучалось, кто из акторов платформы микроблогов Twitter более эффективно распространяет на ней информацию относительно пандемии COVID-19. Авторами были собраны данные 338 Twitter-аккаунтов учреждений здравоохранения, государственных органов, университетов, научных журналов, медицинских ассоциаций и известных людей. Влияние анализируемых интернет-постов (всего 17331) измерялось номинальным (количеством лайков и ретвитов) и относительным (процентом подписчиков) образами. Было установлено, что твиты знаменитостей и политических деятелей касательно COVID-19 количественно превосходили твиты, поступающие из медицинских и научных учреждений. Результаты сентимент-анализа продемонстрировали также, что, в то время как первые публиковали более позитивно-окрашенные сообщения, вторые чаще использовали негативное настроение контента.

Многие исследования обнаружили отрицательную связь между поведением, направленным на защиту здоровья, и верой в специфическую форму дезинформации, широко известную как «теория заговора». Например, в работе британских исследователей [27] изучалась взаимосвязь социальных сетей, теорий заговора и поведения, направленного на защиту здоровья в

контексте пандемии COVID-19. Была установлена отрицательная связь между убеждениями в существовании заговора и поведением, направленным на защиту своего здоровья (в т.ч. отношением к превентивным мерам), а также установлена положительная связь между первыми и использованием онлайн-социальных сетей в качестве предпочитаемого источника получения информации о пандемии. И напротив, была выявлена положительная связь между поведением, направленным на защиту своего здоровья и использованием традиционных СМИ в качестве предпочитаемого источника получения информации. Таким образом, было показано, что нерегулируемые онлайн-социальные сети могут представлять собой своеобразную опасность, которая частично сводится в том числе к их роли распространителей связанных со здоровьем убеждений о заговоре. Аналогично, в австралийском исследовании [28] было показано, что убеждения конспирологического характера относительно COVID-19 тесно связаны с более широкими убеждениями подобного характера. При этом вера в конспирологические теории изначально более высока у людей с низким уровнем формального образования.

Помимо этого, исследования убедительно демонстрируют, что так называемые «фальшивые новости» («Fakenews») и вводящая в заблуждение информация («Misinformation») могут распространяться быстрее и шире, чем новости, основанные на фактах, в том числе в области общественного здравоохранения. Вместе с тем, результаты исследования [29] показали, что ложная информация о COVID-19 хоть и публиковалась в Twitter чаще, но ретвитилась реже, чем научно обоснованные доказательства или твиты с проверкой фактов. При этом твиты с научными доказательствами и проверкой фактов привлекали большее внимание пользователей сети, чем простые факты.

В исследовании [30], изучавшем каким образом потребление информации о COVID-19 в социальных сетях формирует у аудитории восприятие личной ответственности за сохранение здоровья продемонстрировано, что последняя опосредует связь между потреблением информации

о пандемии и соответствующем ей профилактическим поведением.

В работе [31] исследовалась взаимосвязь между потреблением информации из СМИ (включая социальные сети), распространением дезинформации и значимыми установками, поведением во время пандемии COVID-19. Показано, что в Twitter распространяется сравнительно больше дезинформации, в то время как традиционные СМИ, как правило, информационно подкрепляют рекомендации общественного здравоохранения, такие, например, как социальное дистанцирование. Установлено также, что воздействие онлайн-социальных сетей связано с неправильным восприятием людьми основных фактов о COVID-19, в то время как для традиционных СМИ верно обратное. Эти заблуждения, в свою очередь, были связаны с менее частым соблюдением превентивной меры социального дистанцирования. Таким образом, была проведена четкая параллель между дезинформацией, циркулирующей в социальных сетях и установками, конечным поведением, потенциально увеличивающим масштабы инфицирования.

В ранее проведенных исследованиях было установлено, что демографические переменные, такие как пол, возраст, уровень дохода и уровень формального образования могут выступать факторами предпочтения или отказа от принятия превентивного поведения в ходе эпидемии. Так, было показано, что старший возраст, женский пол и лучшее образование связаны с более высокой вероятностью принятия поведения, предлагаемого властями [32]. Экономический статус также играет определенную роль: кто сталкивается с финансовыми проблемами из-за эпидемии, могут не захотеть следовать мерам профилактики [33].

Несмотря на значительный прогресс в области вакцинации населения, возрождение болезней, которые можно было бы предотвратить с помощью вакцин, привело к тому, что ВОЗ определила недоверие к вакцинации как серьезную угрозу для глобального здравоохранения. Так, в ряде исследований (см. напр. [34]) утверждается, что воздействие негативных

сентиментов, дезинформации и слухов о вакцинации в онлайн-социальных сетях, и, в частности, в Twitter, усиливает нерешительность и отказ от вакцинации. Низкая уверенность в принятии вакцинации действует как барьер для достижения популяционного иммунитета, необходимого для прекращения той или иной пандемии. В связи с чем существует острая необходимость в более глубоком понимании восприятия людьми вакцины против COVID-19. Кроме того, для повышения доверия населения необходимо разрабатывать и имплементировать стратегии по борьбе с дезинформацией и слухами, связанными с безопасностью и эффективностью вакцин. При этом традиционные методы, такие как опросы общественного мнения, которые чрезвычайно дороги и отнимают много времени, не могут отражать аспекты восприятия населением в реальном времени и подвержены предубеждению социальной желательности. К счастью, понимание проблем и сомнений людей может быть получено из онлайн-социальных сетей путем анализа их комментариев и сообщений.

На материале платформы микроблогов Twitter исследовалось мнение американской общественности к на тот момент потенциальной вакцине от COVID-19 [35]. С применением методов машинного обучения при использовании более 40000 твитов от более чем 20000 аутентичных пользователей исследователи сравнивали демографические показатели, уровень дохода, религиозный статус, политическую ориентацию, место проживания, наличие или отсутствие личного опыта заболевания и другие переменные. Было установлено, что социо-экономические группы, находящиеся в неблагоприятном положении, с большей вероятностью придерживаются поляризованных мнений о вакцинации от COVID-19. При этом наиболее сильное негативное отношение наблюдалось среди людей, имевших наихудший личный опыт пандемии. В другом исследовании [36], не посвященном, однако, текущей пандемии, также с использованием социальной сети Twitter на данных в более чем 3 миллиона твитов было продемонстрировано, что люди с долгосрочным отношением против

вакцин склонны проявлять конспирологическое мышление и недоверие к правительству.

В исследовании [37] изучалось каким образом комментарии в социальной сети Facebook относительно вакцин могут оказывать воздействие на установки по отношению к ним. Результаты продемонстрировали, что большее количество комментариев в ветке обсуждения, выражающих (не)благоприятное отношение к вакцине приводило респондентов к соответствующему (не)благоприятному отношению к вакцинации по причине в изменении воспринимаемого распределения в мнениях группы. При этом опосредованное влияние комментариев на отношение к вакцине через восприятие распределения общественного мнения было более выражено среди участников с более низким уровнем предполагаемой эффективности вакцины, в то время как непосредственное влияние комментариев на отношение было незначительным.

Исследование [38] было призвано выявить основные тематические области потенциальной на тот момент вакцины от COVID-19 на основе данных Twitter. Авторы собрали 1286659 общедоступных твитов, опубликованных в период с 19 июля 2020 года по 19 августа 2020 года. Было показано, что 1306 из 4868 сообщений относятся к категории негативных, а содержащиеся в них темы: дезинформация (32,47%), безопасность и эффективность вакцин (21,13%), теории заговора (17,99%), недоверие к ученым и правительствам (12,86%), отсутствие намерения получить вакцину от COVID-19 (10,64%), свобода выбора (3,60%) и религиозные убеждения (1,30%). Негативные твиты в основном состояли из вводящих в заблуждение заявлений, таких как иммунизация против коронавируса не нужна, поскольку уровень выживаемости высок, и опасений по поводу побочных эффектов потенциальной вакцины, разрабатываемой с беспрецедентной скоростью.

В целом, изменение уровня общественного интереса, настроений и беспокойства можно отслеживать по целому ряду проблем, связанных с безопасностью и эффективностью вакцин, а также доверием к науке, фармацевтическим компаниям и правительствам. Подобный анализ

может помочь выявить непредвиденные области, представляющие общественный интерес, а также потенциальные барьеры и факторы влияния, что в конечном итоге будет способствовать проведению необходимых и своевременных интервенций, позволяющих в перспективе максимизировать охват вакцинацией различных слоев населения.

Особенности борьбы с воздействием недостоверной информации о COVID-19 в социальных сетях

Пандемия COVID-19 послужила попыткам ВОЗ управления инфодемией. В этом направлении прорабатываются рекомендации [39], призванные бороться с дезинформацией, важная роль в которых отводится и онлайн-социальным сетям. В частности, для нивелирования влияния со стороны вводящей в заблуждение информации предлагается вовлекать компании социальных сетей для распространения заслуживающей доверия информации. Предполагается, что платформы социальных сетей будут внедрять и механизмы для предупреждения пользователей о наличии в контенте дезинформации, в том числе на основе машинного обучения.

Вместе с тем, несмотря на растущие попытки исправить вводящую в заблуждение информацию в социальных сетях, все еще существует значительная неопределенность в отношении способности общества эффективно смягчать негативное воздействие ложных сообщений [40].

В исследовании американских коллег [41] с использованием мета-анализа (24 исследования, 6086 респондентов) оценивалось относительное влияние интервенций в онлайн-социальных сетях, призванных скорректировать ложную информацию. Был получен в целом оптимистичный результат. В частности, средний размер эффекта предпринимаемых попыток был положительным и значимым ($d=0,40$; 95% CI [0,25; 0,55]; $p = 0,0005$). При этом интервенции были более эффективными в тех случаях, когда участники были вовлечены в тему здравоохранения, а также когда дезинформация распространялась

новостными организациями (по сравнению со сверстниками) и опровергалась экспертами (по сравнению с не экспертами).

Таким образом, хотя дезинформация о здоровье широко распространена и популярна в онлайн-социальных сетях, последние также могут играть определенную роль в противодействии ей. Так, в контексте вспышки вируса Зика было обнаружено [42], что корректирующая информация в социальных сетях ограничивает ошибочные представления среди лиц, подверженных этой дезинформации. Вместе с тем в контексте COVID-19 эксперимент, проведенный в социальных сетях [43] установил, что простая маркировка заголовков как ложных незначительно влияет на оценку людьми точности информации и их последующего взаимодействия с этой информацией в социальных сетях. При этом явное противодействие дезинформации оказывалось более эффективной мерой. И все же некоторые люди продолжали верить ложной информации даже после того, как она была явно опровергнута. В дополнение к опасности верить и распространять ложную информацию, исследование [44] показало также, что просмотр политической дезинформации может усилить поляризацию в обществе, и что даже, когда дезинформация впоследствии исправлена, это мало что меняет в уже сформированных установках и убеждениях, основанных на этой дезинформации. Наконец, еще одна проблема заключается в том, что повторение в контексте исправления и/или опровержения дезинформации непреднамеренно делает ее более знакомой и, тем самым, усиливает ее устойчивость [45].

Подытоживая все вышесказанное, критически важно, чтобы информация общественного здравоохранения о пандемии COVID-19 и будущих эпидемиях распространялась в традиционных форматах, из неполитических источников и научно обоснованным образом.

Заключение

В условиях пандемии COVID-19 онлайн-социальные сети стали наиболее популярным местом распространения информации. Анализируя опасения, высказанные гражданами по

поводу пандемии в сообщениях социальных сетей, эксперты и правительства могут лучше понять отношение и потребности общества и прояснить существующие проблемы, с которыми сталкиваются государственные ведомства и организации при борьбе с пандемией. Вместе с тем множество акторов распространяют в социальных сетях слухи и дезинформацию, что делает крайне важной борьбу с последствиями не только самой пандемии, но и сопутствующей ей инфодемии.

Материалы текущей статьи отчетливо свидетельствуют о важности мониторинга актуальной ситуации и своевременного предоставления населению через СМИ (в том числе и социальные сети) точной и достоверной информации для повышения эмоционального благополучия и соблюдения профилактического поведения. Оперативные и целенаправленные меры, направленные на делегитимизацию источников вводящей в заблуждение информации необходимы для уменьшения негативных последствий инфодемии.

В целом, мониторинг данных онлайн-социальных сетей может считаться наиболее эффективным средством отслеживания слухов, а также рассматриваться как потенциальный способ развеять дезинформацию и уменьшить стигматизацию. Однако детекция, оценка и реагирование на слухи, стигматизацию и теории заговора в режиме реального времени остается на сегодня сложной задачей, требующей дальнейшего междисциплинарного изучения и последующей имплементации на просторах Интернета.

Литература

1. Kim, L., Fast, S.M., Markuzon, N. (2019). Incorporating media data into a model of infectious disease transmission. *PLOS ONE*, 14(2).
2. Schild, L., Ling, C., Blackburn, J., Stringhini, G., Zhang, Y., Zannettou, S. (2020). «Go eat a bat, Chang!»: An Early Look on the Emergence of Sinophobic Behavior on Web Communities in the Face of COVID-19. *ArXiv*, abs/2004.04046.
3. Shi, W., Liu, D., Yang, J., Zhang, J., Wen, S., Su, J. (2020). Social Bots' Sentiment Engagement in Health Emergencies: A Topic-Based Analysis of the COVID-19 Pandemic Discussions on Twitter. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(22), 8701.
4. Shahi, G.K., Dirkson, A., Majchrzak, T.A. (2021). An exploratory study of COVID-19 misinformation on Twitter. *Online Social Networks and Media*, 22, 100104.
5. Chen, Q., Min, C., Zhang, W., Wang, G., Ma, X., Evans, R.D. (2020a). Unpacking the black box: How to promote citizen engagement through government social media during the COVID-19 crisis. *Computers in Human Behavior*, 110, 106380–106380.
6. Kayes, A., Islam, S., Watters, P. A., Ng, A., Kayesh, H. (2020). Automated measurement of attitudes towards social distancing using social media: A COVID-19 case study. *First Monday*, 25(11).
7. Saleh, S.N., Lehmann, C.U., McDonald, S.A., Basit, M.A., Medford, R.J. (2021). Understanding public perception of coronavirus disease 2019 (COVID-19) social distancing on Twitter. *Infection Control and Hospital Epidemiology*, 42(2), 131–138.
8. Dashtian, H., Murthy, D. (2021). CML-COVID: A Large-Scale COVID-19 Twitter Dataset with Latent Topics, Sentiment and Location Information. *Academia Letters*.
9. Agarwal, A., Salehundam, P., Padhee, S., Romine, W.L., Banerjee, T. (2020). Leveraging Natural Language Processing to Mine Issues on Twitter During the COVID-19 Pandemic. In *2020 IEEE International Conference on Big Data (Big Data)* (pp. 886–891).
10. Medford, R.J., Saleh, S.N., Sumarsono, A., Perl, T.M., Lehmann, C.U. (2020). An "Infodemic": Leveraging High-Volume Twitter Data to Understand Public Sentiment for the COVID-19 Outbreak. *Med Rxiv*.
11. Gruchola, M., Sławek-Czochra, M. (2021). "The culture of fear" of inhabitants of EU countries in their reaction to the COVID-19 pandemic-A study based on the reports of the Eurobarometer. *Safety Science*, 135, 105140.

12. Oh, S.H., Lee, S.Y., Han, C. (2020). The Effects of Social Media Use on Preventive Behaviors during Infectious Disease Outbreaks: The Mediating Role of Self-relevant Emotions and Public Risk Perception. *Health Communication*, 1–10.
13. Liao, H.-P., Wang, J.-L. (2021). The impact of epidemic information on the public's worries and attitude toward epidemic prevention measures during the COVID-19 outbreak. *Current Psychology*, 1–9.
14. Lin, Y., Hu, Z., Alias, H., Wong, L. P. (2020). Influence of Mass and Social Media on Psychobehavioral Responses Among Medical Students During the Downward Trend of COVID-19 in Fujian, China: Cross-Sectional Study. *Journal of Medical Internet Research*, 22(7).
15. Wang, H., Li, Y., Hutch, M., Naidech, A., Luo, Y. (2021). Using Tweets to Understand How COVID-19-Related Health Beliefs Are Affected in the Age of Social Media: Twitter Data Analysis Study. *Journal of Medical Internet Research*, 23(2).
16. Ugarte, D.A., Cumberland, W.G., Flores, L., Young, S.D. (2021). Public Attitudes About COVID-19 in Response to President Trump's Social Media Posts. *JAMA Network Open*, 4(2).
17. Budhwani, H., Sun, R. (2020). Creating COVID-19 Stigma by Referencing the Novel Coronavirus as the "Chinese virus" on Twitter: Quantitative Analysis of Social Media Data. *Journal of Medical Internet Research*, 22(5).
18. Li, Y., Twersky, S., Ignace, K., Zhao, M., Purandare, R., Bennett-Jones, B., Weaver, S. R. (2020b). Constructing and Communicating COVID-19 Stigma on Twitter: A Content Analysis of Tweets during the Early Stage of the COVID-19 Outbreak. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(18), 6847.
19. Gao, J., Zheng, P., Jia, Y., Chen, H., Mao, Y., Chen, S., ... Dai, J. (2020). Mental health problems and social media exposure during COVID-19 outbreak. *PLOS ONE*, 15(4), 1–10.
20. Ni, M.Y., Yang, L., Leung, C.M., Li, N., Yao, X.I., Wang, Y., Leung, G., Cowling, B.J., Liao, Q. (2020). Mental Health, Risk Factors, and Social Media Use During the COVID-19 Epidemic and Cordon Sanitaire Among the Community and Health Professionals in Wuhan, China: Cross-Sectional Survey. *JMIR Mental Health*, 7(5).
21. Ahmad, A.R., Murad, H.R. (2020). The Impact of Social Media on Panic During the COVID-19 Pandemic in Iraqi Kurdistan: Online Questionnaire Study. *Journal of Medical Internet Research*, 22(5).
22. Zhong, B., Jiang, Z., Xie, W., Qin, X. (2020). Association of Social Media Use With Mental Health Conditions of Nonpatients During the COVID-19 Outbreak: Insights from a National Survey Study. *Journal of Medical Internet Research*, 22(12).
23. Zhu, Y., Cao, L., Xie, J., Yu, Y., Chen, A., Huang, F. (2021). Using social media data to assess the impact of COVID-19 on mental health in China. *Psychological Medicine*, 1–8.
24. Király, O., Potenza, M.N., Stein, D.J., King, D.L., Hodgins, D.C., Saunders, J.B., Brand, M. (2020). Preventing problematic internet use during the COVID-19 pandemic: Consensus guidance. *Comprehensive Psychiatry*, 100, 152180.
25. Cinelli, M., Quattrocioni, W., Galeazzi, A., Valensise, C.M., Brugnoti, E., Schmidt, A.L., Zola, P., Zollo, F., Scala, A. (2020). The COVID-19 social media infodemic. *Scientific Reports*, 10 (1).
26. Kamiński, M., Szymańska, C., Nowak, J.K. (2021). Whose Tweets on COVID-19 Gain the Most Attention: Celebrities, Political, or Scientific Authorities? *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 24(2), 123–128.
27. Allington, D., Duffy, B., Wessely, S., Dhavan, N., Rubin, J. (2020). Health-protective behaviour, social media usage and conspiracy belief during the COVID-19 public health emergency. *Psychological Medicine*, 1–7.
28. Georgiou, N., Delfabbro, P., Balzan, R. (2020). COVID-19-related conspiracy beliefs and their relationship with perceived stress and pre-existing conspiracy beliefs. *Personality and Individual Differences*, 166(166), 110201.
29. Pulido, C.M., Villarejo-Carballido, B., Redondo-Sama, G., Gómez, A. (2020). COVID-19 infodemic: More retweets for science-based

- information on coronavirus than for false information. *International Sociology*, 35(4).
30. Liu, P.L. (2021). COVID-19 information on social media and preventive behaviors: Managing the pandemic through personal responsibility. *Social Science & Medicine*, 277, 113928–113928.
31. Bridgman, A., Merkley, E., Loewen, P.J., Owen, T., Ruths, D., Teichmann, L., Zhilin, O. (2020). The causes and consequences of COVID-19 misperceptions: Understanding the role of news and social media. *Harvard Kennedy School Misinformation Review*, 1(3).
32. Bish, A., Michie, S. (2010). Demographic and attitudinal determinants of protective behaviours during a pandemic: A review. *British Journal of Health Psychology*, 15(4), 797–824.
33. Liao, H.-P., Wang, J.-L. (2021). The impact of epidemic information on the public's worries and attitude toward epidemic prevention measures during the COVID-19 outbreak. *Current Psychology*, 1–9.
34. Badur, S., Ota, M. O. C., Öztürk, S., Adegbola, R., Dutta, A. (2020). Vaccine confidence: the keys to restoring trust. *Human Vaccines & Immunotherapeutics*, 16(5), 1007–1017.
35. Lyu, H., Wang, J., Wu, W., Duong, V., Zhang, X., Dye, T.D., Luo, J. (2020). Social Media Study of Public Opinions on Potential COVID-19 Vaccines: Informing Dissent, Disparities, and Dissemination. *ArXiv Preprint ArXiv:2012.02165*.
36. Mitra, T., Counts, S., Pennebaker, J.W. (2016). Understanding Anti-Vaccination Attitudes in Social Media. In 10th International Conference on Web and Social Media, ICWSM 2016 (pp. 269–278).
37. Kim, H., Han, J. Y., Seo, Y. (2020). Effects of Facebook Comments on Attitude Toward Vaccines: The Roles of Perceived Distributions of Public Opinion and Perceived Vaccine Efficacy. *Journal of Health Communication*, 25(2), 159–169.
38. Nuzhath, T., Tasnim, S., Sanjwal, R.K., Trisha, N.F., Rahman, M., Mahmud, S.M., Arman, A., Chakraborty, S., Hossain, M.M. (2020). COVID-19 vaccination hesitancy, misinformation and conspiracy theories on social media: A content analysis of Twitter data.
39. Tangcharoensathien, V., Calleja, N., Nguyen, T., Purnat, T., D'Agostino, M., Garcia-Saiso, S., AbdAllah, A. (2020). Framework for Managing the COVID-19 Infodemic: Methods and Results of an Online, Crowdsourced WHO Technical Consultation. *Journal of Medical Internet Research*, 22(6).
40. Latynov, V.V., Vanin, A.V. (2021). Psychological Antecedents and Opportunities for Correcting Negative Attitudes towards COVID-19 Prevention Measures. *IFAC-PapersOnLine*, 54, 161–165.
41. Walter, N., Brooks, J.J., Saucier, C.J., Suresh, S. (2020). Evaluating the Impact of Attempts to Correct Health Misinformation on Social Media: A Meta-Analysis. *Health Communication*, 1–9.
42. Bode, L., Vraga, E.K. (2018). See Something, Say Something: Correction of Global Health Misinformation on Social Media. *Health Communication*, 33(9), 1131–1140.
43. Kreps, S., Kriner, D.L. (2020). The Covid-19 Infodemic and the Efficacy of Corrections. *SSRN Electronic Journal*.
44. Hopkins, D.J., Sides, J.M., Citrin, J. (2019). The Muted Consequences of Correct Information about Immigration. *The Journal of Politics*, 81, 315–320.
45. Ecker, U.K., Hogan, J.L., Lewandowsky, S. (2017). Reminders and Repetition of Misinformation: Helping or Hindering Its Retraction? *Journal of applied research in memory and cognition*, 6 (2), 185–192.

IMPACT OF SOCIAL MEDIA COMMUNICATION ABOUT THE COVID-19 PANDEMIC ON OPINIONS, EMOTIONS AND BEHAVIORS

© Aleksandr V. Vanin

PhD (Psychology), Researcher, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia
vaninav@ipran.ru

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-04-60296 «Analysis of the structure and dynamics of attitudes and beliefs of the Russian population on the problem of the coronavirus pandemic using digital methods».

This article provides an analytical review of the literature that looks at the various effects and mediating variables associated with the impact of social media information on people's opinions, emotions, and behaviors during the COVID-19 pandemic. In the course of the work: (1) the role of social network data analysis for measuring public opinion regarding the pandemic is shown; (2) the effects of the impact of social networks on people's opinions, emotions and behavior are established; (3) the factors influencing the dissemination of information about COVID-19 in social networks and the effectiveness of its impact are listed; (4) the specifics of combating the impact of misinformation about the pandemic on social networks were discussed. Among other things, it is shown that the mechanisms underlying the influence of social networks on changes in people's behavior in relation to health are that coverage of the pandemic on social networks can increase public fear and encourage it to take preventive measures. The results obtained indicate the importance of monitoring the current situation and the timely provision of accurate and reliable information to the population through the media (including social networks) to improve emotional well-being and adherence to preventive behavior.

Keywords: COVID-19, coronavirus, pandemic, social media, infodemic, misinformation, stigmatization, opinions, emotions, behavior

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

К ВОПРОСУ О ГЕРОНТОЦИДЕ: ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО ВЫБОРА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ НЕ ПРОДЛЕВАТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ В МУЧЕНИЯХ

© Новоселов В.М.

главный врач, АНО «Научно-медицинский геронтологический центр», Москва, Россия

Председатель секции геронтологии МОИП при МГУ, Москва, Россия

novoselovvm@mail.ru

В статье рассматривается ряд нерешенных проблем геронтологии и медицинской психологии. В частности, мир разделился в решении вопроса о необходимости и методах сокращения проживающих на планете людей. Вопросы жизни и смерти беззащитных стариков считаются одними из самых сложных для современного общества, тогда как в диких племенах процветал вульгарный геронтоцид. Сегодня близкие родственники старого и тяжелобольного человека чаще всего настаивают на применении реанимационных мероприятий и агрессивных медицинских процедур, даже если уход из жизни оказывается крайне мучительным, и пациент заблаговременно дал согласие на эвтаназию. Сфера медицинских услуг, какой, по сути, является сегодня современное здравоохранение Российской Федерации, работает в рамках стандартов, которые нацелены на сохранение жизни любого человека независимо от его личного выбора. Весьма спорно, что подход к сохранению жизни, продлевающей мучения, следует считать проявлением гуманизма.

Ключевые слова: геронтоцид, эвтаназия, право выбора, право на смерть, старческая дряхлость

Введение

Вопросы жизни и смерти беззащитных стариков считаются одними из самых сложных для современного общества, тогда как в диких племенах процветал вульгарный геронтоцид – пожилых людей нередко оставляли без помощи на съедение хищникам. В наши дни условия жизни большинства живущих в странах с развитой медико-социальной сферой позволяют дожить до глубокой старости. Именно поэтому вопросы права на достойную жизнь в пожилом и старческом возрасте, как и права на достойную смерть для немощного и больного старика становятся все более актуальными.

Сегодня близкие родственники старого и тяжелобольного человека чаще всего настаивают на применении реанимационных мероприятий и агрессивных медицинских процедур, даже если

уход из жизни оказывается крайне мучительным, и он заблаговременно дал согласие на эвтаназию. Данная проблема оказывается крайне непростой с позиции геронтологии и медицинской психологии [3].

Геронтоцид, ответственность и поляризация мнений

В наши дни мир разделился в решении вопроса о необходимости сокращения проживающих на планете людей [2; 7; 9]. При этом количество ныне живущих неуклонно возрастает, хотя прирост населения происходит географически неравномерно. Так, например, население Африки находится на пути к достижению 2,5 миллиарда человек к 2050 году и четырех миллиардов к 2100 году. Причем рост численности на этом континенте растёт пугающе быстро. Во

многих африканских странах у каждой женщины сегодня по 5–6 детей. Напротив, снижается уровень рождаемости в странах западного мира, где на каждую женщину приходится 1,5–2 ребенка и меньше. Снижается прирост населения КНР [13].

Население Земли неуклонно и экспоненциально стареет, поэтому людей старших возрастных групп в ближайшие годы и десятилетия окажется намного больше, чем сегодня. Если продолжительность жизни (так называемая «ожидаемая продолжительность жизни») растет медленно, а в некоторых странах даже немного снижается, то количество пожилых и совсем старых людей продолжает расти достаточно быстро. Если в настоящее время людей старше 65 лет около 700 млн., то через 27 лет к 2050 году их будет уже 2 млрд. человек.

Если в далеком прошлом люди изредка доживали до старости, то становились бременем для древних племен, жизнь которых целиком зависела от количества добытой пищи. Поэтому в то время умерщвление стариков – геронтоцид – было широко распространенным явлением.

В наши дни призывы к геронтоциду и попытки перевести его в сферу психологически приемлемого явления также имеют место. Например, 12 февраля 2023 года The New York Times сообщил [14], что профессор экономист из Йельского университета Юсуке Нарита предложил радикальный способ омолодить японское общество с помощью пропаганды массового суицида: «Я считаю, что единственное решение вырисовывается довольно ясно. Что это, если не массовое самоубийство и своего рода «сэппуку» пожилых людей?».

Примечательно то, что профессору Юсуке Нарита на вид лет 35, количество просмотров его выступления за неделю (по состоянию на 20 февраля 2023 года) в твиттере – 24,7 млн., количество ретвитов 4709, хотя отметок «нравится» всего 15 тыс. Это свидетельствует как об интересе к данной проблеме, так и о поляризации мнений людей по данному вопросу.

Учитывая, что Йельский университет – один из пяти университетов, которые определяют социальные стандарты США (а значит и многих

стран, студенты которых обучаются в нем), можно утверждать о некоем возврате к идеям геронтоцида, которые в современном мире становятся все более популярными.

Возможно, если бы эти вопросы обсуждали люди преклонного возраста, реакция была бы иной. Психологически это было бы понятно, ведь призывы молодых к старикам уходить из жизни добровольно вполне могут восприниматься, как попытки вернуться к идеям и практике геронтоцида.

Есть опасность, что геронтоцид, как явление и практика, может оказаться не только психологической проблемой поколений, но и экономической и даже политической основой в отношениях между странами. Разве массовое принуждение стариков к уходу из жизни и узаконенная «помощь» в этом в одних странах не могут стать, хотя бы теоретически, значимым психологическим основанием для проведения военных операций другими странами с целью «защиты населения» от геронтоцида?

Похоже, что в нашем быстро меняющемся и развивающемся мире, где популярны идеи трансгуманизма, «золотого миллиарда» и аналогичные, возможно многое. Учитывая, что уход из жизни состарившихся поколений предполагает наследование собственности, а страны с богатыми природными ресурсами и низким уровнем культуры, как правило, отличаются бурным ростом населения и его быстрым старением от тяжелого труда и невыносимых условий жизни, подобные идеи уже не кажутся фантастическими.

Сфера медицинских услуг, какой по сути является сегодня современное здравоохранение Российской Федерации, работает в рамках стандартов, которые нацелены на сохранение жизни любого человека независимо от его личного выбора. Весьма спорно, что подход к сохранению жизни, продлевающей мучения, следует считать проявлением гуманизма.

На планете огромное количество людей, которые наверняка доживут до глубокой старости. Например, в России каждый семнадцатый гражданин это старик, то есть человек старше 75 лет. При наличии более 40 млн. пенсионеров, это

каждый четвертый. Однако установлено, что дополнительные годы жизни, которые получает современный человек в результате развития научных технологий, не сопровождаются высоким уровнем здоровья. Наоборот, состарившиеся люди часто страдают деменцией и от функциональных ограничений. Они зависимы от помощи окружающих. Часто это и хронические плохо купируемые боли. Особенно эти страдания характерны для самых последних лет, недель и дней жизни.

Решение человека добровольно уйти из жизни оказывается психологически сложным не только для близких ему людей, но и для медицинских работников, общественных и религиозных учреждений, органов власти, то есть для всех, кто в соответствии со сложившимися моральными нормами и по закону несет за это ответственность.

Искусство, смерть и моральные нормы

Феномен старения и старости, а также сопутствующие проблемы ухода из жизни всегда привлекали внимание крупных мыслителей, ученых, философов, писателей. Среди них и Цицерон, и Эразм Роттердамский, Мишель де Монтень, Лев Толстой и многие другие. В частности, термин «эвтаназия» принадлежит философу Фрэнсису Бэкону, который в XVI веке дал такое определение понятию «лёгкой смерти».

До начала Второй мировой войны идея эвтаназии была очень популярна в ряде европейских стран не только среди философов, но и в медицинских кругах. Так известно, что и З.Фрейд, который страдал неизлечимой формы рака полости рта, совершил эвтаназию в своём лондонском доме 23 сентября 1939 года с помощью доктора Шура. До этого он перенес 31 операцию под местной анестезией, поскольку наркоз в таких операциях в то время не применялся.

Близкие французского режиссера Жан-Люка Годара рассказали, что он также ушел из жизни с помощью эвтаназии. Об этом 13 сентября 2022 сообщил «Libération»: «Франко-швейцарскому режиссеру, скончавшемуся во вторник в возрасте 91 года, наконец удалось воплотить в

жизнь свои убеждения. Его жена Анн-Мари Мьевиль и его продюсеры подтвердили его смерть под конец утра, объяснив, что он «мирно скончался в своем доме в окружении своих близких» в Ролле, на берегу Женевского озера. «Он не был болен, он просто был истощен, – уточняет родственник семьи журналисту. – Поэтому он принял решение покончить с этим. Это было его решение, и ему было важно, чтобы оно стало известно».

«В «Notre musique» (2004) Годар заставил актрису прочитать фразу Альбера Камю из «Мифа о Сизифе»: «Есть только одна действительно серьезная философская проблема: самоубийство». В его фильмах часто присутствовала тема самоубийства. В 1987 году он вручил Мишельу Галабру «Suicide, moded'emploi», книгу, запрещенную к продаже во Франции через несколько лет после ее выпуска в 1982 году» [12].

Джимми Картер - 39-й президент США - один из шести президентов в истории США, преодолевших 90-летний рубеж (на март 2023 года Картеру 98 лет) – является самым старшим по возрасту из ныне живущих президентов США. К преодолевшим этот рубеж относятся также Дж. Адамс, Г. Гувер, Р. Рейган, Дж. Форд и Дж. Буш–старший.

Как известно в последние годы Дж.Картер столкнулся с серьезными проблемами здоровья. В 2015 году у него была обнаружена меланома, в 2019-м его несколько раз госпитализировали, в том числе из-за перелома костей таза. В феврале 2023 года Президент отказался от дальнейшего лечения у врачей и решил провести остаток жизни дома с семьей в Джорджии, получая паллиативный уход вместо возможных медицинских процедур. Об этом говорится в заявлении Центра Картера в Twitter. Организация также сообщила, что семья экс-президента поддерживала это решение [10].

Следует ли осуждать близких экс-президента за такое отношение и решение? Это проявление жестокости, корыстных интересов или любви к близкому человеку? Следует их осудить или признать за ними право сделать такой непростой выбор? Очевидно, что однозначного ответа на данный вопрос мы не получим. Ведь здесь мы

сталкиваемся с огромным количеством противоречий, которые определяются сложившимися социальными, моральными, религиозными нормами и психологическими стереотипами. И здесь проявляется то, что ряд авторов называет «аффектом неопределенности» и «поляризацией мнений» [2; 7; 9].

С приходом XXI века, присоединился и кинематограф, он также обратил внимание мира на то, что постаревших людей стало не просто много, а очень много и даже слишком много. Поскольку проблемы морального выбора фактически не могут быть решены средствами науки [1; 4], на первый план закономерно выходит искусство, которое не только говорит о сложных психологических проблемах старости и уходя из жизни, но и пытается предлагать некоторые решения.

Среди киношедевров, где эти проблемы поднимаются: «Двухсотлетний человек», «Подержанные львы», «Любовь по правилам и без», «Дневник памяти», «Пока не сыграл в ящик», «Легенда о Нараяме» и многие другие. Причем количество произведений на эту тему (фильмов, сериалов, книг и др. не уменьшается и, скорее всего, будет только увеличиваться).

Сюжет фильма «Восстание планеты обезьян» тоже о старости. Ученые искали лекарство от болезни Альцгеймера, но экспериментальное вещество привело к изменению мозга шимпанзе. И мир людей изменился. Во многих кинофильмах нет даже признаков геронтоцида или эйджизма. Наоборот, авторы поднимают вопросы милосердия и красоты жизни даже в глубокой старости.

Сильную психологическую реакцию у зрителей вызвал художественный фильм с Энтони Хопкинсом «Отец», где показан старый человек с деменцией Альцгеймеровского типа. И если кинематографисты замечают такое явление, как слабоумие стариков, а миллионы зрителей восхищаются фильмом, где рассматривается эта проблема, значит он отражает запросы зрителей на ее постановку и поиск решения.

Старость, болезни и право выбора

Сегодня психологически сложной оказывается проблема: «Имеет ли моральное право человек добровольно и достойно уйти из жизни в кругу близких, а не в больничной палате на казенной простыне, когда под видом карантинных мероприятий к нему не пустят даже собственных детей?».

И здесь возникает вопрос экзистенциальной философии и психологии: если бы человек заранее знал, что его ждет деменция и дал бы распоряжение не оказывать ему медицинской помощи, которая поддерживала бы жизнь его тела, по сути лишённого разума, то насколько окажутся уместными подобные медицинские мероприятия против его воли? Тем не менее, отсутствие законов, регулирующих принятие таких решений, препятствуют этому. Возникает некий порочный круг: правительства не принимают законы, а существующие социальные и моральные нормы лишают правительства возможности их не только принимать, но даже выносить на обсуждение. То есть проблема оказывается чрезвычайно сложной.

Никто из родственников стариков не желает видеть мучения близким им людей в последние дни их жизни. Но чаще всего именно родственники делают все возможное, чтобы сохранить жизнь человеку и тем самым продлевают его мучения. С позиции психоаналитического подхода, возможно, это связано с подсознательным стремлением избежать ответственности за принятое решение [6]. При этом медицинские психологи часто сталкиваются с такими мотивировками: «А что скажут другие родственники и не будут ли они осуждать нас?», «Наша бабушка сделала все возможное, чтобы нас поднять, недоедала, дала всем образование, и мы тоже сделаем все, чтобы она жила дольше». На то, что человек давно никого не узнает и не может дойти до туалета, чаще всего стараются не обращать внимания.

С другой стороны, не менее часто высказывается и противоположное мнение. Люди говорят: «Зачем вообще бороться за продление жизни. Нужно обезболить человека, наладить ему уход

и всячески помогать – пусть живет, пока жизнь не оборвется сама».

Человек смертен, и часто он внезапно смертен, но чаще всего только в последние дни или минуты жизни в ее марантической стадии он наиболее психологически точно осознает, что смерть близко. Л.Н. Толстой в произведении «Исповедь», опубликованном в 1884 году, пишет: «Я как будто жил-жил, шел-шел и пришел к пропасти и ясно увидал, что впереди ничего нет, кроме гибели. И остановиться нельзя, и назад нельзя, и закрыть глаза нельзя, чтобы не видеть, что ничего нет впереди, кроме обмана жизни и счастья, и настоящих страданий, и настоящей смерти – полного уничтожения» [5].

Когда человек подходит к концу жизни, понимая, что нет сил, дней остается мало, и все, что осталось в этой жизни, это мучения, человек нередко принимает решение, что пришло время ее завершить. Может быть, стоит обратить внимание, что во многих странах уже есть практика, которая позволяет минимизировать мучения, особенно если человек знает о них и не хочет доставлять горе своим близким родственникам длительным уходом за ним.

В одном исследовании, результаты которого были опубликованы в июне 2020 года [8], предпринималась попытка ответить на вопрос: «Слышит ли последние слова умирающий человек, который уже перестал реагировать на любые внешние сигналы?». После длительного обсуждения этических вопросов по поводу регистрации электрической активности мозга с научными целями в Совете по этике поведенческих исследований Университета Британской Колумбии и проведения эксперимента в соответствии с положениями Хельсинкской декларации Всемирной медицинской ассоциации было получено разрешение на проведение эксперимента.

В результате был дан однозначный ответ: мозг умирающего человека слышит, и слух – это одна из последних функций, которые теряются, когда люди умирают. Именно поэтому для специалистов, работающих в области медицинской психологии, была выработана рекомендация – советовать родственникам уходящего человека разговаривать с умирающим до последнего

вздоха и не оставлять его в казенном учреждении без психологической поддержки.

В самые последние дни своей жизни старый и больной человек чаще всего не способен принимать решения. Именно поэтому психологически необходима рекомендация родственникам – постараться выяснить, как именно близкий человек хотел бы закончить свою жизнь, не ограничиваясь пожеланиями о способе захоронения и порядке выполнения похоронных ритуалов.

Однако в стране таких правовых норм не существует. Необходимо, чтобы законодатели приняли соответствующие законы, а правительства стран решили, какие документы могут регламентировать решение о последних днях жизни умирающего человека. Например, подобные документы имеют возможность оформить пациенты с диагнозом болезни Альцгеймера в США.

Для планирования медицинского обслуживания они имеют закрепленное законом право заранее, на стадии еще до появления тяжелых расстройств памяти и интеллекта, заявить о своих пожеланиях, а врачи обязаны следовать этим указаниям.

В США есть два основных документа, которые являются частью предварительного распоряжения:

- Завещание о жизни позволяет врачам знать, как человек хочет, чтобы с ним обращались, если он постоянно находится в бессознательном состоянии или умирает, а продление его мучений носит негуманный характер по отношению к его личности.
- Долгосрочная доверенность на медицинское обслуживание, где указывается «доверенное лицо», которое имеет право необходимых, по мнению заявителя, медицинских решений и действий.

В свою очередь, медицинские решения, которые следует учитывать при планировании конца жизни, включают:

- Приказ не интубировать, который позволяет медицинскому персоналу в больнице или учреждении сестринского ухода (аналог домов и пансионатов для престарелых в нашей стране) знать, что человек не хочет, чтобы

его подключали к аппарату искусственного дыхания;

- Приказ не проводить реанимационные мероприятия, который предписывает медицинским работникам не проводить реанимационные мероприятия в случае остановки сердца;
- Документ о разрешении донорства органов и тканей, которое позволяет пересаживать их людям, которые в них остро нуждаются.
- Другие виды медицинских предписаний, которые могут иметь разные названия, но в любом случае они информируют медицинских работников о желании и предпочтениях в отношении жизнеобеспечивающих мер во время неотложной медицинской помощи;

Перед подписанием таких указаний, человек должен пройти полное психологическое освидетельствование.

В США больной, если он в сознании, или родные больного, если он без сознания, самостоятельно принимают решение о том, будут ли проводиться реанимационные мероприятия. Если человек или родственники отказываются от них, то на запястье пациента надевается браслет с надписью DNR и DNI (*do not resuscitate, do not intubate*, т.е. не реанимировать, не интубировать).

В нашей стране проблемы ухода из жизни стоят не менее остро. Например, родственникам советуют заранее подумать об обращении к нотариусу, ведь именно нотариально заверенная доверенность позволит внукам и детям представлять интересы старого и беспомощного человека во всех инстанциях, когда он уже будет полностью зависим. Если же человек откладывал эти мероприятия, полагая, что у него еще «есть время», то родственникам приходится в спешке оформлять лишение его дееспособности и устанавливать опеку, что психологически оказывается крайне сложным делом.

Возможно, что признание права стариков на не проведение реанимационных мероприятий и ряда жизнеобеспечивающих вмешательств, например, не подключение к аппарату ИВЛ, может привести к снижению случаев суицида в группе таких людей. Надо помнить, что люди, совершающие самоубийство, оставляют своих

родственников в тяжелейшем психологическом состоянии, тогда как милосердное разрешение проблемы, решило бы и эту ситуацию.

Милосердие общества должно касаться всех людей без исключения, даже осужденных судом людей. Уполномоченный по правам человека в РФ Татьяна Москалькова рассказала об инициативе разработки законопроекта о безусловном освобождении от наказания смертельно больных осужденных: «Из тяжелобольных нужно вычленить смертельно больных и для них установить это правило о безусловном освобождении» [12]. Конечно, если человек осужден, он от этого не перестает быть человеком. Освобожденный человек может принять решение – продолжать ли ему жить в мучениях, если нет перспектив.

И разве человек не имеет права решить, когда и как ему закончить жизнь. Чтобы именно он, а не родственники или государство решили, где ему поставить точку в персональной жизни? Надо не только учиться жить по-человечески, но и также завершать свой путь и уходить из жизни. Основополагающие вопросы этики касаются не только того, что мы должны самим себе, но и по отношению к решению близких людей не продлевать их мучения. Стоит сказать, что продолжительность жизни, ее качество, как и исход обострений заболеваний у старых людей тесно связаны с положительными эмоциями. В том числе и с теми, которые зависят от отношения родственников к этим людям.

Заключение

В процессе своей профессиональной деятельности я много раз слышал фразы: «доктор, посмотрите, я выгляжу много моложе, чем в паспорте», «я всю жизнь веду ЗОЖ, ем и бегаю только по секундомеру», «я делаю миллион приседаний, принимаю БАДы, чтобы не стареть».

По сути, это кричит бессмертная душа человека – она не хочет стареть, понимая конечность жизни своего тела. Страх смерти, возникающий вследствие осознания реальности факта будущей смерти, что чаще происходит в подростковом и юношеском возрасте, вытесняется самой жизнью. Она слишком занята текущими делами,

так что большая часть людей вспоминают про реальность смерти только время от времени.

Разговоры о праве на эвтаназию автоматически не означают стимулирование или призывы к активному сокращению количества людей старших возрастных групп с целью омоложения населения перенаселенной и стареющей планеты. Призывы к геронтоциду даже по неосторожности должны быть признаны обществом как социально опасные деяния.

Литература

1. Лебедев А.Н. Групповая поляризация мнений в условиях неопределенности морального выбора // Экспериментальная психология. 2022. Том 15. №2. С.159-171. doi:10.17759/ exppsy.2022150212
2. Лебедев А.Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т.2. № 1. С. 2-19.
3. Новоселов В.М. Мудрее дремать и помалкивать об эвтаназии // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т.2. №1. С.82-88.
4. Поддьяков А.Н. Допустимо ли солгать злоумышленнику, чтобы помешать преступлению: анализ исторической полемики // Культурно-историческая психология. 2011. Т. 7. № 1. С. 28-41.
5. Толстой Л.Н. Исповедь. СПб. Типография П. Синченко. 1912.
6. Фрейд З. Я и Оно. М.: Эксмо-пресс, Фолио, 2006.
7. Abramowitz A.I., Saunders K.L. Is polarization a myth? // Journal of Politics. 2008. V.70(2). P. 542-555. DOI:10.1017/S0022381608080493
8. Blundon E., Gallagher R., Ward L. Electrophysiological evidence of preserved hearing at the end of life. Scientific Reports. 2020. V. 10(1). P. 336. doi: 10.1038/s41598-020-67234-9
9. Wagner M., Russo L. Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. 2021. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463> (дата обращения 09.09.2021)

Интернет источники:

10. 98-летний Джимми Картер выбирает лечение в хосписе. <https://www.nytimes.com/2023/02/18/us/politics/jimmy-carter-hospice.html>
11. Жан-Люк Годар прибег к ассистированному самоубийству. https://www.liberation.fr/culture/jean-luc-godard-est-mort-20220913_LLEGXZFSFDC3FBJCP7AWXSYWI/
12. Москалькова предложила освобождать смертельно больных осужденных. <https://news.mail.ru/society/53049288/?from-mail=1>
13. Страны мира по размеру и уровню рождаемости. https://russiandemographix.blogspot.com/2023/02/mapping-fertility.html?spref=fb&fbclid=IwAR20aI2q2H4ez2QYguQdkjLq8Et8lWGXg7HcjQremU5Fyd7qcWOyFW_DtPM
14. <https://twitter.com/nytimes/status/1624795488057786373>

Статья поступила в редакцию 17.01.2023

ON THE ISSUE OF GERONTOCIDE: THE PROBLEM OF THE MORAL CHOICE OF ELDERLY PEOPLE NOT TO PROLONG THEIR LIVES IN TORMENT

© Valery M. Novoselov

Chief Physician, Scientific Medical Gerontological Center, Moscow, Russia

Chairperson of the Gerontology Section at Moscow State University, Moscow, Russia

novoselovvm@mail.ru

The article considers a number of unsolved problems of gerontology and medical psychology. In particular, the world is divided in deciding on the need and methods of reducing the number of people living on the planet. The issues of life and death of defenseless old people are considered one of the most difficult for modern society, whereas vulgar gerontocide flourished in wild tribes. Today, close relatives of an old and seriously ill person most often insist on the use of resuscitation measures and aggressive medical procedures, even if passing away is extremely painful, and the patient has agreed to euthanasia in advance. The sphere of medical services, which is essentially the modern healthcare of the Russian Federation today, operates within the framework of standards that are aimed at preserving the life of every person, regardless of his personal choice. It is very controversial that the approach to preserving life that prolongs torment should be considered a manifestation of humanism.

Keywords: gerontocide, euthanasia, right of choice, right to death, senile decrepitude

REFERENCES

1. Lebedev, A.N. (2022). Gruppovaya polarizatsiya mne-nij v usloviyah neopredelennosti moral'nogo vybora [*Group polarization of opinions in conditions of uncertainty of moral choice*] // Eksperimental'naya psikhologiya [*Experimental psychology*]. V. 15. №2. P.159-171. doi:10.17759/ exppsy.2022150212
2. Lebedev, A.N. (2022). K teorii cennostno-affektivnoy polarizatsii social'nyh grupp [*On the theory of value-affective polarization of social groups.*] // Uchenye zapiski Instituta psikhologii RAN [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V.2. № 1. P. 2-19.
3. Novoselov, V.M. (2022). Mudree dremat' i pomalkivat' ob evtanazii [*Better not talking about euthanasia*] // Uchenye zapiski Instituta psikhologii Rossijskoj akademii nauk [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V.2. №1. P.82-88.
4. Podd'yakov, A.N. (2011). Dopustimo li solgat' zloumyshlenniku, chtoby pomeshat' pre-
- stupleniyu: analiz istoricheskoy polemiki [*Is it permissible to lie to an attacker to prevent crime: analysis of historical field*] // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [*Cultural and historical psychology*]. V. 7. № 1. P. 28-41.
5. Tolstoj, L.N. (1912). Ispoved' [*Confession*]. SPb. Tipografiya P. Sinchenko [*Printing house of P. Zinchenko*].
6. Frejd, Z. (2006). YA i Ono [*Me and It*]. Moscow: Eksmo-press, Folio.
7. Abramowitz, A.I., (2008). Saunders K.L. Is polarization a myth? // Journal of Politics. V.70(2). P. 542-555. DOI:10.1017/ S0022381608080493
8. Blundon, E., Gallagher, R., Ward, L. (2020). Electrophysiological evidence of preserved hearing at the end of life. Scientific Reports. V. 10(1). P. 336. doi: 10.1038/s41598-020-67234-9
9. Wagner, M., Russo, L. (2021). Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. URL: <https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463> (дата обращения 09.09.2021)

Интернет источники:

The article was received 17.01.2023

10. 98-year-old Jimmy Carter chooses hospice treatment. <https://www.nytimes.com/2023/02/18/us/politics/jimmy-carter-hospice.html>
11. Jean-Luc Godard resorted to assisted suicide. https://www.liberation.fr/culture/jean-luc-godard-est-mort-20220913_LLEGXZFSFDC3FBJCP7AWXSYWI/
12. Moskalkova proposed to release terminally ill convicts. <https://news.mail.ru/society/53049288/?frommail=1>
13. Countries of the world by size and birth rate. https://russiandemographix.blogspot.com/2023/02/mapping-fertility.html?spref=fb&fbclid=IwAR20aI2q2H4ez2QYguQdkjLq8Et8IWGXg7HcjQremU5Fyd7qcWOyFW_DtPM
14. <https://twitter.com/nytimes/status/1624795488057786373>

ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ РЕЧИ НА СЛУХ

© Соловова Н.А.

Кандидат психологических наук, доцент Департамента психологии и развития человеческого капитала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ», Москва, Россия
solovovana@gmail.com

В статье представлен обзор доступных русскоязычных исследований, посвященных восприятию и распознаванию речи на слух. Рассмотрены статьи, опубликованные в журналах ВАК и ядра РИНЦ, Scopus и Web of Science в период с 2003 по 2023 гг. по результатам поиска в названиях, аннотациях и ключевых словах: «восприятия речи», «понимание речи».

Ключевые слова: понимание речи, восприятие речи, обзор исследований

Введение

Человек попадает в звуковую среду еще до того, как появляется на свет. Восприятие звуков необходим для ориентации в окружающем мире, но особое значение для человека имеет восприятие звуков речи.

Целью данной статьи является обзор русскоязычных исследований восприятия и понимания речи, опубликованных не ранее последних 20 лет. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: 1) провести систематический анализ литературы; 2) выделить группы исследований; 3) наметить перспективы исследований.

Методология исследования

Стратегия поиска литературы началась с выделения ключевых слов и определения временных и тематических границ поиска. Поскольку исследование посвящено вопросам восприятия и понимания речи, ключевыми словами для поиска были соответственно «понимание речи», «восприятие речи».

Поиск литературы проводился в базе данных РИНЦ, Scopus и Web of Science. Для обеспечения

качества цитируемых источников, поиск был ограничен публикациями в журналах, входящих в ядро РИНЦ и/или перечень ВАК и/или Scopus и/или Web of Science с 2003 по 2023 годы. Тематика журналов «Психология», «Биология», «Медицина и здравоохранение». В исследование не были включены журналы по тематике «Педагогика. Народное образование», «Мультидисциплинарные журналы в области общественных и гуманитарных наук», так как в большинстве публикаций, отобранных по ключевым словам, словосочетания «восприятие речи» и «понимание речи» использовались в другом контексте. «Мультидисциплинарные журналы в области естественных и технических наук» не содержали публикаций, удовлетворяющих критериям поиска.

Основные результаты

В рамках проведенного анализа было показано, что всего в научных журналах с 2003 по 2023 годы опубликовано 42 статьи, из них 7 в биологических журналах, 24 в психологических и 11 в медицинских.

Из этого списка были исключены работы, не соответствующие теме исследования (13 статей), в которых встречались слова «восприятие», «понимание» и «речь» как не связанные друг с другом. Например, работы посвященные изучению восприятия письменной речи [42], понимания читаемого текста [20], памяти [2], слухомоторной координации и таймингу [22], восприятию времени [37], функции счета у человека и животных [6], мозговым механизмам зрительного восприятия [18], восприятию цвета при нарушениях речи [10], развитию компетенций при подготовке учителей русского языка в Германии [9], детскому мышлению [40], функции чтения при сосудистых поражениях головного мозга [41], связи языка и реальности [19], коммуникативной компетентности [4]. Таким образом, для дальнейшего анализа осталось всего 29 статей, которые удовлетворяли формальным критериям поиска и замыслу исследования. Данные статьи были объединены в следующие группы.

1. Среди проанализированных *исследований восприятия речи с использованием новых психофизиологических методик* можно выделить группу работ, выполненных с применением сочетания классических и новых психофизиологических методов при изучении различных аспектов речи. Например, при изучении внутренней речи с использованием ЭЭГ и авторского метода анализа данных было показано, что при предъявлении фонем на слух активация структур мозга меньше, чем при зрительном предъявлении [7]. В теоретической работе А.В. Буториной и др. для разрешения сложных вопросов, связанных с локализацией центров, отвечающих за восприятие речи, упорядоченности процессов обработки речевого сигнала в качестве перспективной методики рассматривается МЭГ [5].

2. При *исследовании влияния ближайшего окружения на восприятие речи* была показана значимость ближайшего окружения в речевом развитии на примере детей, воспитывающихся в семьях и в детских домах. С использованием ЭЭГ показано меньшее вовлечение когнитивных ресурсов в опознавание слов и предложений у детей из детских домов. Что продемонстрировано на примере исследования изменений тета-ритма

ЭЭГ при прослушивании естественной и реверсивной речи [26].

Выявлены значимые различия в восприятии речи у детей из биологических семей и домов ребенка, которые проявились в сниженных показателях у детей из дома ребенка, разной реакции на нативную и реверсивную речь по результатам анализа мю-ритма ЭЭГ [3]. Установлена значимая обратная взаимосвязь между уровнем депрессии матери и пониманием речи взрослого ребенком второго года жизни с врожденным пороком сердца, и депрессия матери детерминирует развитие понимания речи взрослого [21].

3. При анализе *исследований распознавания эмоций в воспринимаемой речи*, в частности в работе Е.С. Дмитриевой и В.Я. Гельман, была обнаружена взаимосвязь распознавания речи с ее эмоциональным тоном и полом диктора на фоне шума. Авторами установлено, что в условиях акустических помех лучше распознается эмоциональная интонация женщин-дикторов, положительная эмоциональная окраска распознается слабее, чем нейтральная и негативная [14]. Что согласуется с данными о лучшей распознаваемости негативных эмоций по голосу, особенно гнева и грусти, выявленными в работе других исследователей.

Авторами отмечена также новая область – использование нейросетей в восприятии речи и неречевых вокализаций [34]. В продолжение анализа распознавания эмоций в речи на фоне шумов, Е.С. Дмитриевой и соавторами показана взаимосвязь с эмоциональным интеллектом. Те респонденты, которые по результатам тестов лучше понимают эмоции, лучше распознают эмоциональные интонации при восприятии речи на слух [13].

4. *Исследования восприятия речи через понимание смысла текста* рассматриваются на примере детей [1] и понимания значения слов [29]. При сравнении понимания выступлений политиков экспертами и «наивными» слушателями показана большая размытость восприятия людьми, не имеющими опыта реконструкции речевых интенций. Восприятие речи на слух даже экспертами сопровождается утратой части

интенционального содержания, что было показано в исследованиях Н.Д. Павловой и Е.А. Песковой [30].

Запоминание и усвоение текста, воспринимаемого на слух при конспектировании текста от руки и печатании на клавиатуре (стенографировании в редакции автора) имело значимые различия. Было установлено, что у материала, зафиксированного на клавиатуре, более высокая эффективность усвоения, чем при конспектировании от руки [15]. Интерференция, возникающая при обработке семантической информации о глаголах и одновременном движении соответствующей конечностью, отмечена на выборке 28 взрослых мужчин и женщин по результатам серии экспериментов [28].

5. *Восприятие и понимание речи при различных расстройствах.* Для преодоления трудностей в обучении Н.В. Скоробогатовой и соавторами было проведено исследование младших школьников с тяжелыми нарушениями речи (87 человек). Из всего массива данных, описанного авторами, нашей теме соответствует следующее исследование. Респондентам для восприятия на слух предъявлялись предложения, которые нужно было повторить, а также слова, в которых они определяли на слух последовательность звуков, их наличие или отсутствие.

Дети продемонстрировали высокий и средний уровень сформированности сенсорно-перцептивных процессов, для которых отмечена значимая корреляция с когнитивными операциями [35]. При исследовании детей с нарушениями речи показано, что они значимо хуже понимают лексико-грамматические конструкции, предъявленные через наушники, чем дети без речевых нарушений. При этом конструкции, обратимые по смыслу, понимались хуже, чем необратимые [38].

В исследовании акустических стволовых вызванных потенциалов на примере детей с тяжелыми нарушениями речи (как восприятия речи, так и ее развития) В.Л. Ефимовой и соавторами показано изменение времени проведения звукового сигнала структурами ствола [16].

Нарушение психоречевого развития, а также избирательная реакция на обращенную речь

рассматриваются в качестве одних из особенностей детей при расстройстве аутистического спектра (РАС). При исследовании акустических вызванных потенциалов как показателей функционального состояния проводящих путей слуховой сенсорной системы у детей 3-8 лет с расстройством аутистического спектра показана взаимосвязь трудностей восприятия на слух с нарушениями работы I блока мозга по А.Р. Лурии [12].

Особенности понимания речи при РАС могут проявляться от восприятия фоном до понимания текста. На выборке 50 детей 7-11 лет была показана взаимосвязь понимания речи с индексом невербального интеллекта и выраженностью расстройства аутистического спектра [31]. В исследовании Н.Ю. Кожушко и др. на выборке 17 детей 3-6 лет было показано положительное влияние транскраниальных микрополяризаций на динамику понимания обращенной речи [23].

В работе Е.В. Гуткевич, А.В. Пустовая представлены результаты проведения психо-коррекционной программы в течение 5 лет, которая выявила положительную динамику в понимании обращенной речи [11]. Н.А. Прихода описала диагностический инструментарий для исследования различных аспектов речи у детей с РАС [33].

Рассматривая особенности речи при различных расстройствах Е.Е.Васенина, О.С. Левин на большой выборке пациентов с нейродегенеративными заболеваниями выделили девять подтипов нарушений речи, среди которых описана семантическая дисфазия, связанная с нарушением понимания речи [8]. Сложность дифференциальной диагностики нарушений речи предполагает детальную и многостороннюю оценку различных аспектов речи [25].

При острых нейротравмах, имеющих примерно одинаковую тяжесть поражения, психическая активность и понимание обращенной речи в том числе, может различаться, что предполагает дифференцированный, междисциплинарный подход к реабилитации [17].

Отдельную категорию составляют исследования восприятия речи при нарушении слуха и последующей кохлеарной имплантации, опубликованные в основном в журнале «Вестник

оториноларингологии». Основное содержание публикаций посвящено: разработке модели восприятия речи и понимания фильтрованной речи людьми с имплантами и нормальным слухом [32]; тренировке по восприятию речи на средних и высоких частотах после операции [36]; анализу публикаций по проблеме и перспективам исследований и разработок [39]; настройке кохлеарных имплантов с использованием психоакустических тестов [24]; значимости использования тестов речевой аудиометрии при настройке имплантов с целью эффективной реабилитации пациентов и включения их в общество [27].

Таким образом, в проанализированном массиве русскоязычных публикаций в журналах ВАК и ядра РИНЦ за последние 20 лет, было обнаружено 29 статей, посвященных изучению восприятия и понимания речи. Среди них были выделены работы, посвященные вопросам использования новых психофизиологических методик (2 статьи), влияния ближайшего окружения на восприятие речи (3 статьи), распознавание эмоций в речи (3 статьи), пониманию речи (5 статей) и восприятию речи при различных расстройствах: нарушениях речи, расстройствах аутистического спектра, нейродегенеративных нарушениях, скорректированной глухоте (16 статей).

Перспективы исследования

Если рассматривать содержательную сторону публикаций по восприятию и распознаванию речи на слух, то среди них преобладают исследования нарушений речи или изучение речи при отклонениях. Рассмотрению «нормы» посвящена только треть работ. Таким образом, перспективным видится изучение факторов, обуславливающих восприятие речевого сигнала на уровне от распознавания фонем до связного текста, в том числе при различных условиях предъявления стимула.

Еще одним ограничением данной статьи было осознанное сужение поля исследования до русскоязычных публикаций. Анализ и классификация работ, выполненных на иностранных языках, заслуживает отдельного внимания и учета принадлежности к языковой группе. То есть, можно предположить, что физиологические механизмы

восприятия речи будут универсальными, но специфика языка найдет свое отражение в дизайне исследования.

Литература

1. Алиева Т.И. Практики внимательности и смыслопорождения в образовательном процессе детского сада // Психолого-педагогические исследования. 2019. Том 11. № 4. С. 99-109. DOI: 10.17759/psyedu. 2019110408
2. Аршавский Ю.И. Память: аксиоматика и факты // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71. № 2. С. 184-201.
3. Белалов В.В., Базанова О.М., Михайлова А.А., Дягилева Ю.О., Павленко В.Б. Реактивность Мю-ритма ЭЭГ при восприятии речи у детей в возрасте от двух до трех с половиной лет: влияние условий воспитания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2020. Т. 70. № 2. С. 193-205. DOI: 10.31857/S0044467720020045
4. Белоус Е.Н., Ерофеева М.А. Особенности профессиональной коммуникативной компетентности педагогов в предметном общении с обучающимися // Перспективы науки и образования. 2019. № 4 (40). С. 126-140. DOI: 10.32744/pse.2019.4.11
5. Буторина А.В., Шестакова А.Н., Николаева А.Ю., Строганова Т.А., Штыров Ю.Ю. Функциональное картирование речевых зон мозга человека: перспективы использования метода магнитоэнцефалографии (МЭГ) // Современная зарубежная психология. 2012. Т. 1. № 1. С. 103-114.
6. Варга М.Е., Павлова О.Г., Носова С.В. Функция счета и ее представительство в теменной коре у человека и животных // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2008. Т. 58. № 6. С. 663-677.
7. Вартанов А.В., Шевченко А.О. Психофизиологические механизмы внутреннего проговаривания фонем // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 1. С. 201-220. DOI: 10.11621/vsp.2022. 01.09

8. Васенина Е.Е., Левин О.С. Нарушение речи при нейродегенеративных заболеваниях как проявление дисфазии // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2020. № 120(5). С. 50-59. <https://doi.org/10.17116/jnevro202012005150>
9. Гермер П. Развитие компетенций у L2 преподавателей во время студенческих стажировок (область компетенции: язык преподавателя на занятии) // Образование и саморазвитие. 2018. Т. 13. № 1. С. 65-74. DOI: 10.26907/esd13.1.07
10. Гончаров О.А., Романов С.Г. Развитие категориального восприятия цвета при речевых расстройствах // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 2. С. 78-85.
11. Гуткевич Е.В., Пустовая А.В. Динамика нейропсихологических показателей развития функций II блока мозга у детей с аутизмом // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2022. Т. 13. № 4. С. 421-427. <https://doi.org/10.34883/PI.2022.13.4.006>
12. Гуткевич Е.В., Пустовая А.В., Шушпанова О.В., Челышева Л.В., Симашкова Н.В. Клинико-нейропсихологические особенности церебральной организации подкорковых структур в развитии психических расстройств аутистического спектра у детей // Клиническая и специальная психология. 2022. Том 11. № 3. С. 120-141. DOI: 10.17759/cpse.2022110305
13. Дмитриева Е.С., Гельман В.Я., Зайцева К.А., Орлов А.М. Оценка связи восприятия эмоциональной интонации речи с компонентами эмоционального интеллекта // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 126-134.
14. Дмитриева Е.С., Гельман В.Я. Связь восприятия эмоциональной интонации речи в условиях помех с акустическими параметрами речевого сигнала у взрослых разного пола и возраста // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2011. Т. 61. № 3. С. 306-316.
15. Елисеева А.В., Стрельчук Е.Н. Взаимосвязь восприятия и усвоения аудиоинформации в зависимости от способов фиксации письма в эпоху цифровизации // Science for Education Today. 2022. Т. 12, № 4. С. 163-182. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2204.08>
16. Ефимова В.Л., Ефимов О.И., Николаева Е.И., Лысова И.А. Особенности акустических стволых вызванных потенциалов у детей с рецептивными речевыми нарушениями // Вопросы психологии. 2019. № 6. С. 99-109.
17. Закрепина А.В., Сиднева Ю.Г., Браткова М.В., Валиуллина С.А. Психическая активность у детей на раннем этапе реабилитации после острых тяжелых повреждений головного мозга // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2020. №97(1) с. 51-59. <https://doi.org/10.17116/kurort20209701151>
18. Измайлов Ч.А., Черноризов А.М. Язык восприятия и мозг // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 22-52.
19. Ильенков Э.В. К работе Мещерякова (послесловие и примечания А.Д. Майданского) // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 164-174 DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290410>
20. Карапетян С.Г., Киракосян А.А. Проблема семантической дислексии у младших школьников с общим недоразвитием речи // Science for Education Today. 2022. Т. 12. № 1. С. 150-163. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2201.07>
21. Киселева М.Г. Психологические особенности детей второго года жизни с врожденными пороками сердца // Бюллетень НЦССХ им. А.Н. Бакулева РАМН. 2017. № 18 (5) С. 501-506. DOI: 10.24022/1810-0694-2017-18-5-501-506
22. Ковалева А.В. Нейрокогнитивные аспекты процессов тайминга и слухомоторной синхронизации // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 2. С. 82-92. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmf.2020090107>
23. Кожушко Н.Ю., Шайтор В.М., Пономарева Е.А., Бережная Н.Ф. Опыт применения транскраниальных микрополяризаций в комплексной терапии раннего детского аутизма // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2007. Т. 107. № 10. С. 47-51.

24. Королева И.В., Огородникова Е.А., Левин С.В., Пак С.П., Кузовков В.Е., Янов Ю.К. Использование психоакустических тестов для перцептивной оценки настройки процессора кохлеарного импланта у глухих пациентов // Вестник оториноларингологии. 2021. Т. 86. №1. С. 30-35 <https://doi.org/10.17116/otorino20218601130>
25. Литвиненко И.В., Колмакова К.А., Емелин А.Ю., Лобзин В.Ю. Первичные прогрессирующие афазии: клиничко-генетическая гетерогенность и сложность диагностики // Анналы клинической и экспериментальной неврологии. 2021. № 15(4) С. 66-77. DOI: <https://doi.org/10.54101/ACEN.2021.4.7>
26. Михайлова А.А., Белалов В.В., Дягилева Ю.О., Павленко В.Б. Особенности изменений тета-ритма ЭЭГ при восприятии речи у детей-сирот раннего возраста // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2020. № 51. С. 86-104. DOI:10.17223/19988591/51/5
27. Наумова И.В., Пашков А.В., Воеводина К.И., Фатахова М.Т. Восприятие речи и состояние порогов звуковосприятия у пациентов с кохлеарными имплантатами // Вестник оториноларингологии. 2022. Т. 87. №6. С. 11-13. https://doi.org/10.17116/otorino20228706_111
28. Николаева А.Ю., Строганова Т.А. Влияние лексико-семантической обработки глаголов движения рук и ног на указательные движения тех же конечностей // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2018. Т. 68. № 5. С. 627-636. DOI: 10.1134/S0044467718050118
29. Новикова М.Е. Индивидуально-личностные особенности речи младших дошкольников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2013. № 4. С. 85-91.
30. Павлова Н.Д., Пескова Е.А. Понимание интенционального подтекста речи адресатом // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 2. С. 74-82.
31. Переверзева Д.С., Мамохина У.А., Давыдова Е.Ю. и др. Особенности понимания речи у детей с расстройствами аутистического спектра младшего школьного возраста // Клиническая и специальная психология. 2021. Том 10. № 4. С. 137-161. DOI: 10.17759/cpse.2021100407
32. Петров С.М. Освоение восприятия речи пациентами с кохлеарными имплантами // Вестник оториноларингологии. 2005. № 3. С. 34-36.
33. Прихода Н.А. Оценка развития русского языка как стандартизованная методика диагностики коммуникативной функции у детей от 3 до 9 лет // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 3. С. 25-33. DOI: 10.17759/pse.2016210304
34. Рафикова А.С., Валуева Е.А., Панфилова А.С. Голос и психологические свойства человека // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 1. С. 195-215. DOI: 10.17323/1813-8918-2022-1-195-215
35. Скоробогатова Н.В., Лихачёва Н. Л., Пивненко В.В., Конакова М.С. Изучение когнитивных и волевых процессов у младших школьников с тяжелыми нарушениями речи // Перспективы науки и образования. 2020. № 3 (45). С. 379-395. DOI: 10.32744/pse.2020.3.28
36. Солница И., Кобоско И., Панковска А., Скаржиньски П.Х., Здога М., Скаржиньски Х. Эффективность слуховой тренировки лиц с частичной глухотой после кохлеарной имплантации по оценке пациентов и сурдопедагогов // Вестник оториноларингологии. 2014. № 4. С. 25-30.
37. Солодкова А.В. Исследования восприятия времени в современной психологии // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. №3. С. 77-85. DOI: 10.17759/jmfp.2017060309
38. Статников А.И. Синдромный анализ трудностей в понимании детьми логико-грамматических конструкций // Национальный психологический журнал. 2015. № 2 (18). С. 77-86. DOI: 10.11621/npj.2015.0208
39. Таварткиладзе Г.А. Современное состояние и перспективы развития кохлеарной имплантации // Вестник оториноларингологии. 2015. Т. 80. № 3. С. 4-9. DOI: 10.17116/otorino20158034-9
40. Тендрякова М.В. «Первобытное» мышление и мышление ребенка // Вопросы психологии. 2021. № 1. С. 92-105.

41. Терешин А.Е., Кирьянова В.В., Константинов К.В., Решетник Д.А. Возможности применения биоакустической коррекции для восстановления когнитивного дефицита при реабилитации пациентов с сосудистыми поражениями мозга // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2020. Т. 97. № 6-2. С. 126.
42. Устинин М.Н., Рыкунов С.Д., Бойко А.И., Тарасов Е.Ф., Журавлев И.В., Поликарпов М.А., Рябов Т.А., Филатов И.А., Юренин А.Ю., Панченко В.Я. Изучение восприятия письменной речи методом функциональной томографии по данным электроэнцефалографии // Математическая биология и биоинформатика. 2021. Т. 16. № 1. С. 1-14.
- Статья поступила в редакцию 03.03.2023

REVIEW OF RESEARCH ON THE PROBLEM OF PERCEPTION AND UNDERSTANDING OF SPEECH BY EAR

© Nadezhda A. Solovova

PhD (Psychology), Associate professor, Associate professor at the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
solovovana@gmail.com

The article presents an overview of Russian-language studies on the perception and understanding of oral speech. Articles published in the journals of the Higher Attestation Commission and the core of the RSCI over the past 20 years with a search in the title, abstract and keywords "speech perception", "speech understanding" are considered. Research published were analyzed and classified

Keywords: speech, perception, comprehension, research overview

REFERENCE

1. Alieva, T.I. (2019). Praktiki vnimatel'nosti i smyslopороzhdenija v obrazovatel'nom processe detskogo sada [*Practices of mindfulness and meaning generation in the educational process of kindergarten*]. Psihologo-pedagogicheskie issledovaniya [*Psychological and pedagogical research*]. V. 11. № 4. P. 99-109. DOI: 10.17759/psyedu. 2019110408
2. Arshavskij, Ju.I. (2021). Pamjat': aksiomatika i fakty [*Memory: axioms and facts*]. Zhurnal vysshej nervnoj dejatel'nosti im. I.P. Pavlova [*I.P. Pavlov Journal of higher nervous activity*]. V. 71. № 2. P. 184-201.
3. Belalov, V.V., Bazanova, O.M., Mihajlova, A.A., Djagileva, Ju.O., Pavlenko, V.B. (2020). Reaktivnost' Mju-ritma JeJeG pri vospriyatii rechi u detej v vozraste ot dvuh do treh s polovinoj let: vlijanie uslovij vospitaniya [*EEG mu rhythm reactivity during speech perception in children aged from two to three years: influence of rearing conditions*]. Zhurnal vysshej nervnoj dejatel'nosti im. I.P. Pavlova [*I.P. Pavlov Journal of higher nervous activity*]. V. 70. № 2. P. 193-205. DOI: 10.31857/S0044467720020045
4. Belous, E.N., Erofeeva, M.A. (2019). Osobennosti professional'noj kommunikativnoj kompetentnosti pedagogov v predmetnom

- obshhenii s obuchajushhimisja [*Features of professional communicative competence of teachers in subject communication with students*]. Perspektivy nauki i obrazovaniya [*Perspectives of science and education*]. № 4 (40). P. 126-140. DOI: 10.32744/pse.2019.4.11
5. Butorina, A.V., Shestakova, A.N., Nikolaeva, A.Ju., Stroganova, T.A., Shtyrov, Ju.Ju. (2012). Funkcional'noe kartirovanie rechevyh zon mozga cheloveka: perspektivy ispol'zovaniya metoda magnitoenkefalografii (MJeG) [*Magneto encephalography (MEG): perspectives of speech areas functional mapping in human subjects*]. Sovremennaja zarubezhnaja psihologija [*Journal of modern foreign psychology*]. V. 1. № 1. P. 103-114.
 6. Varga, M.E., Pavlova, O.G., Nosova, S.V. (2008). Funkcija scheta i ee predstavitel'stvo v temen-noj kore u cheloveka i zhivotnyh [*Computing function and its representation in the parietal cortex in humans and animals*]. Zhurnal vysshej nervnoj dejatel'nosti im. I.P. Pavlova [*I.P. Pavlov Journal of higher nervous activity*]. V. 58. № 6. P. 663-677.
 7. Vartanov, A.B., Shevchenko, A.O. (2022). Psihofiziologicheskie mehanizmy vnutrennego progovarivaniya fonem [*Psychophysiological mechanisms of internal pronunciation of fonemes*]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologija [*Moscow university psychology bulletin*]. № 1. P. 201-220. DOI: 10.11621/vsp.2022.01.09
 8. Vasenina, E.E., Levin, O.S. (2020). Narushenie rechi pri nejrodegenerativnyh zabolevaniyah kak proyavlenie disfazii [*Speech disorders in neurodegenerative diseases as dysphasia manifestation*]. Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova [*S.S. Korsakov journal of neurology and psychiatry*]. № 120(5). P. 50-59. <https://doi.org/10.17116/jnevro202012005150>
 9. Germer, P. (2018). Razvitie kompetencij u L2 prepodavatelej vo vremja studencheskih stazhirovok (oblast' kompetencii: jazyk prepodavatelja na zanjatii) [*Development of competencies of L2 teachers in student teacher internships (competence area: teacher language in the classroom)*]. Obrazovanie i samorazvitie [*The journal of education and self development*]. V. 13. № 1. P. 65-74. DOI: 10.26907/esd13.1.07
 10. Goncharov, O.A., Romanov, S.G. (2014). Razvitie kategorial'nogo vosprijatija cveta pri rechevyh rasstrojstvakh [*Development of categorical colour perception*]. Kul'turno-istoricheskaja psihologija [*Cultural-historical psychology*]. V. 10. № 2. P. 78-85.
 11. Gutkevich, E.V., Pustovaja, A.V. (2022). Dina-mika nejropsihologicheskikh pokazatelej razvitija funkcij II bloka mozga u detej s autizmom [*Dynamics of neuropsychological indicators of block II brain functions development in autistic children*]. Psihiatrija, psihoterapija i klinicheskaja psihologija [*Psychiatry, psychotherapy and clinical psychology*]. V. 13. № 4. P. 421-427. <https://doi.org/10.34883/PI.2022.13.4.006>
 12. Gutkevich, E.V., Pustovaja, A.V., Shushpanova, O.V., Chelysheva, L.V., Simashkova, N.V. (2022). Kliniko-nejropsihologicheskie osobennosti cerebral'noj organizacii podkorkovyh struktur v razvitii psihicheskikh rasstrojstv autisticheskogo spektra u detej [*Clinical and neuropsychological features of subcortical structures cerebral organization in the development of autism spectrum mental disorders in children*]. Klinicheskaja i special'naja psihologija [*Clinical psychology and special education*]. V. 11. № 3. P. 120-141. DOI: 10.17759/cpse.2022110305
 13. Dmitrieva, E.S., Gel'man, V.Ja., Zajceva, K.A., Orlov, A.M. (2012). Ocenka svyazi vosprijatija jemocional'noj intonacii rechi s komponentami jemocional'nogo intellekta [*Measuring the association between emotional prosody perception and emotional intelligence components*]. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki [*Psychology. Journal of the Higher school of economics*]. V. 9. № 1. P. 126-134.
 14. Dmitrieva, E.S., Gel'man, V.Ja. (2011). Svyaz' vosprijatija jemocional'noj intonacii rechi v uslovijah pomeh s akusticheskimi parametrami rechevogo signala u vzroslyh raznogo pola i

- vozrasta [Perception of emotional intonation of noisy speech signal with different acoustic parameters by adults of different age and gender]. Zhurnal vysshej nervnoj dejatel'nosti im. I.P. Pavlova [I.P. Pavlov Journal of higher nervous activity]. V. 61. № 3. P. 306-316.
15. Eliseeva, A.V., Strel'chuk, E.N. (2022). Vzaimosvjaz' vosprijatija i usvoenija audioinformacii v zavisimosti ot sposobov fiksacii pis'ma v jepohu cifrovizacii [The relationship between perception and assimilation of audio information depending on the methods of fixing writing in the ear digitalization]. Science for Education Today. V. 12, № 4. P. 163-182. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2204.08>
 16. Efimova, V.L., Efimov, O.I., Nikolaeva, E.I., Lysova, I.A. (2019). Osobennosti akusticheskikh stvolovykh vyzvannykh potencialov u detej s receptivnymi rechevymi narushenijami [Auditory brainstem evoked potentials in children with receptive language disorders]. Voprosy psihologii. № 6. P. 99-109.
 17. Zakrepina, A.V., Sidneva, Ju.G., Bratkova, M.V., Valiullina, S.A. (2020). Psihicheskaja aktivnost' u detej na rannem jetape reabilitacii posle ostryh tjazhelyh povrezhdenij golovnog mozga [Mental activity of the children during the early stage of rehabilitation after acute severe brain damage]. Voprosy kurortologii, fizioterapii i lechebnoj fizicheskoj kul'tury [Problems of balneology, physiotherapy and exercise therapy]. № 97(1). P. 51-59. <https://doi.org/10.17116/kurort20209701151>
 18. Izmajlov, Ch.A., Chernorizov, A.M. (2005). Jazyk vosprijatija i mozg [The language of perception and the brain]. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki [Psychology. Journal of the higher school of economics]. V. 2. № 4. P. 22-52.
 19. Il'enkov, Je.V. (2021). K rabote Meshherjakova (posleslovie i primechanija A.D. Majdanskogo) [On the work of Meshcheryakov (Afterword and notes by A.D. Maidansky)]. Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija [Counseling psychology and psychotherapy]. V. 29. № 4. P. 164-174 DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290410>
 20. Karapetjan, S.G., Kirakosjan, A.A. (2022). Problema semanticheskoy disleksii u mladshih shkol'nikov s obshhim nedorazvitiem rechi [The problem of semantic dyslexia in school-children with general speech impairment]. Science for Education Today. V. 12. № 1. P. 150-163. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2201.07>
 21. Kiseleva, M.G. (2017). Psihologicheskie osobennosti detej vtorogo goda zhizni s vrozhdennymi porokami serdca [Psychological characteristics of children of the second year of life with congenital heart disease]. Bjulleten' NCSSH im. A.N. Bakuleva RAMN [The Bulletin of Bakoulev Center Cardiovascular Diseases]. № 18 (5). P. 501-506. DOI: [10.24022/1810-0694-2017-18-5-501-506](https://doi.org/10.24022/1810-0694-2017-18-5-501-506)
 22. Kovaleva, A.V. (2020). Nejrokognitivnye aspekty processov tajminga i sluhomotornoj sinhronizacii [Neurocognitive aspects of timing and sensorimotor synchronization]. Sovremennaja zarubezhnaja psihologija [Journal of modern foreign psychology]. V. 9. № 2. P. 82-92. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090107>
 23. Kozhushko, N.Ju., Shajtor, V.M., Ponomareva, E.A., Berezhnaja, N.F. (2007). Opyt primeneniya transkraniial'nyh mikropoljarizacij v kompleksnoj terapii rannego detskogo autizma [Transcranial micropolarization in the cortex therapy of early autism]. Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. C.C. Korsakova [S.S Korsakov journal of neurology and psychiatry]. V. 107. № 10. P. 47-51.
 24. Koroleva, I.V., Ogorodnikova, E.A., Levin, S.V., Pak, S.P., Kuzovkov, V.E., Janov, Ju.K. (2021). Ispol'zovanie psihoakusticheskikh testov dlja perceptivnoj ocenki nastrojki procesora kohlearnogo implanta u gluhih pacientov [Psychoacoustic tests for perceptual assessment of processor fitting in patients with cochlear implants]. Vestnik otorinolaringologii [Bulletin of Otorhinolaryngology]. V. 86. № 1. P. 30-35 <https://doi.org/10.17116/otorino20218601130>

25. Litvinenko, I.V., Kolmakova, K.A., Emelin, A.Ju., Lobzin, V.Ju. (2021). Pervichnye progressirujushhie afazii: kliniko-geneticheskaja geterogenost' i slozhnost' diagnostiki [*Primary progressive aphasia: clinical and genetic heterogeneity and diagnostic difficulties*]. *Annaly klinicheskoy i jeksperimental'noj nevrologii* [*Annals of clinical and experimental neurology*]. № 15(4). P. 66-77. DOI: <https://doi.org/10.54101/ACEN.2021.4.7>
26. Mihajlova, A.A., Belalov, V.V., Djagileva, Ju.O., Pavlenko, V.B. (2020). Osobennosti izmene-nij teta-ritma JeJeG pri vosprijatii rechi u detej-sirot rannego vozrasta [*Patterns of the EEG theta rhythm modulations when attending to speech by orphans in early childhood*]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Biologija* [*Tomsk state university journal of biology*]. № 51. P. 86-104. DOI: 10.17223/19988591/51/5
27. Naumova, I.V., Pashkov, A.V., Voevodina, K.I., Fatahova, M.T. (2022). Vosprijatie rechi i sostojanie porogov zvukovosprijatija u pacientov s kohlearnymi implantatami [*Speech perception and the state of sound perception thresholds in patients with cochlear implants*]. *Vestnik otorinolaringologii* [*Bulletin of Otorhinolaryngology*]. V. 87. №6. P. 11-13. <https://doi.org/10.17116/otorino20228706111>
28. Nikolaeva, A.Ju., Stroganova, T.A. (2018). Vlijanie leksiko-semanticheskoy obrabotki glagolov dvizhenija ruk i nog na ukazatel'nye dvizhenija teh zhe konechnostej [*Processing of action-related verbs non-specifically affects the initiation and execution of arm- and leg-reaching movements*]. *Zhurnal vysshej nervnoj dejatel'nosti im. I.P. Pavlova* [*I.P. Pavlov Journal of higher nervous activity*]. V. 68. № 5. P. 627-636. DOI: 10.1134/S0044467718050118
29. Novikova, M.E. (2013). Individual'no-lichnostnye osobennosti rechi mladshih doskol'nikov [*Individually-personal peculiarities of younger preschoolers' speech*]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Psihologija i pedagogika* [*RUDN journal of psychology and pedagogics*]. № 4. P. 85-91.
30. Pavlova, N.D., Peskova, E.A. (2012). Ponimanie in-tencional'nogo podteksta rechi adresatom [*Understanding of intentional speech subtext by a listener*]. *Jeksperimental'naja psihologija* [*Experimental psychology*]. V. 5. № 2. P. 74-82.
31. Pereverzeva, D.S., Mamohina, U.A., Davydova, E.Ju. i dr. (2021). Osobennosti ponimaniya rechi u detej s rasstrojstvami autisticheskogo spektra mladshego shkol'nogo vozrasta [*Receptive language in primary-school-aged children with autism spectrum disorder*]. *Klinicheskaja i special'naja psihologija* [*Clinical psychology and special education*]. V. 10. № 4. P. 137-161. DOI: 10.17759/cpse.2021100407
32. Petrov, S.M. (2005). Osvoenie vosprijatija rechi pa-cientami s kohlearnymi implantami [*Speech apprehensibility in patients with cochlear implants*]. *Vestnik otorinolaringologii* [*Bulletin of Otorhinolaryngology*]. № 3. P. 34-36.
33. Prihoda, N.A. (2016). Ocenka razvitiya russkogo jazyka kak standartizovannaja metodika di-agnostiki kommunikativnoj funkcii u de-tej ot 3 do 9 let [*Russian language development assessment as a standardized technique for assessing communicative function in children aged 3–9 years*]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie* [*Psychological science and education*]. V. 21. № 3. P. 25-33. DOI: 10.17759/pse.2016210304
34. Rafikova, A.S., Valueva, E.A., Panfilova, A.S. (2022). Golos i psihologicheskie svoystva cheloveka [*Voice and psychological characteristics*]. *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki* [*Psychology. Journal of the Higher school of economics*]. V.19. № 1. P. 195-215. DOI: 10.17323/1813-8918-2022-1-195-215
35. Skorobogatova, N.V., Lihachjova, N. L., Pivnenko, V.V., Konakova, M.S. (2020). Izuchenie kognitivnyh i volevyh processov u mladshih shkol'nikov s tjazhelymi narushenijami rechi [*The study of cognitive and volitional processes in primary school children with severe speech impairment*]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [*Perspectives of science*]

- and education]. № 3 (45). P. 379-395. DOI: 10.32744/pse.2020.3.28
36. Solnica, I., Kobosko, I., Pankovska, A., Skarzhin'ski, P.H., Zdoga, M., Skarzhin'ski, H. (2014). Jeftektivnost' sluhovoj trenirovki lic s chastichnoj gluhotoj posle kohlearnoj implantacii po ocenke pacientov i surdopedagogov [The effectiveness of the auditory training of the subjects presenting with partial deafness following cochlear implantation as reported by the patients and speech therapists]. Vestnik otorinolaringologii [Bulletin of Otorhinolaryngology]. № 4. P. 25-30.
37. Solodkova, A.V. (2017). Issledovaniya vospriyatija vremeni v sovremennoj psihologii [Study of time perception in modern psychology]. Sovremennaja zarubezhnaja psihologija [Journal of modern foreign psychology]. V. 6. №3. P. 77-85. DOI: 10.17759/jmfp. 2017060309
38. Statnikov, A.I. (2015). Sindromnyj analiz trudnostej v ponimanii det'mi logiko-grammaticheskikh konstrukcij [Syndrome analysis of difficulties in comprehending logical grammatical constructions by children]. Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal [National psychological journal]. № 2 (18). P. 77-86. DOI: 10.11621/npj.2015.0208
39. Tavartkiladze, G.A. (2015). Sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija kohlearnoj implantacii [The current state and prospects of the development of cochlear implantation]. Vestnik otorinolaringologii [Bulletin of Otorhinolaryngology]. V. 80. № 3. P. 4-9. DOI: 10.17116/otorino20158034-9
40. Tendrjakova, M.V. (2021). «Pervobytnoe» myshlenie i myshlenie rebenka [“Mythological” thinking and thinking of a child: crossing parallels]. Voprosy psihologii. № 1. P. 92-105.
41. Tereshin, A.E., Kir'janova, V.V., Konstantinov, K.V., Reshetnik, D.A. (2020). Vozmozhnosti primeneniya bioakusticheskoj korrekcii dlja vosstanovleniya kognitivnogo deficita pri reabilitacii pacientov s sosudistymi porazhenijami mozga [Possibilities of application of bioacoustics correction for recovery of cognitive deficiency during rehabilitation of patients with vascular lesions of the brain]. Voprosy kurortologii, fizioterapii i lechebnoj fizicheskoj kul'tury [Problems of balneology, physiotherapy and exercise therapy]. V. 97. № 6-2. P. 126.
42. Ustinin, M.N., Rykunov, S.D., Bojko, A.I., Tarasov, E.F., Zhuravlev, I.V., Polikarpov, M.A., Rjabov, T.A., Filatov, I.A., Jurenja, A.Ju., Panchenko, V.Ja. (2021). Izuchenie vospriyatija pis'mennoj rechi metodom funkcional'noj tomografii po dannym jelektrojencefalografii [Study of the perception of written speech using functional tomography based on electroencephalography data]. Matematicheskaja biologija i bioinformatika [Mathematical biology and bioinformatics]. V. 16. № 1. P. 1-14.

The article was received 03.03.2023

ПСИХОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

ПСИХОЛОГИЯ В КОНТУРАХ ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ

Прологомены к учебнику для аспирантов

(Часть 2)

© **Аллахвердов В.М.**

Д.пс.н., профессор, кафедра общей психологии,
факультет психологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
vimiall@gmail.com

Этическая проблема, или проблема свободы воли

Опыт учит нас, что в мире есть некая стабильность – если бы всё мгновенно изменялось, мы бы не только не могли бы найти дом, в котором живем, но и не могли бы вспомнить, кто я такой, который жил в этом доме. Есть в мире регулярность изменений – день сменяется ночью, маленькие дети становятся взрослыми и т. п. Предшествующие события влияют на последующие. Но раз существует влияние прошлого на будущее, то это значит, что не все в мире случайно. Г. Лейбниц сформулировал *великое начало разума*: ничто не совершается без причины или достаточного основания.

Люди стараются всё объяснять и найти всему причину. Даже маленькие дети, как показал Ж. Пиаже, объясняют всё *во что бы то ни стало*. Например: Луна не падает, потому что прибита гвоздиками или висит на вешалке. Не так важно, верно или неверно их объяснение, важно, что они всегда всё объясняют.

Даже если в реальности что-то протекает совершенно случайно, а человек произвольно придумывает причину, то предсказание на основе выдуманной причины будет ничем не хуже, чем предсказание наобум. А вот если в конкретной ситуации реально действует какая-то причина, то человек, будучи уверенным в ее существовании, быстрее ее найдет. Наука поэтому предполагает, что все события в мире

взаимосвязаны и причинно обусловлены (эта позиция называется *детерминизмом*) и ищет непосредственно ненаблюдаемые причины у наблюдаемых явлений. Если это предположение неверно, то наука не могла бы находить ни взаимосвязи явлений, ни причины событий. Математик А. Пуанкаре так выразил общее мнение ученых: *«Мир, в котором не царит детерминизм, закрыт для науки»*. Не менее категоричен З. Фрейд: *«В области психического нет ничего произвольного, недетерминированного»*. Пока мы находимся в зоне науки, то автоматически принимаем, что ничто не совершается без причины.

Психологи тоже пытаются объяснять поведение людей, определяя причины их поведения. Достигнутые успехи подтверждают правомерность такого подхода. Отсюда **первый тезис**: Все действия человека детерминированы, причинно обусловлены. Если бы это было не так, то никакая наука и, в частности, наука о человеке была бы невозможна. Разве можно предсказывать поведение, если действия ничем не вызваны?

Однако тут как раз и возникает этическая проблема. Мы должны тогда признать, что и добрые, и злые дела люди делают по необходимости. За что же тогда их хвалить или обвинять? Гении, герои и преступники лишь вынужденно, в силу не зависящих от них обстоятельств, создают шедевры, совершают героические

поступки или, наоборот, преступления. А потому так же ответственны за содеянное, как за место своего рождения. За что же мы их почитаем или наказываем? Вольтер поясняет: преступники вынуждены совершать преступления, но и мы вынуждены их наказывать. Такой ответ, однако, не выглядит решением проблемы. Позиция культуры – признание, что сознание обладает собственной активностью, а потому человек ответствен за свои действия.

Сам человек чувствует, что обладает свободой воли и может совершать поступки, никем и ничем ему не навязываемые. Более того, когда мы сознательно не управляем и не контролируем свое поведение, то, по определению юристов, мы находимся в невменяемом состоянии и не несем ответственности за свои действия. Свобода воли не случайно объявлена Верховным судом США «всеобщим и неизменным» основанием системы права. Если свободы нет, то ни мое сознание, ни моя личность не принимают никаких самостоятельных решений. В это невозможно поверить. Гимн свободе поют поэты и музыканты. О свободе говорят философы и психологи.

Отсюда **второй тезис**: Человек осознает, что во многом способен сам управлять своим поведением, принимать самостоятельные решения и совершать свободные, ничем не вынужденные (т.е. ничем не детерминированные) действия и несет за них ответственность. Хотелось бы принять оба тезиса, но они плохо совместимы друг с другом! Как разрешить логический парадокс?

Сходная проблема возникает в религиозных учениях, только они говорят не о причинности в природе или Вселенной, а о единственной причине всего сущего – о Боге. Одни христиане (Августин, М. Лютер и мн. др.) считают, что свободы воли не может быть, поскольку все решается по воле всемогущего и всезнающего Творца. Эразм же, напротив, утверждает, что свобода воли признается уже в библии: *Бог показывает, что хорошо и что плохо, показывает награду за то и за другое: смерть и жизнь. Он оставляет человеку свободу выбора.*

Итак, тезисы о детерминизме и свободе воли несоединимы. Как быть?

Версия 1. Отвержение свободной воли. Мозг, полагают вслед за И. М. Сеченовым сторонники этой точки зрения, – всего лишь машина, пусть и очень сложная. И, как всякая машина, мозг может работать только по строго заданным алгоритмам и принимать исключительно детерминированные решения. Психика и сознание не могут сами без работы мозга ни отменять принятые мозгом решения, ни вообще что-либо делать. Поэтому поведение человека всегда детерминировано, хотя ему самому и кажется, что он свободен. Свобода – это просто самообман. Так писал Сеченов, так повторяли его последователи. Итак, мы рабы мозга? Или иначе, как остроумно заметил А.Н. Поддьяков, «я у мозга дурачок»?

Но зачем тогда мозг нас обманывает и порождает чувство, что мы сами управляем своим поведением? Утрата этого чувства, между прочим, является серьезной психической патологией. Философ Б. Спиноза объясняет это так: *«Люди по той причине считают себя свободными, что свои действия они сознают, а причин, которыми они определяются, не знают»*. Физиолог П.В. Симонов развивает идею Спинозы. Только по Симонову, принципиально не осознаются критические моменты творчества. Эта неосознаваемость необходима, чтобы противостоять консерватизму сознания. Именно в эти моменты как раз и возникает иллюзия свободы.

Но почему только в эти моменты? Человек, напомним, вообще не способен осознавать, как мысли приходят в его сознание. Человек не осознает физиологических процессов в его организме, хотя они влияют на его сознание. Тем не менее результат такого влияния не осознается им как акт свободного выбора. Отнюдь не все, что дано сознанию, воспринимается носителем сознания как собственный произвольный выбор. Одни явления сознания сопровождаются у него чувством свободы, а другие – нет. «Иллюзия свободного волеизъявления» остается необъясненной.

Оппоненты этой версии вопрошают: стоит ли ради не до конца продуманной идеи отказываться от достижений культуры, опирающихся на постулат свободы? Отказываться от ответственности личности за свои поступки?

Версия 2. Смягчение тезиса о причинной обусловленности явлений.

Д. Юм, наверное, первым обратил внимание на то, что причины не даны нам в опыте. Утверждение, что установленные причинно-следственные связи (например, восход Солнца утром на востоке вследствие вращения Земли) сохраняются и *завтра*, не опирается на опыт, так как то, что будет завтра, *сегодня* не может быть наблюдаемо. Другое дело, что мы уверены, что завтра так и будет. Таково свойство разума – он всему приписывает причины и верит в стабильность их действия. Но, может быть, в мире нет никаких причин, это все наши выдумки?

Однако житейский опыт и достижения науки не позволяют полностью отрицать причинные объяснения и наличие взаимосвязи явлений. Наши гипотезы о мире все-таки чаще подтверждаются. Природа не является неупорядоченным хаосом. Иначе жизнь была бы просто невозможна. Но упорядоченность может быть разной. Она может не быть такой жесткой, где будущее строго предопределено прошлым. Она может быть, например, вероятностной.

Так, квантовая механика признала, что поведение отдельного электрона принципиально непредсказуемо. Однако вид дифракционной картины, образованной потоком электронов с заданным импульсом, определяется статистически однозначно. Ага! Не объясняет ли неопределенность поведения конкретных микрочастиц свободу воли? Это допускает физиолог Алексей Иваницкий: *Размеры синаптических щелей* (синаптическая щель – полость между двумя соседними нейронами от 20 до 30 нанометров шириной) настолько малы, что они не исключают возможности подчинения происходящих в них событий законам квантовой механики с ее лишь статистической, вероятностной детерминацией.

Но тогда мы должны признать, что человек обладает свободой воли в той мере, в какой ей

обладает электрон. И преступники не виноваты в своих злодеяниях – просто у них электрон не туда полетел. Пусть робот, выбирающий действие из имеющихся у него вариантов, совершает свой выбор на основе полета конкретного электрона или, что почти эквивалентно, по таблице случайных чисел. Его действия будут совершенно непредсказуемы, но можно ли их назвать свободными? Нет, ведь эти действия строго детерминированы электроном или таблицей случайных чисел.

Можно ли предчувствовать судьбу другого человека? Один из лидеров импрессионистов Камиль Писсарро в письме к сыну признался после смерти Ван Гога: *«Я заранее знал, что Ван Гог либо сойдет с ума, либо оставит всех нас далеко позади. Но не ожидал, что он сделает и то, и другое»*. Если подобные предчувствия возможны, то свободы выбора нет?

Иногда говорят о множественном детерминизме. На человека действует множество причин, а свобода в том, что он имеет возможность выбирать одну из них. Однако на любое физическое тело действует множество причин. Разные силы тянут его в разные стороны. Тело же не выбирает, а будет вести себя в соответствии с равнодействующей всех сил. Если человек делает выбор между разными альтернативами поведения, то он делает этот выбор по каким-то причинам (например, оценив последствия каждого действия и выбрав наилучший вариант). Но тогда выбор предопределен и свободы нет. А если нет оснований для выбора, человек и не сможет его сделать. Даже если он бросит жребий, чтобы выбрать, то опять свободы нет. Причиной выбора становится результат жребия.

Версия 3. Признание и детерминизма, и свободы воли, но отказ от поиска логического решения проблемы.

Так решается эта проблема в религиозных системах. Талмуд, например, утверждает: все предвидено Богом, но воля дана. Как это понимать? Адам и Ева сорвали яблоко с дерева познания, за что и они, и их потомки были наказаны изгнанием из рая, а потом и смертью не только их самих, но и их потомков. Воля дана, это был их свободный выбор. Но все предвидено,

значит, Бог заранее создал их такими и знал, что они ослушаются и сорвут яблоко с древа познания? За что тогда наказаны они и всё человечество?

Согласно Корану, власть Аллаха настолько совершенна, что в его владениях происходит только то, что ему угодно. Человек, однако, отличается от других созданий, ибо он согласился нести ответственность за свои слова и поступки. Поэтому Бог наделил его свободной волей. Однако его воля подчинена воле Бога. Человек не может пожелать чего-либо, если этого не захочет Аллах. Всевышний знает, что человек в такое-то время и в таком-то месте поступит так, а не иначе, но не принуждает его это сделать. Таким образом, мусульмане верят, что все, что должно случиться, «уже заранее записано», но свободная воля, тем не менее, дана.

Аналогично рассуждает Р. Декарт. Мол, всё предопределено божественным провидением, иначе говоря, необходимо. Но людям присуща свобода. Мы не можем логически согласовать эти два противоречащих утверждения друг с другом? Что ж! Нашим конечным умом не понять бесконечное могущество Бога.

Более тонкое объяснение дает Кант. Он говорит: *Всякий опыт подчиняется законам природы, а свобода этим законам не подчиняется. Разум может только мыслить о свободе, но в опыте с ней не сталкивается. А там, где прекращается определение по законам природы, нет места также и объяснению, и не остается ничего, кроме защиты, т. е. устранения возражений тех, кто утверждает, будто глубже вник в сущность вещей, и потому дерзко объявляет свободу невозможной.* Несмотря на логическую неясность, признание и детерминизма, и свободы воли без объяснения, как это сочетается друг с другом, более всего понравилось психологам и весьма часто встречается в психологических построениях. По мнению Карла Роджерса, человек использует абсолютную свободу, когда спонтанно, свободно и добровольно выбирает и желает того, что абсолютно детерминировано.

Экзистенциальные психологи различают два вида детерминации: внешнюю, когда причины,

детерминирующие поведение человека, связаны с объективными условиями, и внутреннюю, обусловленную причинами, находящимися внутри нашего «Я». В. Франкл поясняет: *«Вы забрались на высокую гору, и у вас возникло чувство подавленности и тревоги. Если эти чувства вызваны недостатком кислорода, то это действие объективной причины. Но эти чувства могут быть вызваны субъективными причинами в случае сомнения в своем снаряжении или тренированности».*

Но этот пример ничего не проясняет! Субъективные причины ведь тоже чем-то вызваны. Если они беспричинны, то с чего вдруг появились? А если они вызваны какими-то причинами, то свободы нет. Не все студенты видят проблему. Они говорят: я знаю, что я свободен, потому что могу делать, что хочу. Стоп! А это хотение вызвано какими-то причинами? Если да, то в чем заключается свобода? Если нет, то с чего вдруг это хотение возникло?

Как, однако, человек может принимать решение при совместном действии внешних и внутренних факторов? Объективные условия требуют действия А, а субъективные причины – действия Б. Как должен повести себя человек? Должен существовать какой-то алгоритм принятия решения: например, сравни силу действия причин и подчиняйся «более сильной», а в случае невозможности выбрать более сильную причину используй случайный выбор. Но если такой или подобный ему алгоритм принятия решения существует, то, значит, никакой свободы нет. А если предположить обратное и считать, что алгоритма принятия решения не существует, то каким образом вообще может быть принято решение?

Замените в тексте психологов «объективные условия» на «необходимость», а «субъективные причины» на свободу воли, и вы придете просто к признанию, что и то, и другое существует. Но именно об этом и говорится в текстах Священных писаний и многих философов. Наверное, это понимает Виктор Франкл, выдвигая заведомо противоречивый лозунг: *«свобода, несмотря на детерминизм».* Он пишет: *Как невролог, я ручаюсь, что вполне*

правомерно рассматривать компьютер как модель, скажем, центральной нервной системы. Человек – это компьютер (т.е. строго детерминированная машина), но одновременно он нечто бесконечно большее, чем компьютер, большее в ином измерении.

Мы догадываемся, что верны обе стороны дилеммы: и детерминизм, и свобода. Но необходимо найти логичное согласование этих двух противоречащих позиций.

Психология призвана решить эту и другие вечные проблемы, иначе она никогда не станет полноценной наукой и будет находиться в вечном кризисе. Пока же чаще всего теоретики, уставшие от поисков решения вечных проблем, стараются их не замечать или не обращать на них внимание. Они бегут от вечных проблем сознания, как черт от ладана. Так, например, самый известный современный лингвист Н. Хомский предлагает не мучиться проблемой свободы воли, поскольку в течение веков не было никакого продвижения в ее решении.

Нерешенность вечных проблем ставит психологию в весьма затруднительное положение. У. Джеймс в XIX в. сравнивал психологию с физикой до Галилея и с химией до Лавуазье. Более поздние исследователи находят сравнение разве лишь с более ранними периодами в истории науки. Пожалуй, нет ни одной области психологии, в которой бы считалось, что найдены более-менее приемлемые решения.

Без особого труда можно подобрать высказывания, в которых речь будет идти о внимании, творчестве, эмоциях, общении, воле и т. п. Л.С. Выготский в первой четверти XX в. соглашается с Э. Торндайком: психология как наука гораздо ближе к нулю, чем к совершенству. За прошедшее время было получено море первоклассных результатов, но и спустя сто лет можно повторить эту оценку.

Прежде чем искать иные версии решения вечных проблем, приглядимся к используемым терминам.

Терминологическая неразбериха как следствие нерешенных проблем

Слова обиходного языка чрезвычайно многозначны. Точно указать границы использования какого-либо слова в языке невозможно. Возьмем, например, слово «сила». Не определить, что общего во всех словосочетаниях, которые легко поймет носитель русского языка: «сила судьбы», «красота – это страшная сила», «нечистая сила», «сила воображения», «делать через силу», «закон обратной силы не имеет», «отсюда до города от силы 30 км», «сила слабости», «слабость силы», «с безумной силою я тихо повторяю...», «хозяйственные силы страны», «вступать в силу», «в силу полисемии», «сил нет, как он мне надоел», «лошадиная сила», «он сильно упал в моих глазах» и т. д. Мы далее еще обсудим, как сознание способно не запутаться во всей подобной многозначности.

Наука, однако, предпочитает использовать однозначные термины. Выделяются два типа научных терминов. Эмпирические термины обозначают наблюдаемые явления и обычно не вызывают трудностей в их понимании. Теоретические термины обозначают ненаблюдаемые конструкты, предназначенные для объяснения наблюдаемых явлений. Поэтому теоретические термины понимаются однозначно только тогда, когда они включены в теорию, объясняющую эти явления. Спор о значении теоретических терминов без опоры на конкретную теорию бессодержателен.

Воплощение в реальности теоретического термина, перевод его в наблюдаемую и измеряемую величину называется *операционализацией* этого термина. Например, «фаза» может определяться в физике как то, что стоит под знаком косинуса в уравнении колебательного движения. Масса – теоретический термин, но, указав способ ее измерения, можем однозначно говорить о массе картошки, Луны, леопарда и т. д. Но нельзя однозначно говорить о массе идей или впечатлений, поскольку способ измерения этих масс неизвестен. Часто для удобства запоминания в названии теоретических терминов используются слова обиходного языка:

сила, работа, поле, волна и т.п. Однако никакого отношения к значениям этих слов в естественном языке эти термины не имеют. Физическое поле нельзя вспахать, цветом кварка нельзя насладиться, а на радиоволнах не приплыть к берегу.

Большинство психологических терминов также заимствованы из обывденного языка, но, к сожалению, сохраняют присущую этим терминам многозначность. Ключевое понятие психологической науки – сознание – имеет едва ли не сотню разных значений:

- как идеальное оно находится в оппозиции к материальному (чаще всего в философии);
- как осознанное – в оппозиции к бессознательному (чаще в психологии);
- как состояние бодрствования – в оппозиции к состоянию сна или комы (чаще в физиологии);
- как выражаемое в словах (вербальное) – к словесно невыразимому (в лингвистике);
- как рациональное – в оппозиции к стихийному (в социологии);
- как способность управлять, контролировать и давать отчет о своем поведении – противоположное состояние именуется невменяемостью (в юриспруденции).
- как проявление исключительно человеческой психики – в оппозиции к психике животных;
- как нечто качественное, как некий «луч», освещающий психические процессы;
- как нечто количественное, подлежащее измерению: например, объем сознания, время сознательной реакции и пр.

Этот перечень далеко не полон. Ведь еще говорят об уровнях сознания, об измененных состояниях сознания. Сознание рассматривается то как механизм в процессе переработки информации, то как процесс, отождествляемый с кратковременной памятью, вниманием или мышлением, то как полученное в результате содержание информации (которое высвечивается на «экране сознания»). А еще есть самосознание, коллективное сознание, историческое сознание, политическое сознание и пр., и пр.

Можно понять психолога А. Бэна, который уже в XIX в. назвал сознание самым запутанным словом в человеческом лексиконе. Всё усложняется тем, что большинство трактовок, к тому же, противоречат друг другу. В результате этой разногласии не может существовать такого определения термина «сознание», которое бы соответствовало всем его употреблениям. Как, например, решить, сновидение является феноменом сознания или нет? Оно идеально, может содержать словесные высказывания, частично осознается, но во многом стихийно и происходит во сне.

Как правило, в дальнейшем термин «сознание» будет использоваться далее в двух разных смыслах: сознание как эмпирическое явление, данное каждому в его опыте, т. е. как осознание, и сознание как теоретический конструкт, объясняющий работу сознания с поступающими в него представлениями. Впервые такое разделение вводит И. Гербарт. Для него это важно, так он избегает противоречия, утверждая, что неосознанные представления хранятся в сознании. Противоречие снимается, если понимать сознание как теоретический конструкт.

Когда М.К. Мамардашвили пишет: *«сознание есть нечто такое, о чем мы как люди знаем всё, а как ученые не знаем ничего»*, он, по сути, сравнивает сознание как известное всем из опыта явление с теоретическим конструктом, о котором мы толком ничего не знаем.

Психологи любят путать теоретические конструкты с эмпирическими явлениями. Это, например, происходит тогда, когда конструкт выводят из этимологии слова естественного языка. Часто утверждают, что сознание обозначает со-знание, т.е. совместное знание. Это столь же доказательно, как утверждение, что спина – это то, на чем спят. Дело даже не в том, что Демокрит (как считают, впервые введший это слово в употребление) вряд ли лучше понимал, что такое сознание, чем мы сегодня. И даже не в том, что приставка «со» редко выражает совместность (например, сомнение – отнюдь не совместное мнение, да и согнуться не всегда нужно вместе с кем-нибудь). Совместное знание – это непосредственно не

наблюдаемый конструкт. А слово обычного языка в лучшем случае отражает лишь аспект какого-то наблюдаемого явления и не имеет прямого отношения к теоретическому конструкту. Как волна на море не поможет нам понять волну в квантовой механике, так и со-знание, частично отражая нечто наблюдаемое, не помогает в выработке теоретического представления о сознании.

Иногда все-таки дают определение термина «сознание» как теоретического конструкта, но лучше от этого не становится. В качестве курьеза приведем впечатляющее определение из учебного пособия по экологии: *«Сознание – это свойство передвигающихся животных»*. Но ведь и другие попытки не слишком удачны.

Вот начало известного, идущего с советских времен определения, до сих пор встречающегося в словарях и учебниках: *«Сознание – высшая форма отражения действительности...»*. Слово «высшая» не обозначает здесь ничего, поскольку критерий высоты формы никак не задан. Как, например, решить, у дельфинов или сумасшедших – высшая форма отражения или не совсем? А у луноходов или компьютеров? А эталон метра – это разве не высшая форма отражения метра? Под формой при этом на самом деле имеют в виду вовсе не форму, а содержание, поскольку речь далее в определении идет об образах, понятиях и т. д. Слово «форма» – по сути, эвфемизм, оно нужно только для того, чтобы не сказать о «высшем содержании». И, наконец, даже сторонники данного определения признают, что отражение – это не в буквальном смысле зеркальное отражение, не вмятина на кастрюле после удара по ней молотком, а нечто совсем иное, чем это обычно понимается. Что дает такое определение?

Можно хотя бы попытаться объяснить, что сознание делает. Однако и об этом никто толком не знает. Известные исследователи Р. Герриг и Ф. Зимбардо рассуждают о роли сознания в учебнике, выдержавшем, по меньшей мере, 16 изданий в США, последние из которых напечатаны уже в XXI в.

Сознание способствует выживанию человеческого рода, помогает адаптироваться к

окружающей среде, спасает от информационных перегрузок. Оно развивалось в условиях суровой борьбы с самой враждебной силой своей эволюционной среды – с другими людьми. Те, кто изобрел язык и орудия труда, выиграли главный приз выживания самого приспособленного ума и, к счастью, передали его нам...

Сказано красиво (все-таки замечательные авторы!), но только кажется, что понятно. Что, например, имеют в виду авторы учебника под словами «адаптироваться к среде»? Как определить, кто лучше адаптировался к среде – застрелившийся в 37 лет Ван Гог, одаривший нас великими картинами, или врач и живописец-любитель доктор Гаше, лечивший Ван Гога от приступов безумия и проживший 80 лет? Больной Чехов, едущий на Сахалин переписывать каторжан, или здоровые ямщики, которые везли его по Сибири? Ясного критерия адаптации нет. Благодаря сознанию человек способен к самопожертвованию. Это тоже адаптация? Пишет В. Франкл: *«Опасно считать, что человек стремится достичь приспособления, равновесия со средой (что в буквальном смысле и есть адаптация)»*. Еще более жестко пишет К. Гольдштейн: *«Люди, жаждущие достичь равновесия, явно патологичны»*. Продолжает Г. Олпорт: *«В интересах таких людей нет ничего созидательного, они не способны переносить страдание»*.

Разве сознание – это инструмент, предназначенный для выживания в непрерывной и суровой борьбе организмов за жизнь? Многие авторы утверждают, что для непосредственного решения задачи жизнеобеспечения сознание не только не нужно, оно даже мешает, нарушая спасительные автоматизмы организма. Так, люди, попав в катастрофу, часто погибают не от непосредственного физического воздействия, а от ужаса, который охватывает их сознание.

А уж представление об информационных перегрузках в цитируемом учебнике выглядит особенно таинственным. Что именно перегружается? Неужели мозг? В коре головного мозга человека примерно 10^{10} нейронов (некоторые авторы оценивали даже, как 10^{14}). Точное число установить невозможно. Нейроны в небольшом

объеме мозга соединены друг с другом нервными волокнами протяженностью более ста тысяч километров, они могут с помощью синапсов вступать в 10^{24} контактов с другими нейронами. В мозге, кроме того, имеется не меньшее, чем нейронов, число глиальных клеток (мозг Эйнштейна отличался от обычного мозга большим числом именно этих клеток). При этом мозг, потребляя энергии не более, чем лампочка мощностью в 15 ватт, способен, по расчетам Р. Курцвейла – технического директора Google – выполнять 100 триллионов операций в секунду. Как при таких возможностях мозга происходит перегрузка?

Авторы поясняют: Сознание сокращает информационные потоки, отсекая ненужную информацию; избирательно хранит информацию; планирует поведение. Однако для того, чтобы отсечь ненужную информацию, ее надо принять, переработать, чтобы оценить, какая, собственно, нужна, а потом отсечь. Как это уменьшает информационную нагрузку? Предполагается при этом, что можно осознанно решить, какую информацию из всего поступающего потока не следует осознавать. Но как возможно что-то осознанно не осознавать? Непонятно также, почему сознательное планирование на основе ограниченной информации лучше, чем планирование на основе всей поступившей.

Однако читаем дальше: *Сознание предоставляет огромный потенциал для гибких реакций на изменяющиеся требования жизни... Создаваемый сознанием субъективный конструкт реальности – это уникальная интерпретация текущей ситуации, основанная на знании, прошлом опыте, потребностях, ценностях, целях субъекта. Этот конструкт должен быть относительно устойчивым, чтобы ощущение себя сохраняло целостность.*

По отдельности сказанное вроде бы выглядит гладко. Но если сопоставить высказывания друг с другом, то получим нечто странное. Словами «субъективный» и «уникальный» только сделан вид, будто в сознании как-то самостоятельно строятся конструкты, – на самом деле утверждается обратное: конструкт детерминирован знанием, опытом, ценностями и пр.

Оказывается, только построенные каждым человеком на свой лад уникальные и притом устойчивые (т.е. неизменные) описания мира способствуют гибким приспособительным реакциям на изменения окружающей среды. Неизменность редко порождает гибкость. Неизменное понимание может обеспечивать наилучшие реакции к гибким условиям среды, только если оно верное. Но вроде бы и эта возможность отвергается: верное понимание должно быть единственным, а каждый человек, как утверждают, об одной и той же ситуации строит свои собственные уникальные конструкты и потому таких конструктов – множество...

Можно сколь угодно долго приводить примеры терминологической путаницы в психологии. Раз ключевое понятие – сознание – плохо определено, то тем хуже будут определены другие базовые психологические понятия. В психологии нет ясных и общепринятых определений практически всех важнейших терминов. Откройте обычные учебники. Крайне невнятные почти все даваемые в них определения: ощущений, эмоций, памяти, интуиции, личности и т.д. Поэтому Людвиг Витгенштейн сделал вывод, что у психологии имеется экспериментальный метод и путаница в понятиях.

Артур Ребер в Толковом психологическом словаре о психике пишет следующее: *Этот термин является избитым результатом объединения философии и психологии. На некотором глубинном уровне мы его нежно любим и лелеем, и видим в нем большой потенциал, но из-за нашей собственной несостоятельности непрерывно злоупотребляем им, грубо прибегая к излишним домыслам.*

Стало понятнее? Психология накопила огромное количество крайне интересных и неожиданных результатов экспериментальных исследований. Эти результаты меняют взгляд на природу психической деятельности. Однако используемая терминология при их описании часто туманна и не поддается однозначному пониманию.

Не решив вечных проблем, трудно надеяться на терминологическую ясность.

Общая психология в системе психологических наук

Даже если не поминать о вечных проблемах, психологи постоянно сталкиваются с морем головоломок. Воистину наше сознание творит чудеса! Оно каким-то невероятным образом помнит о том, о чем забывает, умудряется воспринимать невоспринятое и различать неразличимое. Оно исхитряется ошибки превращать в истину и способно успешно решать загадки, решению, на первый взгляд, не подлежащие. Сознание обо всем догадывается, хотя знает лишь о том, о чем ведать не ведает, а в довершение зачастую не имеет ни малейшего представления о том, что ему хорошо известно.

Для того, чтобы разгадать возникающие головоломки, появился специальный раздел психологии – общая психология, призванный изучать общие закономерности психической деятельности и открывать законы, общие для всех психических явлений. Общая психология обрела свое название в 1888 г., когда Шарль Рише – физиолог, в будущем лауреат Нобелевской премии – опубликовал «*Essai de psychologie générale*», т.е. «Опыт общей психологии».

Как отметил Г.Челпанов, следует отличать частные психологические исследования от психологии, приводящей в систему эти отрывочные знания. Эту последнюю психологи следует считать психологией в собственном смысле. Это именно есть психология теоретическая, общая или философская.

Одна из трудностей современной психологии состоит в том, что психология представляет собой конгломерат разных наук, мало связанных друг с другом. Выделяются области психологии, изучающие влияние какого-либо одного фактора на психическую деятельность: психология развития, или возрастная психология, социальная психология, психолингвистика, психофизиология, дифференциальная психология, патопсихология, а также – зоопсихология, историческая психология, экологическая психология, этнопсихология, гендерная психология, психология стресса и другие. Перечень неполон, а с признанием какого-либо нового

фактора всегда может возникнуть и новая область изучения.

Кроме того, отдельно выделяются прикладные отрасли психологии, призванные в конкретной деятельности применять знания, накопленные в разных областях психологии: психология труда, педагогическая психология, политическая, экономическая психология, инженерная, медицинская, организационная психология, спортивная, военная, юридическая, космическая, железнодорожная, искусства, религии, рекламы и другие.

В каждой из этих областей и отраслей получены уникальные и очень красивые результаты. Однако раздробленность ведет к тому, что специалисты в одной из психологических дисциплин зачастую не знают о достигнутых успехах в другой, не ищут обобщения знаний из разных областей, не имеют единой картины, в которую могли бы вписать кажущиеся столь разноречивыми психические явления. Конечно, во всех науках есть специализации. Скажем, в физике есть механика, термодинамика, оптика и т.п. Но разделы физики не вступают в противоречие друг с другом и объединены единой физической картиной мира. В психологии этого пока нет. Читая учебники, можно предположить, что специалисты в разных областях психологии вообще не имеют общих профессиональных интересов. Психология больше напоминает историческую науку, где один историк изучает, скажем, тридцатилетнюю войну, второй – специалист по Юлию Цезарю, а третий – по восстанию декабристов. При этом историки зачастую убеждены, что в их построениях не может быть ничего общего. Психологи все же, в отличие от историков, создали *общую психологию*. Но единой картины психических явлений не получилось.

Один из самых крупных психологов XX в., Джером Брунер, грустно пишет: *В чем-то я чувствую себя неудачником. Я надеялся, что психология сохранит целостность и не превратится в набор несообщающихся дисциплин, но она превратилась. Я надеялся, что она найдет способ навести мосты между науками и искусствами. Но она не нашла.*

Общую психологию сразу же поделили на части: на психические процессы, психические состояния и свойства личности. А каждую из этих частей поделили еще на множество частей. Одни только психические процессы стали стандартно делиться на ощущение, восприятие, мышление, память, воображение, внимание, волю, речь, эмоции и т.д.

Л. Сенека делил все процессы как относящиеся к прошлому (*memoria*), к настоящему (*presentia*) или к будущему (*providentia*). Ранние христианские гностики породили другую классификацию. Они считали, что Христос создал три сущности и четыре силы. Три сущности – это Воля, Мысль и Жизнь. Четыре силы – это Понимание, Милость, Восприятие, Разумность. Чем эти классификации хуже или лучше стандартной классификации психических процессов?

Принятое деление психических процессов весьма странное, поскольку сделано по разным основаниям: восприятие очевидно отличается от эмоций по другим основаниям, чем, скажем, память отличается от речи. Нет ясных критериев, позволяющих определить, какие процессы должны быть включены в эту классификацию, а какие – нет. Почему, например, вера, надежда, любовь или эстетический вкус не являются психическими процессами? Почему воображение – отдельный процесс, а понимание – часть мышления? Почему противоположные свойства внимания (концентрация, переключение, распределение) характеризуют один процесс, а не три?

Тем не менее классификация выглядит более-менее понятной и в какой-то мере эмпирически оправданной. Человек различает инструкции: посмотри, подумай, запомни или будь внимателен. Правда, ниоткуда не следует, что психика и сознание решает эти действительно разные задачи настолько по-разному, что требуется допущение о принципиально отличных друг от друга процессах. Так, человек, конечно, отличает зеленый цвет от воспоминания о первой любви. Но почему ощущение цвета и это воспоминание должно обеспечиваться принципиально по-разному

организованными процессами? Человек различает и то, идет он направо или налево. Следует ли из этого, что ходьба в разные стороны – это разные процессы? Трудно найти общие законы психической деятельности, допуская, что все эти, якобы, разные процессы подчиняются разным законам.

Эмпирические классификации всегда опасны. Первые химики также наблюдали различные процессы: смешивание, горение, растворение, выпадение в осадок и т.д. Но они искали общие причины всех этих явлений и потому не создавали ни теорий смешивания, ни лабораторий выпадения в осадок. Психологи же создают лаборатории психофизики, психологии восприятия, психологии мышления, строят теории памяти и т.д. Однако, как писал С.Л. Рубинштейн, *«воспринимает не восприятие само по себе, и мыслит не сама по себе мысль; воспринимает и мыслит человек – воспринимающая и мыслящая личность»*. Тем не менее психологи мышления обычно даже не думают о связи изучаемых ими явлений с законами психофизики, а специалисты по восприятию обычно не говорят о воле.

Стоит начать классифицировать – трудно остановиться. Отдельные процессы начинают распадаться на все более мелкие части. Перечислим для примера лишь малую толику выделяемых в литературе разных типов памяти: произвольная, непроизвольная, мгновенная, кратковременная, долговременная, рабочая, зрительная, слуховая, моторная, эмоциональная, имплицитная (неосознаваемая), декларативная («знаю, что»), процедурная («знаю, как»), семантическая, эпизодическая, автобиографическая, музыкальная, математическая и т.д., и т.п. А еще описывают разные мнемические процессы – запечатление, хранение, опознание, воспроизведение.

Именно против непомерного нарастания психических свойств в построениях ученых уже в Средние века выступил У. Оккам со своей знаменитой бритвой: «не вводите сущностей превыше необходимого». И. Ньютон в Новое время призвал ученых: «поскольку возможно, должно приписывать те же причины того же

рода проявлениям природы». Он предлагал рассматривать свет от кухонного очага и свет от Солнца как один и тот же свет. А в итоге создал оптику. Однородные явления надо объяснять одинаковыми причинами до тех пор, пока не доказано обратное. А разве доказано, что психические явления не однородны (не того же рода проявления природы) и что нет одинаковых причин, на них влияющих?

И. Герbart – первый теоретик в психологии, иногда даже называют его Ньютоном в психологии – в начале XIX в. объявил классификацию психических процессов и свойств *мифологией психологии*. Замечательный психолог В.П. Зинченко в конце XX в. признал, что разделение психических процессов *«из дидактического приема превратилось в теоретическую догму*. А Иванников В.А. уже в XXI в. еще более категоричен: *«Положение об отдельных процессах надо отвергать»*. Невозможно даже перечислить всех авторов, недовольных существующей классификацией психических процессов. А если посмотреть учебники, отнюдь не лучше обстоит дело почти с любой классификацией: от классификации свойств личности до классификации психических нарушений.

Нерешенность вечных проблем ведет к тому, что построения общей психологии существенно зависят от принятого подхода к интерпретации наблюдаемых явлений. Попробуйте соединить бихевиоризм, провозглашающий, что можно говорить только о наблюдаемом и измеряемом, а потому изучающий лишь поведение и физиологические реакции, старательно устрняя в своих построениях психику и сознание; психоанализ, считающий, что причины человеческого поведения содержатся в психике и во многом заданы бессознательными влечениями; культурно-историческую психологию, ставящую во главу угла учение о социальной, культурной и исторической природе психики и сознания; экзистенциализм, рассматривающий человека как находящегося в поисках смысла; конструктивизм, утверждающий, что знание не приобретается или усваивается, а активно конструируется субъектом; когнитивизм, пытающийся построить архитектуру преобразований,

совершаемых человеком с поступающей к нему информацией.

Даже из такого – весьма нестрогого – описания этих подходов видно, что все они строят разные психологии. Во всех подходах получены ценные результаты. Беда, что эти подходы зачастую противоречат друг другу. Вот как, например, в разных школах объясняют процесс забывания. Заметим, что забывание явно протекает иначе, чем в современном компьютере, – человек не пользуется кнопкой «стереть информацию». Не пользуется он и кнопкой «сохранить информацию» – никто ведь не умеет осознанно управлять физико-химическими процессами. Как же объясняется забывание?

Бихевиоризм говорит: след в памяти со временем разрушается (поскольку все со временем разрушается), и это приводит к забыванию. Психоанализ говорит: ничто из памяти не исчезает бесследно, след не разрушается, забывание – вытеснение из сознания нежелательной информации. Это же так удобно неосознанно оправдаться *перед самим собой*, почему я не сделал то, чего делать не хочу, – забыл. В двух случаях, замечает Фрейд, такое оправдание в нашей культуре не будет работать: солдат не может забыть приказ командира и возлюбленный, если он не пришел на свидание с любимой, не сможет оправдаться забыванием. Культурно-историческая школа объясняет забывание ненужностью хранения незначимой информации. Например, для жителей первобытных племен характерно наличие феноменальной памяти – они могут слово в слово повторить длинное послание своего вождя другому вождю, без карт прекрасно ориентируются на местности, узнают следы знакомого человека и т.д. Антропологи наблюдали у них пение наизусть в течение 5 ночей целой серии песен на языке, который самим певцам был неизвестен. Феноменальная память, как отмечает Выготский, чаще обычного встречается и у умственно отсталых детей. Почему же нормальные современные люди обычно не обладают такими способностями? Феноменальные возможности нашей памяти, полагают Л.С. Выготский и А.Р. Лурия, убила наша письменность. Буквальное

воспроизведение всего стало ненужно. Память стала более осмысленной, приобрела формы, поддерживаемые культурой. Когда студент конспектирует лекцию, он делает это для того, чтобы лучше запомнить, или для того, чтобы иметь право забыть?

Последователь Выготского, создатель собственной концепции деятельности А.Н. Леонтьев утверждает: след в памяти хранится всегда, но теряется путь к следу. (Ср. у Лейбница: *«раз пришедшее нам в душу отпечатывается в ней навеки, хотя не всегда возвращается нам на память»*). Экзистенциализм, насколько нам известно, такими мелочами не занимался и теории забывания не создал. Конструктивизм трактует воспоминание не как считывание следа, а как конструирование того, что должно храниться в памяти. Предполагается: то, что не вошло в конструкцию, забывается. Когнитивизм, особенно на ранней стадии, полагает, что поступающая информация последовательно обрабатывается множеством блоков, у каждого блока существуют ограничения на возможности приема и переработки информации. Это объясняется неведомо откуда взявшейся ограниченностью когнитивных ресурсов. (Почему ресурс ограничен? Потому – отвечают – что любой ресурс ограничен). А поскольку ресурс ограничен, новая поступающая информация вынужденно накладывается на предшествующую, интерферирует с ней, что тоже приводит к забыванию. Иногда пытаются объединить разные объяснения с помощью произвольных предположений. Мнемический след, например тогда говорят, характеризуется двумя свойствами: силой, которая подвержена интерференции, и уязвимостью («хрупкостью»), которая приводит к спонтанному угасанию следа во времени. Это разве что-нибудь объясняет?

Ни одна из теорий памяти не дает внятных ответов на многие возникающие вопросы. Например, как я могу помнить, что я нечто забыл, если я об этом забыл? А ведь я еще могу нечто уже забытое вдруг вспомнить спустя долгое время. Уже странно: ведь если след разрушился, или потерялся к нему путь, или не хватило когнитивного ресурса, чтобы запомнить,

то вспомнить я не должен. Но вот что уже никак не объясняется – как могу вспомнить с уверенностью, что правильно вспомнил? Казалось бы, уверенность может возникнуть, если я сравнил свое воспоминание с тем, что реально хранится в памяти. Но тогда я должен заведомо знать, что именно в моей памяти хранится. А если знаю, то почему долго вспоминаю?

Если теряется путь к следу, то как возможно заучивание? Ведь тогда при повторном предъявлении заучиваемой информации я буду ее запоминать так, как если бы до этого мне ничего не предъявлялось. Тем не менее заучивание происходит! При заучивании ряда мы упорно повторяем то, что уже запомнили, и упорно забываем то, что до этого уже забывали. Г. Эббингауз – один из первых исследователей памяти – формулирует закон, который был подтвержден в многочисленных исследованиях: число повторных предъявлений, необходимых для заучивания ряда знаков, растет гораздо быстрее, чем число знаков в предъявляемом для запоминания ряду. Сам Эббингауз запоминал 6–7 бессмысленных слогов с первого предъявления, но для запоминания 12 слогов ему требовалось уже 16 предъявлений. Фантастический результат: 6 слогов из 12 он запоминал сразу, а для запоминания оставшихся 6 слогов ему уже требовалось 15 предъявлений! Можно ли объяснить закон Эббингауза утратой пути к следу?

Под гипнозом и в бреде человек способен вспомнить то, о чем в нормальном состоянии не помнит. Еще в XVIII в. описан случай, когда взрослая *неграмотная* немка в лихорадочном бреде произносила тексты на древнееврейском, древнегреческом и латинском языках. Выяснилось: когда ей было 9 лет, она жила в доме пастора. Пастор любил расхаживать по коридору возле кухни, где жила девочка, читая вслух свои любимые тексты древних авторов. Когда женщина выздоровела, она не смогла вспомнить ни одного слова из того, что бормотала в бреде. Как все это возможно? Э. Клапаред описал больного с корсаковским синдромом (забывавшим все, что с ним происходит через 2–3 минуты). При рукопожатии с врачом он

получил укол иглой в руку. Больной остерегался в дальнейшем подавать руку этому врачу, хотя и уверял, что никогда раньше его не видел. Он помнит или нет?

А как объяснить, почему и сегодня встречаются люди с феноменальной памятью, способные помнить всё до мельчайших деталей? У них не разрушаются следы? Или у них неограниченный когнитивный ресурс? Нет хороших ответов.

Однако это не значит, что психологи разных школ напрасно проводили исследования памяти. Они получали уникальные результаты, находили интересные решения, только общей теории памяти им построить не удалось. Впрочем, это не только проблема памяти. Если открыть любой учебник – по психологии восприятия, психологии эмоций, психологии мотивации или психологии личности – там описываются замечательные эксперименты, им даются остроумные интерпретации. Но все это тонет в море противоречащих друг другу теорий. Все теории, как правило, имеют эмпирическое обоснование, однако заведомо не решают всех проблем и вместе несовместимы. В том числе и поэтому психологи стремятся решать локальные задачи, разделяя психическую реальность на все более мелкие части, надеясь, что при решении локальной задачи не встретят противоречия. Разумеется, такой путь может привести к получению замечательных локальных результатов, но, конечно, не приведет ни к решению вечных проблем, ни к построению общей теории психики. Однако, справедливо заметил В.П. Зинченко, «исследователь не может ждать откровения, которое осенит другого».

Практические психологи пытаются при разработке своих технологий опираться на тот или иной теоретический подход, легко соединяя несовместимое и достаточно вольно трактуя позицию теоретиков. Их не смущают противоречия и неточности. Для них важно, чтобы технологии были эффективны. В итоге констатируется глубокий разрыв («схизис», по выражению Ф.Е. Василюка) между академической наукой и практикой. Психологи действительно сегодня больше умеют, чем реально знают. Это

признак молодости науки. Умельцы прошлого тоже конструировали весьма изощренные механизмы задолго до того, как на свет появилась теоретическая механика. Практические психологи были бы, наверное, рады появлению хорошей общей теории, но в ее отсутствие успокаивают себя тем, что такой теории существовать не может.

Стоит, однако, помнить известный афоризм (чаще всего его автором называют физика Л. Больцмана, но произнесен он был многими учеными, в том числе психологом К. Левиным): *«нет ничего практичнее хорошей теории»*.

Наша главная задача – раскрыть общие законы психической деятельности. Но для этого надо придумать, как возможно возникновение осознания и субъективных переживаний из не имеющей таких переживаний материи, как осознанные представления могут хотя бы отчасти соответствовать реальности, как и почему наше сознание способно принимать самостоятельные решения, не зависящие ни от мозга, ни от объективных обстоятельств.

Любое объяснение сводит объясняемое к какому-либо понятному основанию. Выберем в качестве основания для решения фундаментальных вечных проблем логику познавательной деятельности. Далее покажем, как логика этой деятельности приведет нас к появлению психики и сознания как необходимых инструментов познания. Пока лишь отметим, что как бы ни понимались психика и сознание (как отражение, как конструирование, как особый тип информации и пр., и пр.), всегда отмечалась их связь с процессом познания. Психика, если приглядеться, чаще всего трактуется как такая способность, которая делает познание возможным. Л.М. Веккер называет *«корневым свойством психики»* то, что она отражает не самоё себя, не физиологические процессы, а внешний мир.

Но что же такого загадочного в процессе познания, что для его осуществления понадобились такие удивительные инструменты, как психика и сознание?

Познание как процесс, головоломки познания

Считается, что познание порождает знание. Однако термин «знание» весьма темен. Его туманность удачно продемонстрирована в одном из энциклопедических словарей. Вначале в словаре дается вроде бы интуитивно понятное определение: *«знание – это адекватное отражение действительности в сознании человека в виде представлений, понятий, теорий»*. Определение кажется разумным. Ведь если то, что я знаю, не соответствует действительности, то разве имеет смысл это называть знанием? Но в том же словаре в следующей же фразе сообщается: *«знания различаются по степени достоверности»*. И это тоже понятно. Мы можем знать что-либо, не зная, верно ли наше знание. Даже ложные знания – это все-таки знания, а не что-нибудь другое. Однако тогда знание нельзя определять как адекватное. Следующая фраза уже окончательно добивает данное вначале определение: *элементарные знания бывают у животных*. Вроде бы это тоже не вызывает сомнений. Но ведь ни в понятиях, ни тем более в теориях они свое знание выразить не могут! Так что же такое знание?

Пожалуй, самое удовлетворительное определение, даваемое в разных словарях: знание – это результат познания. Познание же трактуется как деятельность, *направленная* на получение достоверных знаний. Цель познания, тем самым, – знание, соответствующее реальности. Такое знание обычно называют истиной. Однако полная и окончательная истина недостижима. История науки убеждает: даже научное знание – самое надежное знание на свете – постоянно и существенно изменяется. Можно быть уверенными, что все теории, которые с большим трудом были созданы человечеством, через несколько столетий покажутся весьма наивными. Постоянно происходят открытия никем не предполагаемых явлений. Физики в конце XX в. с удивлением обнаружили, что Вселенная на примерно 90% состоит из темной материи и темной энергии, о которой они практически ничего не знают. Физиологи в XXI в., тоже к своему удивлению, нашли в мозгу

структуры, которые тем более активны, чем менее субъект вовлечен в целенаправленную деятельность. Обо всем этом и о многом другом никто даже догадаться не мог.

Сегодня на большинство вопросов об устройстве мира и природе человека никто не знает ответа. Ученые – не носители истины, а всего лишь ее искатели. Поэтому знание – всегда лишь промежуточный результат познания.

В познании одновременно действуют две противоположно направленные тенденции: сохранение и изменение. Надо сохранять то верное, что содержится в уже полученном знании, и исправлять те ошибки, которые накопились. Но нет критерия, позволяющего определить, что надо сохранять, а что изменить. Мы не можем точно знать, что из того, что мы знаем сегодня, истинно. Эффективность познания нельзя оценить по степени приближения к истине, ибо нельзя сравнивать известное (знание) с тем, что не до конца известно (с истиной). Всеобщий критерий истинности знания не может быть задан. Об этом убедительно писал И. Кант. Гносеологическая проблема, тем самым, является не только проблемой сознания, но проблемой познания вообще.

Если не замечать проблему, связанную с противоположностью процессов сохранения и изменения, то получается нечто странное. Физиологи и бихевиористы часто так описывали процесс формирования навыка: человек или животное делают разные хаотические попытки, некоторые из них оказываются более удачными, чем другие; лучшие попытки сохраняются и далее только совершенствуются. Именно так и пишет, например, физиолог Э.А. Асратян: *«Случайные удачные движения при повторении постепенно закрепляются и совершенствуются»*.

Однако, во-первых, если движения *повторяются*, то они, по определению, не совершенствуются. Поэтому в рассматриваемой версии никакое научение вообще не может происходить! Н.А. Бернштейн доказал: при тренировке двигательного навыка повторение упражнений всегда происходит без повторения тех же движений. Парадоксальна формула Бернштейна:

упражнение – это повторение без повторения. Во-вторых, закрепление и совершенствование – несовместимые процессы: если что-то сохраняется (закрепляется), то оно не может изменяться. Если вы закрепили колесо автомобиля, а оно разболталось – значит, вы плохо закрепили. В-третьих, что считать лучшей попыткой? Вы безуспешно пытаетесь забросить мяч в кольцо и все время промахиваетесь. Но, наконец, попали в обод кольца. Как оценить – это уже попытка, которую надо закреплять или нет? Ошибки, к тому же, иногда бывают более эвристичны, чем успехи. Колумб ошибся в определении расстояния до Индии, зато открыл Америку. В-четвертых, ежели после закрепления «лучшей попытки» вы будете продолжать делать исключительно хаотические движения, то достижение более удачного результата не имеет никакого отношения к закреплению предшествующей попытки, это достижение является просто случайным.

Субъект познания все время стоит перед выбором: или упорно защищать свои знания, или, наоборот, смело от них отказываться. И нет критерия, позволяющего оценить, какое из этих решений является наилучшим. В первом случае возрастает вероятность принятия заблуждения за истину (в психофизике такой случай называют ошибкой ложной тревоги), во втором – вероятность отказа от истинного знания (ошибка пропуска). В целом нельзя ни вычислить оптимальные значения этих вероятностей, ни свести их к нулю.

Известна легенда о Зеноне Элейском, объяснявшим ученику, что чем человек больше знает, тем больше он не знает. Для убедительности Зенон нарисовал два круга – маленький и большой. Представь, говорил он ученику, что внутри круга – знание, а за его границей – незнание. Чем больше круг знания, тем больше он соприкасается с незнанием. Красивая легенда. Но мудрый Зенон все же отчасти ошибался. Мы не можем строго отделить знание от незнания, не можем отделить истинное знание от ошибок, о которых нам станет известно только в будущем. И знание, и незнание всегда находятся как внутри круга знания, так и за его пределами. Но

Зенон прав в том, что чем меньше человек знает, тем, как правило, он меньше знает о том, чего не знает, и тем меньше он сомневается в собственных знаниях. К своим идеям сознание всегда относится бережно и стремится их сохранять. Чем глубже незнание, тем сознание упорнее доказывает правоту своих построений и тем тверже люди убеждены в своем понимании мира.

Для конкретных задач, тем не менее, часто может быть задан критерий правильности решения. Тогда такую задачу, как правило, можно решить. Этим и занят искусственный интеллект. Он способен ко многим достижениям, но оценить, что некоторое достижение произошло, может только человек. Необходимым условием успешного решения для искусственного интеллекта является заранее введенный человеком в вычислительную машину критерий приемлемости решения. Такой критерий для строго определенного класса задач иногда удается сформулировать. Тогда компьютер блестяще решает задачи, которые раньше считались прерогативой человека. Он может выигрывать у человека в шахматы и в го, потому что можно формально определить, что значит выиграть. Он может надежнее человека управлять луноходом, быстро и безошибочно обрабатывать огромные массивы информации и т.д. Однако если критерий приемлемости решения не задан, то искусственный интеллект не знает, когда он достигнет цели и должен остановиться, у него нет, как говорят, точки останова.

Раз не существует всеобщего критерия истинности, то не удивительно, что не удастся задать единственный критерий, позволяющий оценить эффективность познавательной деятельности даже тогда, когда это является важной практической задачей. В теории обучения используют, по меньшей мере, две не сводимые друг к другу оценки эффективности: обученность, характеризующаяся объемом сведений, приобретенных учеником в процессе обучения; и обучаемость, трактуемая как умение ученика учиться и измеряемая темпом продвижения при усвоении учебного материала, способностью ставить и решать новые проблемы и т.д. На

практике чаще всего используют оценку обученности, хотя это и приводит зачастую к серьезным педагогическим ошибкам, особенно по отношению к самым одаренным ученикам. Все выдающиеся педагоги мира призывают, однако, оценивать не обученность ученика, а его обучаемость, умение учиться. Учащийся, вспоминают они Плутарха, – это факел, который надо зажечь, а не сосуд, который надо наполнить знаниями.

Можно ли свести обе оценки к одной? Нет. По одним данным, обученность и обучаемость тесно положительно связаны: быстрее обучаются те ученики, чей уровень обученности выше. Это кажется естественным, так как обученность по определению есть следствие обучаемости и тем самым хотя бы отчасти характеризует последнюю. Однако, например, в исследованиях Б. Г. Ананьева оценки обученности и обучаемости оказываются вообще не связанными между собой. Наконец, обнаруживается и отрицательная связь между обученностью и обучаемостью, ибо высокая обученность часто снижает обучаемость. Действительно, учиться обычно легче, чем переучиваться. Наивысшая обучаемость встречается у детей в первые годы их жизни, т. е. тогда, когда они находятся в состоянии наименьшей обученности. Хорошо известно, например, что дети значительно легче и лучше усваивают вторые языки по сравнению со взрослыми.

К осознанию отсутствия связи между разными оценками познавательного развития подошла и психодиагностика. Исходя из предположения, что интеллект человека должен способствовать приобретению знаний и умений, обычно делался вывод: измеряя наличный уровень знаний и умений, можно оценить и саму интеллектуальную способность. Во многом на этой идее построены традиционные интеллектуальные тесты. Однако выяснилось, что успешность в выполнении этих тестов не позволяет предсказать успех в реальной творческой деятельности. Для измерения творческих способностей придумали различные тесты креативности. Оценки, полученные с помощью интеллектуальных и креативных тестов, как правило, не

связаны друг с другом. Дж. Гилфорд подчеркивает независимость способностей человека к дивергентному мышлению (т.е. к разнообразию ответов) и способностей к конвергентному мышлению (т.е. к нахождению правильного ответа конкретной задачи). Д.Б. Богоявленская более склонна к утверждению об отрицательной связи, когда говорит, что из двух видов продуктивного мышления один направлен на решение тестовой задачи, а второй ведет к постановке новых проблем, чем может даже мешать решению самой этой тестовой задачи.

Не могут найти удачный критерий познавательного развития и специалисты в области поведения животных. Как только они пытаются расположить разные виды животных по уровню сложности поведения или по какой-либо иной «шкале интеллекта», так, по их утверждению, возникают непреодолимые трудности. Дело в том, что, как оказалось, сложность поведения и его гибкость, изменчивость – две не сводимые друг к другу характеристики.

Методологи науки также искали, как оценить, какая теория лучше, прогрессивнее: та, которая наиболее точно описывает круг рассматриваемых явлений, или та, которая пусть менее точна, но эвристична, т.е. ставит новые проблемы и способствует появлению новых идей. Если эти теории оказываются конкурирующими друг с другом, то какую следует выбрать? Сравним гелиоцентрическую теорию Коперника с предшествующей ей геоцентрической теорией Птолемея. Теория Птолемея точнее соответствовала астрономическим наблюдениям, чем теория Коперника (до тех пор, пока И. Кеплер не исправил круговые орбиты планет у Коперника на эллиптические). Коперник мог опираться лишь на красоту своей теории. Тем не менее теория Коперника оказалась более эвристичной и выиграла конкуренцию. Но так бывает не всегда. Может выиграть и более точная теория, если другая (как выяснится, впрочем, только впоследствии) окажется неверной. Нет единственного критерия для выбора.

Методологи поэтому предложили элегантную идею. Поскольку ни один результат научного познания не является абсолютным

достижением, то его нельзя оценивать как нечто, данное само по себе, в отрыве от дальнейшего хода познания. Ценность любого результата определяется тем, как он влияет на последующий ход познания. Но совершить выбор теории надо сейчас, а не потом, когда ход познания станет известен. Исходя из этого, методологи объявили критерием прогрессивности научного познания проверяемость полученных знаний. Этот критерий хорош, прежде всего, тем, что проверяемость требует проверки, а следовательно, активности, продолжения деятельности. Более того, именно в результате проверки знание сохраняется или, наоборот, изменяется. Следовательно, проверяемость сущностно связана со знанием, охватывая воедино две разные его характеристики – устойчивость и изменчивость.

Направленность на проверку знаний субъективно выступает как постоянное сомнение в имеющихся знаниях (если проверяю — значит, сомневаюсь). А сомнение – это типичная черта научного мышления. Современное мировоззрение, как замечательно выразился Б. Рассел, позволяет нам *«жить без уверенности и в то же время не быть парализованными нерешительностью»*. Формула Декарта «Подвергай все сомнению» стала формулой, символизирующей научный подход. Это, кстати, отличает научное мышление, сомневающееся в полученных результатах, от религиозного, ибо сомнение в догматах веры греховно.

Но все же признаемся: ни один ученый в реальности не стремится к увеличению своих сомнений и опровержению своих гипотез. Проверимость знаний не поддается непосредственному измерению. Само утверждение о проверяемости как о важнейшем критерии эффективности научного познания не является проверяемым. Да и отнюдь не всякую гипотезу, славную только тем, что ее можно долго проверять, стоит оценивать как эффективную. И разве все непроверяемые идеи неэффективны? Все-таки некоторые из них были высказаны пророками человечества и оказали мощнейшее влияние на всю человеческую историю. В итоге путь, предложенный методологами, хоть и справедливо

обращает внимание на *проверку как на ключевую функцию познания*, тоже не приводит к единому критерию.

Человек как субъект познания обязан уметь оценивать эффективность своей познавательной деятельности. Иначе он не способен познавать. Однако никакая познающая система, включая человека, не имеет всеобщего критерия, позволяющего эту эффективность оценивать. Отсюда вроде бы следует, что познание невозможно. Однако человек – эффективная познающая система. Как ему это удастся?

Вот для того, предполагаю, чтобы познание стало возможным, и нужны психика и сознание.

Продолжение следует...